

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

43 2018
ЧАСТЬ II

16+

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал

Выходит еженедельно

№ 43 (229) / 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ. Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*
Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*
Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, *кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)*
Бидова Бэла Бертовна, *доктор юридических наук, доцент (Россия)*
Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*
Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*
Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*
Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*
Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*
Демидов Алексей Александрович, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, *доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)*
Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*
Искаков Руслан Маратбекович, *кандидат технических наук (Казахстан)*
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, *кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)*
Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*
Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*
Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*
Колпак Евгений Петрович, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, *доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)*
Курпаяниди Константин Иванович, *доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)*
Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*
Кыят Эмине Лейла, *доктор экономических наук (Турция)*
Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*
Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*
Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*
Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*
Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, *доктор философских наук, профессор (Россия)*
Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*
Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*
Узаков Гулом Норбоевич, *доктор технических наук, доцент (Узбекистан)*
Федорова Мария Сергеевна, *кандидат архитектуры (Россия)*
Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*
Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*
Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*
Шуклина Зинаида Николаевна, *доктор экономических наук (Россия)*

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственный редактор: Осянина Екатерина Игоревна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич, Голубцов Максим Владимирович, Майер Ольга Вячеславовна

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 14.11.2018. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

На обложке изображен *Олег Николаевич Трубачев (1930–2002)*, советский и российский лингвист-славист, исследователь этимологии славянских языков и славянской ономастики, специалист в области сравнительно-исторического языкознания, лексикограф.

Олег Николаевич Трубачев родился в Сталинграде в семье врача. В 1942 году ему довелось пережить страшные дни бомбардировок города, откуда семья едва выбралась. Первое время они жили в Горьком, а в 1944 году, после освобождения Украины, поселились в Днепрпетровске. Здесь мальчик окончил школу и в 1947 году поступил в университет. Он рано обратил на себя внимание преподавателей и сокурсников способностями к языкам и редким среди студентов интересом к славянской этимологии. К окончанию университета молодой человек представил две дипломных работы: основную — «Общеславянская лексика в основном словарном фонде русского языка» и дополнительную — о болгарском возрождении (Христо Ботев, Иван Вазов). К выпуску из университета он знал уже более десятка языков.

Окончательно круг исследований ученого определился в аспирантуре в Институте славяноведения, куда он поступил в 1953 году (правда, уже с 1952 года, будучи сотрудником московской газетной редакции «Комсомольской правды», он числился в заочной аспирантуре.) Олег Николаевич до 1961 года работал под руководством С. Б. Бернштейна — признанного главы советской славистики и опытного педагога. Молодого ученого в этот период и все последующие годы отличали преданность науке, необыкновенная работоспособность, пунктуальность, эрудиция и знание языков. Именно с этого времени этимология стала в творчестве О. Н. Трубачева стержневой дисциплиной: целью и одновременно инструментом исследования.

Конец 1950-х — 60-е годы были чрезвычайно плодотворны для ученого — одна за другой выходили его книги по этимологии.

С 1973 года Трубачев занимался темой индоарийского лингвоэтнического компонента в Северном Причерноморье, который, по его мнению, нашел свое отражение в античной эпиграфике и топонимии региона. Трубачев не был пионером в этой смелой и, по мнению ряда ученых, спорной теории, однако сам он подчёркивал, что «Услар ограничился вскользь высказанной догадкой о пребывании индийцев на Кавказе», а Кречмер лишь стоял у истоков проблемы, которую он развил, попытавшись обосновать индоарийский характер не только синдов и меотов, но и крымских тавров и Старой Скифии Геродота, а также предложив сотни новых этимологий.

В общей сложности в арсенале Трубачева было полтора десятка славянских языков. На международных съездах славистов и научных конференциях Олег Николаевич легко и непринужденно общался со своими коллегами из Чехии, Словакии, Словении, Хорватии, Югославии, Польши, Болгарии, Македонии. Для него понятие «братья-славяне» имело вполне рабочую основу, он создал «Этимологический словарь славянских языков», за что был удостоен постановлением президиума РАН первой золотой медали имени В. И. Даля. За научные достижения в области славистики ему было присуждено почетное звание *Doctor honoris causa* Кошицкого Университета (Словакия) и вручена золотая медаль имени П. Й. Шафарика. В 2001 году стал лауреатом премии имени А. С. Пушкина РАН.

По мнению В. Н. Топорова, О. Н. Трубачев представлял собой «целую эпоху в языкознании» и особенно «в сфере гуманитарного знания второй половины XX века». Начиная с 2008 года в Волгограде проводится ежегодная научная конференция «Дни русского языка» имени О. Н. Трубачёва.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

- Аммосова А. М.**
Государственное регулирование предпринимательской деятельности 99
- Ашихмина Н. С.**
Особенности формирования конкурсной массы при банкротстве физического лица 101
- Баймышева С. И.**
Субъекты наследования в российском гражданском праве 103
- Бачурина О. А.**
Особенности определения размера компенсации морального вреда по законодательству Российской Федерации 105
- Гусев А. Ю.**
Аспекты борьбы с экстремизмом в международном правовом поле. Часть 1 106
- Гусев А. Ю.**
Аспекты борьбы с экстремизмом в международном правовом поле. Часть 2 107
- Долгушина Д. А.**
Субъекты наследования по закону в наследственном праве Российской Федерации 109
- Донченко А. Г., Абдулмеджидова Э. М.**
Отграничение деяний, посягающих на социальную память об умерших и мест их захоронения, от смежных составов преступлений 111
- Журавлева К. А.**
Сущность местного самоуправления 113
- Калинкина Е. Ю.**
Потерпевший в преступлении, совершенном на улице: к проблеме обеспечения безопасности граждан 115
- Кириндас С. А.**
Вопросы взаимодействия суда и государственного обвинителя 119
- Кириндас С. А.**
Морально-этические аспекты взаимодействия суда и адвоката 121
- Копанова М. С.**
Право на апелляционное обжалование по уголовным делам в Российской Федерации.... 125
- Магомедова Э. А.**
Причины развития современного терроризма 127
- Мартынова Н. М.**
Локальные акты в образовательной организации, реализующей программы дополнительного образования..... 129
- Меркулова Ю. К.**
Криптовалюта как товар с точки зрения международного частного права 132
- Меркулова Ю. К.**
Криптовалюта как средство платежа с точки зрения международного частного права..... 135
- Меркулова Ю. К.**
Криптовалюта как финансовый инструмент с точки зрения международного частного права..... 139
- Мордвинова Е. Е.**
К вопросу о минимальном размере алиментов 144
- Новикова Е. И., Ченских А. А.**
К вопросу о безопасности на авиационном транспорте 146
- Новикова Е. И.**
Деятельность международных организаций в обеспечении авиационной безопасности 147

Плотникова Е. В.

Особенности возбуждения производства по делу о банкротстве гражданина по законодательству Российской Федерации 149

Подкорытова А. В.

Проблемы обеспечения прав граждан на жилище в РФ 151

Пшонко М. О.

Исторические сведения о производстве, распространении и потреблении наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов в России 153

Саргсян С. Н.

Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних 155

Свищ Н. В.

О некоторых вопросах возмещения ущерба за повреждение жилья в результате стихийного бедствия 158

Серветник С. В.

Гражданско-правовая и уголовная ответственность адвоката 161

Удолдина К. С.

Пути и способы совершенствования деятельности органов местного самоуправления в Российской Федерации 164

Федорова Е. А.

Анализ нормативно-правовой базы антикоррупционного законодательства в области декларирования доходов руководителей государственных учреждений 167

Федорова Е. А.

Деятельность кадровой службы по исполнению законодательства при декларировании доходов руководителей образовательных организаций 169

Федорова А. Ю.

Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации как дополнительная гарантия защиты прав несовершеннолетних .. 171

Чикунев А. Ю.

Соотношение понятий «контроль» и «надзор» в российской правовой системе 173

Чикунев А. Ю.

Контрольные полномочия высшего должностного лица в субъекте Российской Федерации 178

Шаханов М. К.

Право собственности коммерческих юридических лиц в РФ 182

Шумилова О. П.

Правовая основа деятельности органов местного самоуправления в сфере образования 185

Яницких Е. Н.

Основные понятия и специфика алиментных правоотношений в Российской Федерации 187

ИСТОРИЯ

Кадомцева В. В.

К вопросу о роли вице-короля Маунтбеттена в политике Великобритании в отношении Индии в середине XX века 189

ПОЛИТОЛОГИЯ

Шмидт В. А.

Программа «Земельный капитал в Санкт-Петербурге» как альтернативное решение проблемы обеспечения земельными участками многодетных семей: содержание, цели и основные этапы 192

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Государственное регулирование предпринимательской деятельности

Аммосова Александра Михайловна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

Не будем нырять в теоретические понятия государства, предпринимательской деятельности и так далее. Прежде чем разбираться в дебрях регулирования государством предпринимательской деятельности, определим актуальна ли данная сфера в нашем обществе. По результатам социологических исследований и мониторингу занятости населения, мы можем определить, что в наши дни население не готово охотно заниматься бизнесом.

Мы изучили рынок безработных и выявили тот факт, что заметно сократилось количество безработных, которые готовы заниматься своим делом, открывать бизнес и стать финансово независимым. К примеру, если в 2011—2012 годах каждый второй гражданин, оставшись без основного места работы, хотел стать предпринимателем, вести свою дело по своим правилам, расширяя свои возможности, а именно, не ограничивая себя работой «для кого-то». И регистрация бизнеса была востребованной услугой, то теперь желающих заниматься предпринимательской деятельностью все меньше и меньше. С чем это связано? Может государство каким-то образом притесняет и завязывает руки бизнесменам? Или мышление народа направлено на более определенный путь, ведь работая на государственные учреждения ты в большей степени уверен в завтрашнем дне. Ты сознательно спокоен о своем финансовом состоянии, даже в том случае, если твоя зарплата не позволяет жить на широкую ногу, но ты знаешь, что в определенный день ты получишь свои заработанные деньги. Бизнес жесток и не каждый готов строить что-то свое и бороться за устойчивое состояние на финансовом рынке. Важно отметить, что сами предприниматели считают, что на сегодняшний момент, не самое удачное время для начала предпринимательской деятельности. И бизнесмены не обозначают своими планами расширение своего бизнеса и не готовы создавать новые рабочие места.

И не всегда причина начала своего бизнеса заключается в финансовой независимости, многие предприниматели пришли в бизнес не от возможности стать миллионером, они просто не нашли других возможностей трудоустроиться. Около 25 процентов пытаются поддержать се-

мейный доход и оставить что-то своим детям, упрочив их финансовое положение. Но начав бизнес просто так, вряд ли можно достичь высоких результатов. Опираясь на мнения экспертов, любое повышение минимальной заработной платы, оборачивается головной болью для бизнесменов. Тем самым, это приводит к прекращению деятельности. Согласно их выводам, роста предпринимательства в России в ближайшие годы не намечается.

Но вернемся к вопросу о государственном регулировании предпринимательской деятельности. Все, кто когда-то решил открыть свой бизнес, так или иначе сталкивался с государственным регулированием. Это процедуры оформления, налоговые выплаты, отчеты перед определенными государством инстанциями, ограничения и запреты — все это знакомо любому предпринимателю. Но большая часть регулирующих рычагов на самом деле не бессмысленны так, как служат гарантией защиты прав как потребителей, так самих предпринимателей от разнонаправленно, давящей конкуренции.

В регулировании предпринимательской деятельности заключено осуществление государственными органами политики страны в сфере предпринимательства. Как видим, весьма понятное определение, несмотря на лаконичное обозначение, это понятие до сих пор вызывает вопросы у населения.

Государственное регулирование предпринимательской деятельности — это определенная система упорядоченных мер, реализуемых государством в рамках законности, для проведения государственной экономической политики.

Главной целью воздействия государства на предпринимательскую деятельность является достижение и соблюдение грани публичных и частных интересов в экономике. Данная цель реализуется посредством трех основных функций:

а) создание условий функционирования рынка, сюда входят: определение форм собственности хозяйствующих субъектов и правил управления, создание механизма обеспечения исполнения договоров, предупреждение споров между хозяйствующими субъектами и разрешение их в судебном порядке, установление денежной системы, уста-

новление стандартов на продукцию, защита прав и интересов потребителей продукции;

б) стратегическое планирование науки и научно-технического прогресса;

в) решение макроэкономических проблем: объём национального производства, обеспечение пропорциональности развития экономики, регулирование и стимулирование темпов экономического роста, регулирование уровня занятости трудоспособного населения, социальная защита.

Государственное регулирование предпринимательской деятельности можно классифицировать в зависимости: от степени воздействия государства на те или иные общественные отношения в различных отраслях национальной экономики, максимальный (использование всех или большинства средств государственного регулирования), средний, минимальный (в отношении предпринимательства, связанного с творческой деятельностью) уровни (режимы) государственного регулирования экономики. В зависимости от методов — прямое, косвенное регулирование. В зависимости от территории — регулирование на федеральном, региональном и местном уровне.

К принципам государственного регулирования в юридической литературе относят:

1. Принцип законности. Законность государственного регулирования предпринимательства означает, что его меры соответствуют действующему законодательству, применяются в установленном законом порядке.

2. Принцип целесообразности государственного регулирования предпринимательства заключается в том, что оно должно использоваться только тогда, когда с его помощью те или иные проблемы в развитии предпринимательства могут быть решены и когда отрицательные последствия его применения не превосходят достигаемого с его помощью положительного эффекта.

3. Принцип взаимной ответственности государства и хозяйствующих субъектов. Государство должно обеспечивать не только безопасность каждого человека, но и давать гарантии в обеспечении безопасности предпринимательской деятельности.

Опираясь на данную классификацию принципов, с помощью которых государство регулирует предпринимательскую деятельность мы так же можем выделить дополнительную уверенность в том, что государственный контроль дает уверенность в продвижение и течения бизнеса в правильном направлении, благодаря законности регулирования, решение проблем целесообразными методами, и государство несет ответственность во взаимоотношениях.

С регулированием бизнеса мы сталкиваемся изначально, посредством оформления документов, носящих юридическую силу, такие как принятие правового акта управления, государственную регистрацию субъектов

предпринимательской деятельности, лицензирование, если того требует закон. Далее государство стимулирует и поддерживает предпринимателей различными льготами, кредитами, государственной поддержкой в виде субсидий, субвенций и проч. Устанавливаются единые правила поведения на рынке, соблюдение которых проверяется компетентными государственными органами, что позволяет функционировать бизнесу на равных условиях.

Также кратко остановимся на методах государственного регулирования, которые в свою очередь подразделяются на: административные, экономические и морально-политические. Под классификацию административных относятся: запрет, юридическая ответственность, принуждение, в том числе с помощью уголовной и административной ответственности. Экономические методы в отличие от прямых административных методов проявляют себя в косвенном регулировании предпринимательской сферы деятельностью с помощью: цен, тарифов, квот, налогов и лицензий. Морально-политические методы реализуются с помощью средств массовой информации.

Подводя итоги, можно сказать, что государство всячески поддерживает предпринимателей в открытие своего бизнеса. Предлагается не малый перечень помощи на первых парах открытия, что касается предоставления денег (в кредит, на льготных условиях и так далее). К основным направлениям государственного регулирования предпринимательской деятельности относят: создание условий цивилизованного функционирования рынка (определение формы собственности хозяйствующих субъектов и правил управления, создание механизма обеспечения исполнения хозяйственных договоров, защита интересов и прав потребителей, установление стандартов и мер, предупреждение споров между предпринимателями. Стратегическое планирование науки и научно-технического прогресса. Решение макроэкономических проблем: пропорциональность развития экономики, темпы экономического роста, объём национального производства, внешнеэкономические связи страны, уровень занятости и социальная защита населения. В целом, имея ориентир и опираясь на современный рынок, потребности населения, его интересы возможно построить четко построенный бизнес. Имея грамотно составленный бизнес-план будущего бизнеса и уверенность в правильности решения, можно достичь больших высот в предпринимательской деятельности. Социально ориентированный рынок услуг и товаров дает простор для работы, несмотря на множество предложений и услуг, именно твое дело может быть новым веянием и новым дыханием современного бизнеса. Государство не притесняет и не содействует закрытию бизнеса, в большей мере самозанятость выгодна государству по ряду причин, которые послужат обсуждению для другой статьи.

Литература:

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» (в ред. Федерального закона от 22.12.2014 № 432-ФЗ

2. Самуэльсон, П. А., Нордхаус В. Д. Экономика.-М.: «Бином», «Лаборатория Базовых Знаний», 2014, 397 с.
3. Тарануха, Ю. Предпринимательство в переходной экономике.// Экономист, 2014, № 16, с. 42–49.

Особенности формирования конкурсной массы при банкротстве физического лица

Ашихмина Наталья Сергеевна, студент магистратуры

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье рассматриваются особенности и проблемы формирования конкурсной массы при банкротстве физического лица. Делается вывод о необходимости установления специального перечня имущества, на которое не может быть обращено взыскание в процессе банкротства физических лиц. Представляется, что это позволит систематизировать положения законов, касающиеся такого имущества. Также в механизме формирования конкурсной массы при банкротстве физического лица необходимо предусмотреть возможность пересмотра исключений из нее имущества или установление ограничений по стоимости.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), конкурсная масса, должник, кредитор, имущество.

В ситуации ускорения развития экономических отношений и вовлечения в них многих граждан из числа экономически активного населения неизбежно встает проблема правового регулирования процесса установления неспособности выполнения ими своих обязательств. Переход к рыночной экономике поставил на повестку дня вопросы формирования адекватного законодательства, регулирующего экономический оборот, в том числе защищающего его участников от последствий неэффективной деятельности, к числу которых относится несостоятельность (банкротство). В современной России в результате принятия поправок 2014–2015 гг. созданы правовые условия для развития института несостоятельности (банкротства) физического лица.

Согласно ч. 1 ст. 213.25 ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту — Закон о банкротстве), в конкурсную массу может входить «...все имущество гражданина, имеющееся на дату принятия решения суда о признании гражданина банкротом и введении реализации имущества гражданина и выявленное или приобретенное после даты принятия указанного решения», за исключением имущества, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским процессуальным законодательством (ч. 3 ст. 213.25), т. е. за исключением имущества, определенного ст. 446 Гражданско-процессуального кодекса РФ (далее по тексту — ГПК РФ) как не подлежащее изъятию.

Хотя некоторые исследователи считают определенные виды имущества безусловно (по природе) исключаемыми из конкурсной массы и даже «защищенными иммунитетом» от включения в конкурсную массу [5; с. 37], фактически российское законодательство о банкротстве, так же, как и американское, сначала включает все имущество в конкурсную массу, а потом предусматривает освобождение (исключение) для некоторых видов имущества, об исключении которых ходатайствует должник.

В Российской Федерации «перечень имущества гражданина, которое исключается из конкурсной массы, утверждается судом, о чем выносится определение, которое может быть обжаловано» (ч. 2 ст. 213.25). Однако, существует перечень имущества, которое не включается в конкурсную массу. В первую очередь, речь идет об имуществе, контроль над которым гражданина-должника малозначителен [3; с. 21]. Для данного ограничения действует принцип — в случае, когда имущество в соответствии с законом не было доступно кредиторам в ходе удовлетворения их требований вне «банкротного производства», им не могут быть предоставлены более широкие права на распоряжение данным имуществом в процессе признания банкротом физического лица (подобное положение с определенной спецификой распространяется и на юридических лиц).

Можно встретить мнения относительно узости термина «имущество», употребляемого законодателем в контексте ст. 131 Закона о банкротстве. Исследователи аргументируют свою позицию ссылкой на ст. 128 Гражданского кодекса РФ. В данной статье закреплено легальное определение имущества. К имуществу данная статья относит вещи (в том числе ценные бумаги, деньги), имущественные права и иное имущество. Тем самым, если буквально толковать ст. 131, а также ст. 213.25 Закона о банкротстве, получается, что в конкурсную массу не включаются охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, нематериальные блага, а входят только вещи и имущественные права. Но такое толкование противоречило бы главной цели процесса банкротства и цели формирования конкурсной массы — максимально полного удовлетворения требований кредиторов за счет всех благ должника, на которые можно обратить взыскание. На практике применительно к банкротству юридических лиц используется расширительное толкование термина «имущество» в рамках

Закона о банкротстве с включением в конкурсную массу и иных объектов гражданских прав (помимо вещей и имущественных прав) [1].

По общему правилу, кроме вышеупомянутого имущества, не подлежащего взысканию, из конкурсной массы подлежит исключению имущество, которое относится к категории изъятого из оборота, а также имущественные права, связанные с личностью должника (в том числе права, основанные на лицензии на осуществление отдельных видов деятельности). Как справедливо считает Е. Ю. Попов, имущество, не включаемое в конкурсную массу гражданина, признанного банкротом, может быть классифицировано на четыре группы по критерию отнесения к объектам собственности физических лиц:

- 1) изъятое из оборота;
- 2) ограниченное в обороте, с возможностью нахождения в собственности гражданина при наличии специального разрешения (лицензии);
- 3) ограниченное в обороте, которое может находиться в частной собственности при наличии специального разрешения (лицензии) с учетом выполнения требований, предъявляемых к имуществу;
- 4) ограниченное в обороте, которое может находиться в собственности гражданина при условии выполнения требований, предъявляемых к имуществу [6; с. 162].

Представляется особенно важным изучение состава имущественного комплекса, защищенного от изъятия, речь идет о имуществе, не подлежащем взысканию в соответствии с действующим законодательством, а также возможности отслеживания эволюции данной нормы, что позволяет увидеть изменение приоритетов законодателя на различных этапах развития экономических отношений. По аналогии с прощением долга, исключения остро ставят основополагающие вопросы не только о коммерческой разумности и социальной справедливости, но и о человеческом достоинстве. Как при оценке внутренних качеств человека можно назвать его излишне расточительным, безответственным или, напротив, милосердным и экономным, так и перечень исключений может сказать нам многое о шкале ценностей и установках конкретного общества в отношении финансово нестабильных граждан [6; с. 163–164].

На современном этапе развития российского общества имущественный комплекс, защищенный от изъятия, претерпел значительные изменения. Согласно действующей редакции ст. 446 ГПК РФ к числу видов имущества, не подлежащего изъятию, относятся, в частности:

1) жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, за исключением указанного в настоящем абзаце имущества, если оно является предметом ипотеки и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание;

2) земельные участки, на которых расположены объекты, указанные выше, за исключением указанного в настоящем абзаце имущества, если оно является предметом ипотеки и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание;

3) предметы обычной домашней обстановки и обихода, вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и другие), за исключением драгоценностей и других предметов роскоши;

4) используемые для целей, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, племенной, молочный и рабочий скот, олени, кролики, птица, пчелы, корма, необходимые для их содержания до выгона на пастбища (выезда на пасеку), а также хозяйственные строения и сооружения, необходимые для их содержания, и т. д.

Стоит отметить, что зачастую взыскания застрагивают и доходы граждан, однако, не все виды доходов подлежат взысканию. Законодательно закреплен перечень видов доходов, на которые судебные приставы-исполнители не имеют права наложить взыскание. Согласно ст. 101 Федерального закона от 02.10.2007 № 227-ФЗ «Об исполнительном производстве» взыскание не может быть обращено на следующие виды доходов:

- 1) денежные суммы, выплачиваемые в возмещение вреда, причиненного здоровью;
- 2) денежные суммы, выплачиваемые в возмещение вреда в связи со смертью кормильца;
- 3) денежные суммы, выплачиваемые лицам, получившим увечья (ранения, травмы, контузии) при исполнении ими служебных обязанностей, и членам их семей в случае гибели (смерти) указанных лиц;
- 4) компенсационные выплаты за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов гражданам, пострадавшим в результате радиационных или техногенных катастроф;
- 5) компенсационные выплаты за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов гражданам в связи с уходом за нетрудоспособными гражданами;

6) ежемесячные денежные выплаты и (или) ежегодные денежные выплаты, начисляемые в соответствии с законодательством Российской Федерации отдельным категориям граждан (компенсация проезда, приобретения лекарств и др.), и т. д.

Следует отметить, что в 2012 г. в Государственную Думу Федерального Собрания РФ был внесен законопроект «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника»», который предусматривал создание специального перечня имущества, не подлежащего взысканию при признании банкротом физического лица (гражданина-должника). Тогда законопроект не был поддержан, однако, на целесообразность подобного документа, в частности, указывают В. П. Быков, Е. В. Чер-

никова, А.В. Финогенов [2; с. 82–83], Г.Г. Глинка и О.А. Шварц [4], а также Е.Ю. Попов [6]. Полагаю, что это позволило бы систематизировать положения имеющихся нормативных актов и преодолеть их противоречивость.

Таким образом, представляется, что в настоящий момент необходимо ввести специальный перечень имуще-

ства, не подлежащего взысканию, применяемый при банкротстве физических лиц. Это позволит систематизировать положения законов, касающиеся такого имущества. Также в механизме формирования конкурсной массы при банкротстве физического лица необходимо предусмотреть возможность пересмотра исключений из нее имущества или установление ограничений по стоимости.

Литература:

1. Ахонина, Ю. Изъятия из конкурсной массы должника при банкротстве: анализ законодательства и судебной практики. URL: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks318279 (дата обращения: 12.03.2018).
2. Быков, В.П., Черникова Е.В., Финогенов А.В. Вопросы правового регулирования несостоятельности (банкротства) граждан // Современное право. 2018. № 2. с. 80–86.
3. Вронская, М.В. Актуальные проблемы института банкротства граждан в российском законодательстве // Юридические исследования. 2017. № 11. с. 20–27.
4. Глинка, Г.Г., Шварц О.А. Исключения из конкурсной массы при банкротстве физического лица в России и США: сравнительно-правовое исследование // Отрасли права. Академический портал. URL: <http://xn--7sbbaj7auwnfihk.xn--p1ai/article/23193???history=16&pfid=1&sample=16&ref=0> (дата обращения: 22.09.2018).
5. Кузнецова, Е.Н. Иммунитет от взыскания в отношении определенных видов имущества должника: Сравнительно-правовой анализ на основе законодательства России и Франции // Арбитражный и гражданский процесс. 2001. № 4. с. 37–44.
6. Попов, Е.Ю. Формирование гражданско-правового института банкротства физического лица в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2011. — 200 с.

Субъекты наследования в российском гражданском праве

Баймышева Сымбат Исламовна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В данной статье проводится анализ субъектов наследственных правоотношений. Рассмотрена проблема наследования юридического лица, а также рассмотрен вопрос, могут ли являться участниками наследственных правоотношений: нотариус, иные должностные лица, душеприказчик и рукоприкладчик.

Ключевые слова: наследственное право, наследники, наследственные правоотношения.

В соответствии с положениями ГК РФ наследниками могут быть любые субъекты гражданских правоотношений. В частности, физические и юридические лица, а также государство, его субъекты и муниципальные образования, иностранные государства и международные организации. В настоящее время неоднократно ставится вопрос о том, являются ли участниками наследственного правоотношения нотариусы и другие должностные лица, а также душеприказчики, рукоприкладчики и отказополучатели. По мнению Волковой Н.А. и Ильиной О.Ю. субъектами наследственного правоотношения, помимо наследодателя и наследников, выступают и другие лица, не являющиеся наследниками, например, душеприказчик и отказополучатель [1]. По мнению Кутузова О.В. наследники вступают в правоотношения не только между собой, но и с широким кругом лиц, указанных в законе. К ним относятся нотариус, исполнитель завещания, отказополу-

читель, кредиторы наследодателя, должностные лица государственных органов [2]. Однако, данные точки зрения являются спорными.

Правоотношения с участием отказополучателя не являются наследственными потому, что обязанность по исполнению завещательного отказа переходит к легатарии не от наследодателя, а от наследника, доля которого обременена отказом. Отказополучатель связан обязательственными отношениями с последним. Отношения с участием органов нотариата и свидетелей носят исключительно процессуальный характер и заключаются в оказании наследнику содействия в осуществлении его права, в то время как наследственное правоотношение является по своей природе материально-правовым.

Душеприказчика следует рассматривать в качестве самостоятельного субъекта обязательственного правоотношения по реализации выраженной в завещании последней

воли наследодателя, так как идея отождествления статуса исполнителя завещания со статусом представителя встречает множество препятствий и не является достаточно обоснованной. При этом следует признать вполне допустимым осуществление функций душеприказчика юридическим лицом в том случае, если оно является наследником по завещанию.

Что же касается рукоприкладчика, то принято считать, что он является посторонним лицом и техническим исполнителем завещания. Почему посторонним лицом? В первую очередь, это вызвано необходимостью пресечения злоупотреблений со стороны заинтересованных в получении наследства лиц.

Таким образом, можно сказать, что все указанные лица не могут являться участниками наследственных правоотношений, так как их действия направлены на оформление и реализацию наследственного правоотношения.

Так, в соответствии со ст. 36 Основ законодательства о нотариате [3] нотариусы должны оформлять наследственные права граждан. Иные должностные лица могут также удостоверить завещания и совершать иные юридически значимые действия в силу ст. 1127 ГК РФ, ст. ст. 37–38 Основ законодательства о нотариате [3].

Есть еще один немаловажный вопрос, который касается наследования юридического лица. Юридические лица могут быть правопреемниками, если:

— выступают в качестве наследника по завещанию (абз. 2 ч. 1 ст. 116 ГК РФ);

— назначены исполнителем завещания (ч. 1 ст. 1286 ГК РФ);

— участвуют в качестве субъекта доверительного управления (ст. 1173 ГК РФ).

В абз. 2, п. 1, ст. 1116 ГК РФ прямо указано, что к наследованию по завещанию могут призываться также указанные в нем юридические лица, существующие на день открытия наследства. Данное определение не позволяет дать однозначный ответ на вопрос, какие именно юриди-

ческие лица могут быть призваны к наследованию: только те, которые продолжают существовать в неизменном виде, или же могут наследовать и юридические лица, подвергшиеся реорганизации.

По мнению Гасанова З. У, факт существования юридического лица на момент открытия наследства должен быть подтвержден сведениями из Единого государственного реестра юридических лиц [4]. Суденко В.В. отмечает, что на месте реорганизованного юридического лица возникает совершенно новое юридическое лицо или несколько других организаций, в то время как непосредственная воля завещателя была направлена на изначально существовавшую организацию [5]. А Янушкевич Е. А. считает, что реорганизованное юридическое лицо к наследованию не призывается, так как право наследования в субъективном смысле принадлежит конкретному лицу и возникает лишь с момента открытия наследства. Будучи же еще не возникшим, оно не может переходить в порядке правопреемства к реорганизуемым юридическим лицам [6].

С этим трудно не согласиться, так как реорганизация влечет к прекращению существования изначально созданного юридического лица и приводит к созданию одного или нескольких юридических лиц. Отсюда вытекает еще один вполне обоснованный вопрос: что делать, если реорганизация началась уже после открытия наследства? Некоторые авторы считают, что если в период после открытия наследства, но до истечения срока на его принятие, юридическое лицо, указанное в завещании, завершит реорганизацию, то право наследования приобретает его универсальный правопреемник либо, при отсутствии такового, иной правопреемник, назначенный комиссией по реорганизации [5, с. 10].

Таким образом, можно сделать вывод, что вопрос, касающийся наследования юридических лиц, является проработанным не до конца и оставляет много белых пятен в действующем законодательстве.

Литература:

1. Наследственное право: учеб. пособие / под ред. Н.А. Волковой, А.Н. Кузбагарова, О.Ю. Ильиной. — М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2016. — с. 60–61.
2. Кутузов, О.В. Предложения по совершенствованию законодательства в отношении некоторых субъектов наследственных правоотношений / О.В. Кутузов // Правовая идея. — 2013. — № 3 (3). — с. 5.
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате. Утв. ВС РФ 11.02.1993 г. № 4462–1 (ред. от 31.12.2017) // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1993. — № 10. — Ст. 357.
4. Гасанов, З.У. Наследник как субъект отношений по наследованию: права, обязанности, ответственность // Ученые записки Казанского университета, 2013. № 4. с. 110.
5. Суденко, В.В. Осуществление и защита наследственных прав и интересов / В.В. Суденко. — М.: Юрист, 2007. — с. 3.
6. Янушкевич Е., А. Субъекты наследования предприятия по завещанию / Е.А. Янушкевич // Правоведение. — 2007. — № 6. — с. 67.

Особенности определения размера компенсации морального вреда по законодательству Российской Федерации

Бачурина Ольга Алексеевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Согласно положений п. 1 ст. 1101 ГК РФ компенсация морального вреда осуществляется в денежной форме. Подобная форма компенсации морального вреда также регламентируется нормами иных нормативно-правовых актов, разработанных отечественным законодателем.

При этом, данные нормативно-правовые акты регламентируют установление размер компенсации морального вреда следующими несколькими способами.

Первым способом определения размера компенсации морального вреда является соглашение сторон спора между собой. Так, например, согласно ст. 39 ГПК РФ размер компенсации морального вреда определяется соглашением сторон спора между собой, в том числе непосредственно как в досудебном порядке, так и в суде путем заключения мирового соглашения.

В соответствии со ст. 237 ТК РФ размер компенсации морального вреда определяется до момента причинения морального вреда, в денежной форме в размерах, определяемых соглашением сторон трудового договора.

Вторым способом определения размера компенсации морального вреда является судебный порядок, т. е. он определяется судом на основе оценки доказательств, представленных в материалы дела.

В правоприменительной практике имеют место оба способа определения размера компенсации морального вреда. Однако, в большинстве случаев определение размера компенсации морального вреда осуществляется в судебном порядке. В соответствии с абз. 1 п. 2 ст. 1101 ГК РФ размер компенсации определяется судом, путем обязательного установления и оценки следующих обстоятельств:

- 1) характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий;
- 2) наличия причинно-следственной связи между действиями, причинившими вред, и непосредственно наступлением вреда в том его объеме и специфике, согласно указанных действий;
- 3) степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда.

Случаи, когда компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда, указаны в ст. 1100 ГК РФ:

- вред непосредственно причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности;
- вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о не-

выезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ;

- вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию;
- в иных случаях, предусмотренных законом.

Согласно положений абз. 2 п. 2 ст. 1101 ГК РФ характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом следующих критериев:

- 1) фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред;
- 2) индивидуальных особенностей потерпевшего.

Такой подход законодателя к регламентации оценки характера физических и нравственных страданий обусловлен, тем, что моральные и физические страдания имеют субъективный характер. Кроме того, они по мнению некоторых исследователей, зависят от особенностей конкретного человека, их, в отличие от имущественного вреда, трудно оценить, измерить объективными показателями. Этим обусловлено и то, что на законодательном уровне категория «страдания» или четкие критерии, характеризующие понятия «физические страдания», или «нравственные страдания» не регламентированы. Хотя сам термин «страдание», рассмотренный в качестве неотъемлемого «компонента» института морального вреда, приобрел теперь правовой характер (п. 2 ст. 1101 ГК РФ). Такое положение является целиком и полностью объяснимым в связи с указанным нами и другими авторами оценочным характером представленных категорий. Однако, по мнению К. А. Тарасевич, с которым мы категорично согласны, «...понятие «страдания» является ключевым для определения наличия морального вреда и размера его компенсации, поскольку оно подчеркивает, что действия причинителя морального вреда, вызывая определенную негативную психическую реакцию, обязательно должны проявиться в сознании потерпевшего».

При оценке судом характера физических и нравственных страданий также необходимо учитывать и особенности поведения самого потерпевшего в момент причинения вреда.

Между тем при определении размера компенсации морального вреда согласно положений п. 2 ст. 1101 ГК РФ в обязательном порядке должны учитываться требования разумности и справедливости. В связи с этим, судебные акты о взыскании компенсации за причиненный моральный вред могут изменяться в части или отменяться в целом на основании несоразмерной либо несправедливой компенсации.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ: по сост. на 01 сентября 2018 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ: по сост. на 03 августа 2018 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ: по сост. на 11 октября 2018 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.
4. Слесарев, С. Моральный вред / С. Слесарев С. / Текст работы официально опубликован не был // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2018.
5. Тарасевич, К. А. О некоторых вопросах определения размера компенсации морального вреда / К. А. Тарасевич // Ленинградский юридический журнал. — 2016. — № 4. — с. 158–166.

Аспекты борьбы с экстремизмом в международном правовом поле. Часть 1

Гусев Александр Юрьевич, студент магистратуры

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

В последнее время в контексте усилий по борьбе с терроризмом, проблема борьбы с экстремизмом рассматривается как отдельный вызов международной безопасности.

Феномен экстремизма способен принимать различные формы, поэтому экстремизм является сложным, многомерным явлением, затрагивающим юридические, социальные, политические и экономические инструменты жизнеобеспечения отдельных государств.

В связи с вышеуказанными факторами международному сообществу необходимо выработать и согласовать единые подходы к борьбе с экстремизмом.

В частности, об этом заявил генеральный секретарь ООН на заседании генеральной ассамблеи, назвав экстремизм серьёзной угрозой для мировой безопасности. Эксперты в международных делах не являются исключением в этом отношении. Западные ученые обращают внимание на то, что терроризм и экстремизм выросли из сугубо национальной проблемы в международную. Однако, эти угрозы взаимосвязаны, и угроза для одного человека представляет собой угрозу для всех, взаимная уязвимость слабых и сильных никогда не была столь очевидной. В целом следует отметить, что многие из работ иностранных авторов, в которых упоминается термин «экстремизм», к сожалению, не содержат существенных положений, касающихся экстремизма как угрозы международному миру и безопасности.

Организация Объединенных Наций проводит усиленную борьбу с терроризмом и экстремизмом, несмотря на то, что международное сообщество не соглашается на общее определение терроризма, на международном правовом уровне. Речь идет о разработке в 1996 году всеобъемлющей конвенции «о международном терроризме», которая была установлена Индией, и которая столкнулась с расхождениями в подходах государств к определению

«терроризма» и его соотношения с «правом людей на самоопределение». При этом возникают естественные вопросы: какова перспектива развития обычного международного юридического определения экстремизма? Ждёт ли его та же участь, что и определение терроризма?

Эти вопросы становятся еще более сложными в свете новых документов ООН, в одобренной Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций Резолюции 60/288, экстремизм упоминается как «этнический экстремизм». Решения, в прошлом принятые Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в этой области отличаются тем, что они отделяют новую форму экстремизма от английского термина «насильственный экстремизм». В соответствующих документах ООН, переведенных на русский язык, даются различные интерпретации, такие как «жестокый» / «боевой» экстремизм, хотя в английской версии используется один термин «насильственный экстремизм». Например, существует резолюция Генеральной Ассамблеи 68/127 под названием «Мир против Насилия и насильственного экстремизма». В этой резолюции отмечается, что «насильственный экстремизм представляет собой серьезную проблему для всех государств-членов, угрожая безопасности и благосостоянию человеческих обществ». Особое внимание следует уделить тому факту, что эта резолюция целиком посвящена «насильственному экстремизму» и, таким образом, она является, первым инструментом Организации Объединенных Наций, предназначенным исключительно для борьбы с экстремизмом.

Совет ООН по правам человека (СПЧ), созданный в 2006 году для замены Комиссии ООН по правам человека и действующей под руководством Генеральной Ассамблеи ООН, активно участвует в борьбе с экстремизмом. Резолюция 30/15 ООН «Права человека и борьба с на-

сильственным экстремизмом» отражает оценку Совета по правам человека, в которой говорится, что: «действия, методы и практика насильственного экстремизма во всех их формах и проявлениях представляют собой действия, направленные на то, чтобы угрожать осуществлению прав человека и ущемлению его свободы, территориальной целостности и безопасности государств, а также дестабилизировать законно созданные правительства». Резолюция настоятельно призывает международное сообщество «предпринять шаги, необходимые для активизации сотрудничества в борьбе с «насильственным экстремизмом».

15 января 2016 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций утвердила План действий по предотвращению насильственного экстремизма (далее — План действий). Согласно Плану действий, насильственный экстремизм является «многообразным явлением, без четкого определения. Он не является ни новым, ни исключительным для любого региона, национальности или системы убеждений». Основная часть документа содержит меры, которые должны быть приняты в разных областях (привлечение общин, расширение прав и возможностей молодежи, стратегические коммуникации, в том числе посредством глобальной сети интернет и социальных сетей) и рекомендации для предотвращения экстремизма. При этом, Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун отметил: «Нет единого пути к насильственному экстремизму. Но мы знаем, что экстремизм процветает, когда нарушаются права человека, игнорируется политическое

пространство, а молодые люди лишены перспектив и значения в своей жизни». Международное сообщество получило возможность оценить передовую практику противодействия экстремизму (согласно утвержденному Плану действий) на Женевской конференции, посвященной предупреждению насильственного экстремизма.

В Резолюции 219528 Совет Безопасности ООН подтверждает существование проблем в области предотвращения финансирования терроризма и насильственного экстремизма, а также вербовки новых членов террористических и экстремистских организаций с помощью средств массовой информации. Совет Безопасности ООН в своей резолюции делает акцент на том, что присутствие терроризма, экстремизма и транснациональной преступности усугубляет решение проблем экономического и социального характера в отдельных регионах (например, в странах Африки).

В системе специализированных учреждений ООН активную роль в борьбе с терроризмом и экстремизмом играет ЮНЕСКО, как структура, отвечающая за образование, науку и культуру. Под эгидой ЮНЕСКО реализуются программы, которые повышают уровень образования, формируют мировоззрение на основе проявления толерантности и уважения к различным культурам, стремясь к формированию зрелого гражданского общества, образующего непринятие крайнего радикализма, сопряженного с терроризмом, экстремизмом и вандализмом, что уничтожает культурное и историческое наследие, в том числе в Сирии, Ираке и Афганистане.

Литература:

1. Абашидзе, А. Х. Роль международного права и ООН в борьбе с терроризмом и создании более безопасного, стабильного и справедливого мирового порядка. Проблемы XXI века. — 2012. — № 1. — с. 2–13.
2. Выступление Генерального секретаря ООН на Генеральной Ассамблее. Представление Плана действий по предотвращению насилия в экстремизме. 15.01.2016. <https://www.un.org/counterterrorism/ctitf/ru/plan-action-prevent-violent-extremism>
3. Проект всеобъемлющей конвенции о международном терроризме. 28.08. 2000. <https://www.ilsa.org/jessup/jessup08/basicmats/unterrorism.pdf>
4. Резолюция ГА ООН «Меры по ликвидации международного терроризма», 09.12. 1994 г. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/terrdecl
5. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114 «О противодействии экстремистской деятельности»
6. Агапов, П. В. Преступления экстремистской направленности: вопросы толкования и практики // Законность. — 2011. — № 10. — с. 28–31.

Аспекты борьбы с экстремизмом в международном правовом поле. Часть 2

Гусев Александр Юрьевич, студент магистратуры

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

В июне 2015 года в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже состоялась двухдневная конференция «Молодежь и Интернет: аспекты борьбы с экстремизмом», целью ко-

торого было поддержать усилия государств-членов и международного сообщества в целом, в разработке эффективных инструментов для предотвращения разжи-

гания и пропаганды экстремизма в глобальной сети Интернет.

В частности, рекомендуется повысить информационную грамотность населения, чтобы люди могли распознавать экстремистскую пропаганду и противодействовать её распространению. Такой подход к информационной грамотности подразумевает повышение осведомленности о причинах ненависти определенных групп людей к той или иной социальной группе, последствиях и создании новых платформ и коммуникативных сетей для диалога и взаимопонимания.

В отсутствие общепринятого международного юридического определения «терроризма» нам необходимо выяснить характерные особенности явления экстремизма. В этом вопросе мы должны, прежде всего, обратиться к толковым словарям.

Значение слова «экстремизм» произошло от латинского слова «*extremus*», что означает «крайний», «чрезмерный» и подразумевает приверженность крайним взглядам, методам действий.

В Оксфордском английском словаре под «экстремистом» понимается человек придерживающийся крайних политических взглядов, и оправдывающий насильственные и другие не законные действия.

Кембриджский словарь под определением «экстремист» определяет человека имеющего убеждения, которые очень далеки от того, что большинство людей считают правильным или разумным.

Первым международно-правовым инструментом, который обязывает государства-участники бороться с экстремизмом, является Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, принятая в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) 15 июня 2001 года. Следует подчеркнуть, что в этом региональном акте была предпринята попытка государств бороться с такими угрозами, как «терроризм» и «экстремизм», и подчеркивается взаимосвязь между этими преступлениями.

Согласно Шанхайской конвенции, «экстремизм» понимается как любой акт, направленный на захват власти путем применения насилия или насильственного изменения конституционного режима государства, а также насильственные действия угрожающие общественной безопасности, включая организацию для вышеуказанных

целей незаконных вооруженных формирований и участие в них.

Совет Европы (СЕ) принял в 2003 году Европейскую конвенцию о пресечении терроризма. Однако эта Конвенция оказалась недостаточной для ответа на все вызовы современности. Поэтому в 2005 году Совет Европы принял Конвенцию о предупреждении терроризма (№ 96) и Дополнительный протокол к ней от 38 мая 2015 года, который, как и Конвенция 1977 года, не содержит ссылок на определение экстремизма. Несмотря на этот разрыв, в 2015 году отдельно разработан План действий «Борьба с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущим к терроризму», предназначенный для противодействия экстремизму. Этот План действий направлен на укрепление законодательной базы для борьбы с терроризмом и насильственным экстремизмом, а также для предотвращения насильственной радикализации в школах, тюрьмах и глобальной сети Интернет. В Планах действий предусмотрены меры по предотвращению насильственной радикализации и мер по увеличению потенциала сообщества в отношении отказа от всех форм экстремизма. В Планах действий большой акцент был сделан как на предотвращение распространения экстремистских взглядов, так и на вербовку новых террористических организаций через социальные сети и мессенджеры». В 2003 году, Межправительственный комитет экспертов по терроризму (CODEXTER) был создан в рамках Совета Европы. С принятием Плана действий в 2015 году компетенция CODEXTER дополнительно включает в себя такие вопросы, как разработка рекомендаций для государств-членов Совета Европы по борьбе с терроризмом, рассмотрение проблем радикализации и экстремизма, оценка возможных пробелов в правовом поле для борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Подводя итоги, хочется отметить, что чаще всего экстремизм зарождается в государствах с низким социальным и культурным уровнем жизни. Социальное неравенство граждан приводит к тому, что общество перестаёт стремиться к общим целям и ценностям. Отсутствие представлений о перспективах развития, утрата чувства сопричастности и ответственности за свою страну, приводит к нарастанию социальной напряженности и утрате нравственных целей. В своей совокупности все эти асоциальные явления рано или поздно становятся благодатной почвой для насильственного экстремизма.

Литература:

1. Абашидзе, А. Х. Роль международного права и ООН в борьбе с терроризмом и создании более безопасного, стабильного и справедливого мирового порядка. Проблемы XXI века. — 2012. — № 1. — с. 2–13.
2. Выступление Генерального секретаря ООН на Генеральной Ассамблее. Представление Плана действий по предотвращению насилия в экстремизме. 15.01.2016. <https://www.un.org/counterterrorism/ctitf/ru/plan-action-prevent-violent-extremism>
3. Проект всеобъемлющей конвенции о международном терроризме. 28.08. 2000. <https://www.ilsa.org/jessup/jessup08/basicmats/unterrorism.pdf>
4. Резолюция ГА ООН «Меры по ликвидации международного терроризма», 09.12. 1994 г. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/terrdec1

5. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114 «О противодействии экстремистской деятельности»
6. Агапов, П. В. Преступления экстремистской направленности: вопросы толкования и практики // Законность. — 2011. — № 10. — с. 28–31.

Субъекты наследования по закону в наследственном праве Российской Федерации

Долгушина Дарья Александровна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Гражданским законодательством Российской Федерации предусмотрено две основных формы наследования: наследование по закону и наследование по завещанию. Многие исследователи высказываются о наследовании по закону как о важнейшем институте отечественного наследственного права, урегулированным многочисленными правовыми источниками, во главе с Конституцией России и Гражданским кодексом РФ.

Одним из существенных различий между наследованием по закону и наследованием по завещанию является субъект таких правоотношений, то есть лицо подлежащее призыву в качестве наследника. Среди всех элементов наследственных правоотношений первоочередное значение имеет установление их субъекта, а именно определение круга наследников. Такой позиции придерживается Г.С. Лиманский, по мнению которого, основополагающим вопросом в проблеме наследственного правопреемства является именно круг наследников, ввиду того, что наследник по закону со смертью наследодателя одновременно становится как субъектом имущественных прав почившего родственника так и должником по всем его обязательствам. [5, с. 140] А.В. Алешина соглашаясь с мнениями и других исследователей отмечает, что при определении круга лиц, имеющих право на наследование по закону, законодатель предпринимает попытку восполнить отсутствующую волю наследодателя, так как в первую очередь наследниками по закону являются близкие родственники наследодателя, которым, возможно, усопший мог завещать своё имущество. [1, с. 72]

Анализ действующего законодательства, регламентирующего наследственные правоотношения, позволяет сделать вывод о том, что степень родства (его близости) между наследником и наследодателями является основополагающим критерием признания субъекта наследования по закону. В свою очередь степень близости зависит от объективных отношений свойства или родства и от разновидности правовой семейной связи (брачные отношения, иждивенческие отношения и проч.). Специфической чертой в характеристике субъектов наследования по закону является то, что их круг очерчен законодателем с исчерпывающей полнотой.

Действующее законодательство, дифференцируя субъекты наследования по закону, устанавливает порядок очередности призыва к соответствующему виду наследования.

Так, согласно ст. ст. 1142–1145 Гражданского кодекса РФ предусмотрено 8 очередей наследников по закону, в названное число также входит факультативная очередь. Н.В. Щербина считает, что данное положение свидетельствует о желании законодателя вернуться к истокам, оживив идеи дореволюционного наследственного права, в котором также выделялась очередность «законных» наследников, состоящая из семи элементов. [6, с. 76.] Однако линейно-градуальной системе, по которой, в указанный период времени, наследники «определялись» в ту или иную очередь, современный законодатель следовать уже не желает, поскольку она характеризовалась усложненными методами, что на практике всегда приводит к трудностям в правоприменении и иным негативным последствиям. Большая часть исследователей, освещавших в своих трудах вопросы и проблемы наследования по закону, выражает согласие с действующим законодательством, аргументируя свое мнение целесообразностью оставления имущества в семье, в отличие от увеличения массы выморочного имущества. Однако такую позицию разделяют не все, так, в своих трудах А.М. Байзитова и А.С. Михайлова, предлагают ограничить очередность наследников по закону до третьей и четвертой (соответственно) степени, мотивируя свое мнение тем, что существующий чрезмерно широкий круг наследников не соответствует правовым реалиям и не соответствует специфике семейных отношений, кроме того, в силу ряда экономико-социальных причин, обеспечить реализацию прав «дальних» наследников весьма затруднительно. [2]

Итак, согласно ст. 1142 ГК РФ, «наследниками первой очереди по закону являются дети, супруг и родители наследодателя, внуки наследодателя и их потомки наследуют по праву представления». Перечисленные виды родства общеизвестны и их сущность не требует разъяснения, однако отметим некоторые их правовые особенности. Например, дети, родившиеся в браке, который в дальнейшем был признан недействительным, равно как в течение 300 дней с момента признания недействительности брака, имеют те же самые права, что и дети, родившиеся в законном браке. Отношения между супругами могут повлечь право на наследство по закону лишь в случае, если их брак официально зарегистрирован надлежащим государственным органом, в случае расторжения брака наследственные права супругов взаимно прекращаются. Фактическое сожительство

ство наследственных прав не влечет. Часть вторая указанной статьи предусматривает наследование по праву представления, что означает переход права наследования к родственникам наследника первой, второй и третьей линии, в случае его смерти до открытия наследства.

В случае если наследники первой очереди отсутствуют, то право на наследование переходит к наследникам второй очереди, которыми в силу ст. 1143 ГК РФ являются полнородные и неполнородные братья и сестры наследодателя, его дедушка и бабушка как со стороны отца, так и со стороны матери. Сестры и братья призываются к наследованию при наличии кровного родства, при этом сводные сестры и братья права на наследование не имеют. [5, с. 151] Что касается бабушек и дедушек, отметим, что такие родственники со стороны отца наследодателя могут быть призваны к наследству лишь при наличии юридической связи наследодателя со своим отцом.

Всякий раз, при отсутствии наследников определенной линии родства право наследования по закону переходит к следующей очереди. Гражданский Кодекс РФ в ст. 1144 определяет круг наследников третьей очереди, которыми являются полнородные и неполнородные братья и сестры родителей наследодателя (дяди и тети наследода-

теля). Нередко в семейных отношениях (в социологическом контексте) дядями и тетями называют супругов братьев и сестер родителей, однако гражданское законодательство, как правило, отдает предпочтение кровным родственникам, либо приравненным к ним лицам, в соответствии с семейным законодательством РФ. [4, с. 195] После определения круга лиц, являющихся наследниками третьей очереди, в ст. 1145 Гражданский кодекс РФ гласит о том, в каком порядке право наследования переходит к другим родственникам, определяя степень родства количеством рождений, отделяющих наследодателя от наследника.

Кроме того, в правовой доктрине существует дискуссионный вопрос о признании публично-правового образования наследником по закону, например Т.И. Зайцева и Ю.С. Пальчиков допускают отнесение публично-правового образования к наследникам по закону девятой очереди, однако с долей условности, а Р.Ю. Закиров, Я.С. Гришина и М.М. Махмутова высказывают мнение о том, что публично-правовые образования должны признаваться особым наследником по закону, не входящим ни в одну из очередей наследования и наделенным особым статусом. [3]

Литература:

1. Алешина, А.В. Наследники по закону и очередность их призвания к наследству в Российской Федерации и зарубежных странах / А.В. Алешина, В.А. Косовская // Общество. Среда. Развитие (Тегга Нумана). — 2010. — № 4. — с. 72
2. См.: Байзигитова А.М. Очередность наследования по закону в Российской Федерации и зарубежных странах. Автореферат... канд. юрид. наук / А.М. Байзигитова. — Саратов, 2004. — с. 6; Михайлова, А.С. Возникновение и развитие института наследования в гражданском праве России: автореферат ... канд. юрид. наук / А.С. Михайлова. — Краснодар, 2003. — с. 7.
3. См.: Закиров Р.Ю. Наследственное право: учебное пособие. / Р.Ю. Закиров, Я.С. Гришина, М.М. Махмутова. — М., 2009. — с. 140. 64 Демичев, А.А. Проблемы наследования выморочного имущества в Российской Федерации / А.А. Демичев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. — № 1. — с. 89 — с. 90; Зайцева, Т.И. Судебная практика по наследственным делам / Т.И. Зайцева. — М., 2007. — с. 204
4. Комментарий к ГК РФ. Ч. 3. Постатейный с приложением форм документов / Отв. ред. А.Н. Ткач. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2003.
5. Лиманский, Г.С. Наследственное правоотношение: теоретико-методологические и практические проблемы: дис. ... докт. юрид. наук / Г.С. Лиманский. М. 2006.
6. Щербина, Н.В. Субъекты наследственного правопреемства по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Щербина. Москва, 2004.

Отграничение деяний, посягающих на социальную память об умерших и мест их захоронения, от смежных составов преступлений

Донченко Александр Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент;
Абдулмеджидова Эльвира Маиддиновна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Для того чтобы дать правильную уголовно-правовую оценку содеянному, необходимо при выявлении признаков, присущих исключительно совершенному деянию, отграничить последнее от всех остальных. Только тогда можно прийти к единой совокупности признаков, которые, с одной стороны, можно характеризовать именно это преступление, а с другой — отличать его от всех других.

Необходимо отметить, что понятие квалификации и разграничения преступлений не идентичны. Н.Г. Кадников в своих работах указывает, что в юридической литературе квалификацией преступления называют его юридическую оценку и установление (применение) той уголовно-правовой нормы, которая наиболее полно описывает признаки этого преступления, а разграничение заключается в установлении признаков, которые индивидуализируют составы преступлений, помогают отличить их от смежных составов [1].

Хотя каждый состав преступления является индивидуальным и неповторимым, в ряде случаев составы различных преступлений могут иметь и сходные признаки. В зависимости от количества разделительных признаков между составами преступлений, выделяются различные виды их соотношения. Удобным, по нашему мнению, является предложение выделить четыре следующие виды:

- 1) составы преступлений не имеют никаких общих признаков (кроме вменяемости и возраста);
- 2) составы имеют небольшое количество общих признаков;
- 3) составы преступлений имеют значительное количество общих признаков;
- 4) составы преступлений содержат все общие признаки, кроме одного.

Исходя из того, что проблема разграничения возникает лишь к родственным — смежным преступлениям или иным правонарушениям, то есть таким, которые совпадают по ряду своих характерных черт, смежными составами преступлений являются содержащие значительное количество или все, кроме одного, похожих признаков. Именно в таких случаях и возникают наибольшие сложности при квалификации.

К преступлениям, содержащим схожие с надругательством над телами умерших и местами их захоронения признаки, относятся:

- преступления против собственности (статьи 158, 159, 161, 162 УК РФ);
- убийство, совершенное с особой жестокостью (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ);

- убийство, сопряженное с изнасилованием и последующим глумлением над трупом (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ);
- вандализм (ст. 214 УК РФ).

Из вышеперечисленных составов преступления рассмотрим некоторые из них.

В правоприменительной практике возникает немало вопросов по квалификации преступлений, предусмотренных ст. 244 УК РФ, ст. 105 УК РФ, ст. 131 и 132 УК РФ. Так, статья 244 УК РФ устанавливает ответственность за надругательство над телами умерших. К надругательству над телом умершего относится и некрофилия — совершение полового акта с трупом [2].

Такие случаи нечасты в следственно-судебной практике, однако все же имеют место. Так, Приговором Пензенского областного суда Семенов осужден за совершение преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 4 ст. 162, п. «з» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 244 УК РФ: во время распития спиртного с Вагаповым, он предложил тому пойти к своей знакомой Е. и спросить у нее взаймы денег. Однако последняя отказала в их просьбе и стала выгонять из дома. В ответ на это Семенов ножом нанес потерпевшей несколько ударов в спину. Поняв, что потерпевшая мертва, он совершил с ней половой акт [10].

В научной литературе нет единства мнений по вопросам квалификации указанных преступлений, при этом вносятся различные предложения по совершенствованию состава данного преступления.

Так, А. Ситников и А. Павлов предлагают ст. 244 УК РФ дополнить ч. 3, предусматривающей ответственность за надругательство над телом умершего, которое выразилось в его умышленном уничтожении, обезображивании, либо в совершении с ним действий сексуального характера, а равно в употреблении органов и тканей тела умершего в пищу [3]. Вместе с тем, другой точки зрения придерживается В.П. Коняхин, который указывает, что существующей нормы достаточно для верной квалификации случаев некрофилии [4].

З.А. Незнамова в своей работе отмечает, что имеется несколько вариантов юридической оценки таких половых извращений, а именно: совершение полового акта с трупом, которое необходимо квалифицировать по ст. 244 УК РФ; а также убийство с целью совершить половой акт с трупом, которое должно быть квалифицировано по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 105 и ст. 244 УК РФ [5].

Полагаем, что следует согласиться с такой позицией, так как в этом случае дается наиболее полная правовая оценка содеянного.

Вместе с тем, в некоторых случаях такие действия органами предварительного следствия и судом квалифицируются по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ — как убийство, сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера.

Полагаем, что некрофилию таким образом квалифицировать нельзя, так как при изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера предполагается совершение полового акта против воли потерпевшего. Вместе с тем, совершение полового акта с трупом не может быть квалифицировано по ст. 131 или 132 УК РФ, так как все биологические, интеллектуальные, моральные составляющие человека, в том числе и воля, утрачиваются человеком во время наступления смерти [6].

В соответствии с п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 27.01.1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве» (далее по тексту — ПП ВС РФ № 1 от 27.01.1999 г.) под убийством, сопряженным с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, понимается совершение убийства в процессе данных действий, в том числе с целью сокрытия преступления, а также по мотивам мести за проявленное сопротивление при совершении указанных преступлений [8].

Таким образом, имеют место два самостоятельных состава преступления, квалифицировать которые необходимо по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ и соответствующим частям ст. 131 или ст. 132 УК РФ.

Для единообразного подхода в правоприменительной практике предлагаем п. 3 ПП ВС РФ № 1 от 27.01.1999 г. изменить, добавив в него абзац 3 следующего содержания: «Убийство с целью совершения полового сношения с трупом следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 105 и ст. 244 УК РФ» [8].

Особую сложность при юридической оценке вызывают случаи убийства в ходе изнасилования, при совершении полового акта после наступления смерти [6]. Так, приговором Дальневосточного окружного военного суда военнослужащий К. был признан виновным в умышленном убийстве лица, сопряженном с изнасилованием, а также в надругательстве над телом умершей. Так К., желая изнасиловать Б., затащил ее в помещение строящейся бани, предотвращая ее сопротивление, затянул на ее шею шарф, пока потерпевшая не стала подавать признаки жизни. После чего, убедившись, что потерпевшая мертва, К. снял с нее одежду и совершил с ней половое сношение, после чего спрятал труп на пустыре, засыпав его снегом. Прекращая дело по ч. 1 ст. 244 УК РФ, Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, указала, что указанное преступление, относится к преступлениям против общественной нравственности и совершается только с прямым умыслом, который направлен на совершение аморальных, циничных, оскверняющих действий в отношении погребенных или временно не захороненных человеческих останков. Вместе с тем, таких обстоятельств при совершении преступления К. не имеется. Как следует

из материалов уголовного дела, действия К., выразившиеся в раздевании умершей потерпевшей и совершении с ней полового сношения, были одновременными с ее убийством и охватывались единым умыслом виновного. Раздевание умершей осужденным К. подтверждает осуществление им умысла, направленного на совершение с потерпевшей полового акта [9].

Полагаем что, решение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации является спорным, поскольку К., понимая, что потерпевшая умерла, раздевая ее труп и совершая с ней половой акт, выполнил все действия, составляющие объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ — надругательство над телом умершего. Представляется, что суд первой инстанции правильно квалифицировал действия осужденного К. по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 244 УК РФ.

В случае надругательства в форме некрофилии необходимо также рассмотреть отличие состава надругательства над телом умершего и местом его захоронения от ст. 134 УК РФ — иные действия сексуального характера. Сексуальные действия с трупами (некрофилия) либо с животными (скотоложство или зоофилия), хотя и относятся к ненормальным формам половой жизни человека, вместе с тем состав указанного преступного деяния не образуют. При выполнении обстоятельств, предусмотренных соответственно ст. 244 и ст. 245 УК РФ, указанные действия следует квалифицировать как надругательство над телами умерших или как жестокое обращение с животными [6].

Таким образом, представляется правильным дополнить пункт 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» абзацем 4 следующего содержания: «Не признается изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера совершение полового сношения и иных действий сексуального характера с трупом. Подобные действия следует квалифицировать по ст. 244 УК РФ как надругательство над телом умершего» [7].

Следовательно, отграничение посягательства на социальную память об умерших и мест их захоронения от убийства, сопряженного с изнасилованием, происходит по объекту преступления, а также по субъективной стороне преступления.

Проведенное исследование отграничения деяний посягающих на социальную память об умерших и мест их захоронения, от смежных составов преступлений позволяет сформулировать следующие выводы.

Отграничение посягательства на социальную память об умерших и мест их захоронения от убийства, сопряженного с изнасилованием, происходит по объекту преступления, а также по субъективной стороне преступления. Совершение полового акта с трупом необходимо квалифицировать по ст. 244 УК РФ; убийство с целью совершить половой акт с трупом, должно быть квалифициро-

вано по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 105 и ст. 244 УК РФ.

Таким образом, обобщая все изложенное относительно отграничения деяний, посягающих на социальную память об умерших и мест их захоронения, от смежных составов преступлений, для единообразного подхода в правоприменительной практике предлагается возможным сформулировать следующие предложения:

1. Пункт 3 ПП ВС РФ № 1 от 27.01.1999 г. изменить, дополнить абзацем 3 который изложить в следующей ре-

дакции: «Убийство с целью совершения полового сношения с трупом следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 105 и ст. 244 УК РФ»;

2. Пункт 15 ПП ВС РФ № 16 от 04.12.2014 г. дополнить абзацем 4 следующего содержания: «Не признается изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера совершение полового сношения и иных действий сексуального характера с трупом. Подобные действия следует квалифицировать по ст. 244 УК РФ как надругательство над телом умершего».

Литература:

1. Кадников, Н. Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Юриспруденция, 2013. с. 17.
2. Антонян, Ю. М. Некрофилия: понятие, типология, объяснение // Общество и право. 2016. № 3 (57). с. 49
3. Ситникова, А., Павлов А. Уголовная ответственность за преступления, совершенные лицами с сексуальной перверсией // Уголовное право. 2014. № 1. с. 62.
4. Коняхин, В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права // Правоведение. 2012. № 5. с. 262.
5. Шокель, А. С. Предупреждение преступлений, связанных с надругательствами над телами умерших и местами их захоронения: дис... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А. С. Шокель. Москва, 2011. с. 64.
6. Калужская, А. В. Отграничение убийства, сопряженного с изнасилованием, от надругательства над телом умершего при квалификации преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. с. 150.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Российская газета. № 284. 12.12.2014.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3. 1999.
9. Определение Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации от 16 дек. 2004 № 2–071/04 // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс
10. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26 января 2016 г. № 29-АПУ15–4 // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс

Сущность местного самоуправления

Журавлева Ксения Андреевна, студент магистратуры
Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)

Для глубокого и содержательного исследования основных вех в развитии местного самоуправления, его места в политической системе российского общества в первую очередь необходимо раскрыть сущность и содержание этого понятия. Вопрос терминологии — далеко не праздный, особенно когда речь идет о государственной стратегии. От реального содержания «местное самоуправление» [3], в конечном счете, зависит объем социальной энергии, «осваиваемой» реальным механизмом, стоящим за этим термином.

Сам термин «самоуправление» полисемантический: не имеет вполне точного и единого научного значения и разными авторами трактуется по-разному.

Термин «самоуправление» появился в Англии в конце XVII в. После английской революции и отражал прежде

всего состояние английского народа, самоуправляющегося с помощью парламента и местных представительных органов, не знающих административной опеки со стороны правительственного аппарата и его чиновников.

В ч. 1 ст. 130 Конституции РФ закреплено, что местное самоуправление — это «самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью» [1]. Данное определение законодательно закреплено на уровне Федерального закона № 131 — ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации».

Местное самоуправление — организация деятельности граждан, обеспечивающая самостоятельное решение населением вопросов местного значения, управление му-

ниципальной собственностью, исходя из интересов всех жителей данной территории [2]. Более широкое понятие местного самоуправления подразумевает право и реальную способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения [1].

Россия всегда тяготела к заимствованию и использованию зарубежного опыта. Не стало исключения и отношение к местному самоуправлению.

Краткая характеристика зарубежных моделей показывает, что в рамках англосаксонской (английской), наряду с исполнительной, законодательной и судебной властью признается четвертая власть — местная (муниципальная, коммунальная, общинная). На основании европейской континентальной (французской) модели органы местного самоуправления не являются органами государства, но государство уступает им ряд правительственных прав в полном объеме, признавая тем самым их независимость и неприкосновенность. Существует смешанная модель, когда местное самоуправление сходно как с англосаксонской, так и с континентальной моделями, обладает специфическими чертами. В основе советской модели лежит отрицание принципа разделения властей и провозглашение полномочия представительных органов (советов) на соответствующей территории. Если говорить о России, то исторический опыт свидетельствует, что здесь практически не существовало местного самоуправления в чистом виде, оно взаимодействовало с государством путем сочетания функций и полномочий и контролировалось государственной властью.

В. А. Сивицкий считает, что «Статья 12 Конституции РФ о не вхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти» возникла по тонким политико-психологическим соображениям, чтобы дать понять, что местное самоуправление — это нечто такое, во что государству не следует вмешиваться. Хотя все прекрасно понимают, что на самом деле — это государственная власть [3].

В современном мире большое распространение получили те системы местного самоуправления, классификация которых основана на складывании отношений между местным самоуправлением и центральными властями. Так, распространение получили следующие модели местного самоуправления: англосаксонская (классическая) модель, континентальная, смешанная и советская модель.

На основании Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г. Местное самоуправление создано на всей территории России, во всех поселениях с населением не менее 1000 человек. В ходе реформы в 27 тыс. сельских поселениях и во всех городских поселениях появилось местное самоуправление. Территориальную основу местного самоуправления составляют муниципальные образования.

В Российской Федерации существуют 7 видов муниципальных образований, которые функционируют на двух уровнях:

— муниципальный район — несколько городских и/или сельских поселений

— сельское поселение — один или несколько сельских населенных пунктов

— городское поселение — один город или поселок городского типа с прилегающими населенными пунктами сельского или городского типа

— городской округ — один или несколько объединенных общей территорией населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями

— внутригородская территория города федерального значения — часть территории города федерального значения (Москвы, Санкт-Петербурга или Севастополя).

Федеральным законом от 27 мая 2014 года № 136-ФЗ введено два новых вида муниципальных образований:

— городской округ с внутригородским делением — городской округ, в котором в соответствии с законом субъекта Российской Федерации образованы внутригородские районы как внутригородские муниципальные образования;

— внутригородской район — внутригородское муниципальное образование на части территории городского округа с внутригородским делением, в границах которой местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления [2].

Границы и статус муниципальных образований установлены в 2003–2005 годах в рамках муниципальной реформы. Порядок изменения границ и преобразования муниципальных образований установлен Федеральным законом.

Принципы местного самоуправления — это обусловленные природой местного самоуправления коренные начала и идеи, лежащие в основе организации и деятельности населения, формируемых им органов, самостоятельно осуществляющих управление делами. В принципах местного самоуправления находят отражение требования объективных закономерностей и тенденций развития местной власти. Принципы определяют построение и функционирование муниципальной власти, помогают понять сущность местного самоуправления, его отличительные черты и признаки. Они же выступают и в качестве критерия оценки действующей системы местного самоуправления, способствуют сохранению преемственности в развитии институтов местного самоуправления.

Улучшение качества жизни местного сообщества и увеличение его вклада в развитие всей страны это главная цель создания системы местного самоуправления. Повышение эффективности функционирования всех предприятий и объектов — основа увеличения бюджетных и внебюджетных доходов местного сообщества.

Местное самоуправление нацелено на решение вопросов местного значения. Отдельные местности имеют свои особенные нужды, которые лучше всего удовлетворяются местным самоуправлением. Однако это не означает, что органы территориального самоуправления могут иг-

норировать задачи, имеющие общерегиональное или федеральное значение, но их решение следует осуществлять только в соответствии с законом и при обязательной передаче органам местного самоуправления необходимых материальных и финансовых ресурсов. Местные интересы находятся в тесной связи с общими. Самоуправление должно согласовываться с деятельностью центральных органов.

Так как местное самоуправление базируется на основе принципов самоответственности, то этот термин следует понимать, как управление населением соответствующей территории своими делами и под свою ответственность. К предметам ведения местного самоуправления отнесен широкий круг вопросов, в том числе: владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью; местные

финансы, формирование, утверждение и использование местного бюджета; организация, содержание и развитие муниципальных учреждений дошкольного, основного общего и профессионального образования, учреждений здравоохранения, энерго-, газо-, тепло-, водоснабжения и канализация. Муниципальным образованиям должна обеспечиваться экономическая и финансовая самостоятельность.

Таким образом, отношения представительного органа, главы муниципального образования и главы администрации муниципального образования могут рассматриваться в контексте разделения властей, характерно для федерального и регионального уровня государственной власти.

Литература:

1. Европейская хартия местного самоуправления // Соб. Законодательства РФ. — 1998. — № 36.
2. Козлова, Е. И. Конституционное право: учеб. для средних профессиональных учебных заведений / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. — 3-е. — М.: Норма, 2007. — 592 с. — (519). — ISBN 978-5-468-00130-1.
3. Мокрый, В. С. Местное самоуправление: пути становления и развития // Журнал российского права. — 2002. — № 10

Потерпевший в преступлении, совершенном на улице: к проблеме обеспечения безопасности граждан

Калинкина Елена Юрьевна, аспирант
Тольяттинский государственный университет

Преступления, совершенные на улице, как разновидность преступлений, совершенных в общественных местах, приобретают особую общественную опасность в связи с их распространенностью, направленностью на охраняемые уголовным законодательством права граждан и юридических лиц, спонтанностью и подготовленностью совершения. В статье анализируется статус потерпевшего, влияние на него факторов, сопутствующих совершению преступления на улице, определяются меры усиления обеспечения безопасности граждан, находящихся в общественных местах.

Ключевые слова: преступления, совершенные на улице, потерпевший, виктимность в действиях потерпевшего, безопасность граждан.

The victim of a crime committed on the street: to the problem of the safety ensuring of citizens

Crimes committed on the street as a kind of crimes committed in public places acquire a particular public danger due to their prevalence, focus on the rights of citizens and legal entities protected by criminal law, spontaneity and preparedness of the commission. The article analyzes the status of the victim, the factors influence related the commission of a crime on the street, identifies measures of enhance the safety of citizens in public places.

Keywords: crimes committed on the street; victim; victimization in the actions of the victim; safety of citizens.

Уличная преступность как объект уголовно-правового и криминологического исследования находится в центре внимания отечественных исследователей, однако по

большой части работы, предметом которых является изучение особенностей квалификации преступлений, совершенных на улице, выявление их отличительных особен-

ностей в сравнении, например, с бытовой преступностью, анализ субъекта преступления, но очень часто за пределами научного интереса часто остается анализ личности потерпевшего, его поведения в момент совершения преступления, в том числе и в рамках анализа степени обеспечения безопасности граждан, что свидетельствует об актуальности научного познания обозначенной проблематики.

Под уличной преступностью И.Д. Лукиных понимает «...систему преступлений (против личности; против собственности, общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения), проявляющаяся на открытой для доступа всех лиц части инфраструктурной территории населенного пункта, характеризующейся слабым социальным контролем, пассивностью граждан в отношении предотвращения и пресечения преступных проявлений и анонимностью субъектов таких отношений» [3].

Практически аналогичное определение дает В.В. Тарубаров преступлениям, совершенным в общественных местах, как более общего понятия, включающего в себя такую категорию, как уличная преступность [7].

Уличная преступность имеет свои особенности, отличающие ее от преступности иного рода. Очень часто в отечественной литературе уголовного права и криминологии уличная преступность сравнивается с бытовой, видимо, в связи с тем, что в этом сравнении наиболее ярко проявляются сущностные особенности преступлений, совершенных на улице. И.Д. Лукиных выявляет целый ряд отличительных особенностей уличной преступности, при этом в качестве основного выделяет такую особенность субъектного состава, как отсутствие каких-либо социальных связей преступника и потерпевшего [3].

Кроме того, вышеуказанный автор к особенностям уличной преступности относит место совершения преступления — места с ослабленным социальным контролем, наличие фактора внезапности, невозможность оперативной нейтрализации преступника со стороны правоохранительных органов, анонимность преступного поведения, многовариантность выбора жертвы, виктимное поведение жертвы, высокий уровень латентности.

Следует также среди особенностей преступлений, совершенных на улице, особо отличать преимущественно насильственный характер преступлений [7].

Конечно, все перечисленные характеристики уличной преступности относительны, поскольку мы можем сталкиваться и с преступлениями ненасильственно-корыстного характера (например, кража), насильственного характера, но не носящих при этом корыстного характера (например, хулиганство или вандализм), поведение далеко не всех жертв характеризуется как виктимное, а жертва и преступник до совершения преступления могут быть знакомы, пусть даже непродолжительное время. Однако в последнем случае при наличии устойчивой социальной связи жертвы и преступника преступление, например, убийство на улице, следует рассматривать все же как бытовое.

Статистика ГИАЦ МВД России относит преступления, совершенные на улице, к преступлениям, совершенным в общественных местах. По данным статистического анализа, размещенных на официальном сайте Центра, за период с января по сентябрь 2018 года из 517,7 тыс. преступлений, совершенных в общественных местах, к преступлениям, совершенным на улицах, площадях, парках и скверах, относится 318,4 тыс. преступлений, при этом статистика показывает снижение числа таких преступлений на 9,4 % в сравнении с таким же периодом 2017 года, при этом снижение числа насильственных преступлений, например, грабежей еще более значительное — на 20,4 % [5].

К статистике МВД РФ, правда, у многих авторов критическое отношение. Так, П.Н. Кобец обращает внимание, например, на такую особенность поведения потерпевших от преступлений, совершенных в общественных местах, как нежелание или невозможность сообщения о совершенном преступлении ввиду незначительности по времени пребывания в населенном пункте, а также на нежелание правоохранительных органов принимать заявления от потерпевших о совершенном преступлении [2]. Возможно, эти факторы и влияют как-то на учет преступлений, но, думается, не в очень уж большом процентном соотношении к учтенным преступлениям.

Примером того, что статистические данные далеко не всегда отражают действительность в уголовно-правовом и криминологическом анализе преступной деятельности, является исследование В.В. Тарубарова, который приводит в качестве примера статистические расхождения по определению места совершения преступления и отмечает, что по данным уголовных дел улица становилась местом совершения преступления в 18,7 % от числа преступлений, совершенных в общественных местах, а осужденные называли улицу местом совершения преступлений в 40,1 % случаев [8]. Представленные статистические данные можно характеризовать и как ошибочность в определении места совершения преступления со стороны органов предварительного расследования и суда, и как ошибку в определении места совершения преступления лицом, привлеченным к уголовной ответственности.

Причины количественного снижения числа насильственных и ненасильственных преступлений, совершенных в общественных местах, можно объяснить увеличением количества аппаратуры внешнего видеонаблюдения в населенных пунктах, иных систем безопасности, которые применяются как муниципалитета, так и частными субъектами для обеспечения своей безопасности и контроля за определенной территорией, уменьшением проявлений виктимности в поведении потенциальных жертв, а также низкой гарантией сбыта присвоенного имущества жертвы с целью получения материальной выгоды ввиду уменьшения числа лиц, готовых купить имущество, полученное преступным путем. Трудно определить, что из перечисленного играет большую роль как причины снижения количества преступных посягательств, которые относятся

к уличной преступности, но, думается, что первенство в указанных причинах следует отдать именно невозможности получить ожидаемую имущественную выгоду от преступной деятельности. Нельзя также игнорировать и такие причины снижения уличной преступности, как оперативность реагирования правоохранительных органов, особенно в местах скопления граждан при проведении общественных мероприятий. Как можно обеспечивать общественную безопасность показала работа полиции во время проведения чемпионата мира по футболу летом 2018 года, когда практически полное отсутствие уличной преступности в местах проведения матчей стало открытием для иностранных болельщиков.

Потерпевшим от преступления, совершенного на улице, может быть как физическое, так и юридическое лицо. В то же время, совершение некоторых преступлений, например, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков или оружия, не дает возможности точно определить потерпевшее лицо, как процессуального субъекта.

Анализируя виктимологический аспект преступлений, совершаемых в общественных местах, В.В. Тарубаров присоединяется к мнению Л.П. Конишевой, отмечавшей, что потерпевший своим поведением вносит определенный вклад в содержание и динамику развития преступления [8]. Это может быть и так называемое «провоцирующее поведение», и страх, отсутствие воли к сопротивлению, и, наоборот, сопротивление насильственным действиям.

В.В. Хилюта акцентирует внимание на анализе преступного поведения в отношении потерпевшего при совершении ненасильственных хищений имущества, когда такие хищения совершаются в условиях, при которых ставится под угрозу жизнь и здоровье потерпевшего, например, гололед, причем на эти действия преступник идет сознательно, осознавая их неблагоприятные последствия. Указанный автор считает, что при квалификации кражи в данном случае следует учитывать и фактор физического насилия, что ведет в переквалификации деяния на грабеж [10]. В то же время, ряд авторов, например В.И. Плохова, признают, что в данном примере необходимо руководствоваться только уголовно-правовой квалификацией деяния в виде кражи [6]. Ключевую роль в уголовно-правовом деянии все же должен играть анализ субъективной стороны преступления, а он характеризуется либо как открытое завладение чужим имуществом, в этом случае будет квалифицироваться грабеж, либо совершение преступления, по мнению преступника, незаметно для жертвы и окружающих, а в этом случае виновное действие необходимо квалифицировать как кражу. Если же потерпевшее лицо получит при совершении преступного деяния, направленного на его имущественные права, телесные повреждения, испытает физическую боль и нравственные страдания, в случае привлечения виновного лица к уголовной ответственности можно защитить нарушенное право путем подачи гражданского иска.

Достаточно часто преступления, совершаемые на улицах, характеризуются как совокупность преступлений.

Б.М. Леонтьев приводит следующий пример: Б., желая причинить тяжкий вред здоровью П., бросил в нее на улице камень, но попал не в П., а в Т., причинив тяжкий вред его здоровью. В приведенном примере Б. посредством одного действия (бросил в П. камень) совершил два преступления: покушение на умышленное причинение тяжкого вреда здоровью П. и причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью Т. (отклонение действия) [9]. В этом случае появляются два потерпевших, несмотря на то, что покушение на здоровье реализовано только в отношении одного потерпевшего. Отличие в их статусе видится только в том, что потерпевший в деле о неоконченном преступлении может говорить только о причинении ему морального вреда преступным посягательством, что выражается в нравственных переживаниях, а второму потерпевшему причинены не только нравственные страдания, но и вред здоровью.

Особо следует остановиться на преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, совершенных в общественных местах, поскольку в данном случае поведение потерпевшего лица может повлиять на квалификацию преступления. Для того, чтобы квалифицировать преступления, признаки которых определены в статьях, объединенных в Главу 18 УК РФ, как преступления, совершенные в общественных местах, следует обратиться к характеру социальных связей преступника и жертвы (они должны либо отсутствовать, либо быть настолько слабыми, что и преступник, и жертва должны иметь минимум информации друг о друге), определению места совершения преступления (это должно быть общественное место). Прочие квалифицирующие признаки, например, совершения преступного посягательства в отношении лица, заведомо не достигшего шестнадцатилетнего возраста, совершения насильственных действий с использованием беспомощного состояния потерпевшей, и т. д. [1].

Задача снижения уровня уличной преступности должна решаться не только профилактическими мерами, разрабатываемыми и внедряемыми в практику правоохранительными органами, распространением систем видеонаблюдения и иного электронного контроля в общественных местах, но и снижением виктимности в поведении граждан. Особенно ярко виктимность поведения граждан проявляется в их отношении к своему имуществу, например, в демонстрировании денег, дорогих гаджетов, отсутствием мер предосторожности в их ношении, в поведении с противоположным полом. Примером виктимности в поведении потерпевшей являются материалы уголовного дела, которое рассматривала Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в 2014 г. [4]. В данном деле примечательно то, что потерпевшая в возрасте 13 лет, находясь в кафе, познакомилась с мужчиной, от предложения которого она отказалась и, тем не менее, ушла с этим мужчиной вместе из кафе. В данном случае суд сомневался в квалификации преступных действий виновного лица, которую дало следствие и суд нижестоящей

инстанции, и исключил такой квалифицирующий признак, как нахождение жертвы в беспомощном состоянии.

В целом же, характеризуя поведение потерпевшего в преступлении, совершенном на улице, нельзя преувеличивать виктимность его поведения, поскольку она не влияет на квалификацию деяния, поэтому не может рассматриваться как элемент субъективной стороны преступления и уж, тем более, влиять на определение меры ответственности за совершенное преступление.

Новые явления в уличной преступности, характеризующиеся демонстративностью, стремлением действовать напоказ, открыто, свидетельствуют о том, что виктимность в действиях потерпевшего вообще может отсутствовать, жертвой преступного посягательства может стать любой человек, юридическое лицо, поскольку в данном случае корыстные побуждения преступника отходят на второй план, значимость приобретает само преступное действие, направленное на жизнь, здоровье, имущественные права и иные объекты уголовно-правовой защиты. Причем, значимым становится даже не само уголовно наказуемое действие, сколько само совершение уголовного преступления с целью размещения информации в электронных сетях и получения общественного признания. Раскрытие таких преступлений приобретает особую значимость, поскольку насущной является необходимость борьбы со смещением социальных ценностей и морально-этических представлений, что влияет на осознание преступного характера поведения, связанного с неправомерностью.

Таким образом, к мероприятиям, которые могут повлиять на снижение количественных показателей преступ-

лений, совершенных в общественных местах, следует относить:

— развитие систем электронного контроля за обстановкой в общественных местах;

— борьба с незаконным сбытом имущества, приобретенного в результате совершения преступлений против собственности;

— пропаганду правомерного поведения среди всех слоев населения, особенно среди подростков и молодежи;

— разъяснительную работу с гражданами по поводу поведения в общественных местах, включая разъяснения виктимного поведения и влияния такого поведения на преступные намерения лиц, склонных к совершению преступлений.

Поведение потерпевшего вообще не должно влиять на уголовно-правовую квалификацию преступления, совершенного на улице. Обстановка, в которой совершено преступление может учитываться только как аспект криминологического свойства, но наказание должно назначаться судом именно по результатам уголовно-правовой квалификации действий, ставших предметом судебного разбирательства.

Мерой обеспечения безопасности граждан является и обязательность регистрации заявлений о состоявшихся преступлениях, поскольку неотвратимость наказания является одним из ограничителей развития преступности. Как потерпевший должен быть уверен в действенности государственных механизмов защиты его прав и свобод, так и преступник должен быть уверен, что его преступная деятельность не останется незамеченной со стороны государства.

Литература:

1. Авдеева, Е. В. Актуальные проблемы уголовно-правового регулирования преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Российский следователь. 2015. № 21. с. 22–25.
2. Кобец, П. Н. Краткая характеристика преступности в столичном регионе Российской Федерации // Миграционное право. 2012. № 3. с. 33–37.
3. Лукиных, И. Д. Понятие и характеристика уличной преступности // Российский следователь. 2009. № 14. с. 20–22.
4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.07.2014 г. № 5-АПУ14–15 // Вестник Верховного Суда РФ. 2015. № 1. с. 26–28.
5. Официальный сайт МВД РФ. Электронный адрес: [https://xn -- b1aew. xn -- p1ai/reports/item/14696015/](https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/14696015/) Дата обращения: 22.10.2018 г.
6. Плохова, В. И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — 775 с.
7. Тарубаров, В. В. Общественные места как участки местности с повышенной социальной опасностью // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. с. 112–115.
8. Тарубаров, В. В. Некоторые криминологические признаки преступлений, совершаемых в общественных местах // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 2. с. 95–99.
9. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Н. Н. Белокобыльский, Г. И. Богуш, Г. Н. Борзенков и др.; под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. 879 с.
10. Хиллота, В. В. «Рывок»: проблемы квалификации ненасильственного хищения // Законность. 2013. № 10. с. 48–49.

Вопросы взаимодействия суда и государственного обвинителя

Кириндас Серафим Андреевич, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

Государственный обвинитель является важным участником уголовного процесса, в котором он представляет сторону обвинения. В ходе выполнения своих обязанностей государственный обвинитель плотно взаимодействует с судом, в полномочие которого входит разрешение уголовного дела. В рамках данной статьи выделяются наиболее важные аспекты данного взаимодействия и определяются их проблемные моменты.

Ключевые слова: государственный обвинитель, суд, уголовный процесс, сторона обвинения, проблемы уголовного процесса, полномочия прокурора.

The public prosecutor is an important participant in the criminal process in which he represents the prosecution. In the performance of his duties, the public Prosecutor works closely with the court, which is responsible for resolving the criminal case. The article highlights the most important aspects of this interaction and identifies their problematic aspects.

Key words: the public prosecutor, the court, the criminal process, the prosecution, the problems of the criminal process, the powers of the prosecutor.

В Российской Федерации согласно нормам ее Конституции, правосудие осуществляется только судом. Судебная власть в нашей стране осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

В основе каждого из этих видов судопроизводства лежит принцип состязательности, основанный на ст. 123 Конституции РФ и выражающийся в разграничении функций органов, осуществляющих уголовное преследование и суда. Принцип состязательности предполагает право на защиту в таком объеме, какой может максимально уравнивать возможности сторон в отстаивании своей позиции перед судом.

Согласно большому юридическому словарю под редакцией А. Я. Сухарева, состязательность — это один из главных принципов демократического судопроизводства, по которому при разбирательстве дела в судебном заседании происходит спор сторон, при этом суд объективно изучает обстоятельства дела с целью установления истины по нему и его разрешения, с последующим законным и обоснованным решением [4].

В этом определении сосредоточены основные свойства состязательности, такие как:

- 1) Наличие спора сторон в судебном заседании;
- 2) Право суда принимать меры для всестороннего, полного и объективного исследования материалов дела;
- 3) Необходимость установления истины в ходе производства;
- 4) При вынесении решения по делу, суд признает победу одной стороны и поражение — другой.

Особый интерес вызывает первое свойство принципа состязательности — спор сторон в судебном заседании. Спор — это словесное состязание, борьба мнений, полемика, наличие разногласий [8, с. 5]. То есть в споре каждая сторона — как защита, так и обвинение — от-

стаивает определенную позицию, отличную от позиции оппонента. Таким образом, при споре происходит обмен противоположными мнениями.

Это позволяет прийти к выводу, что спор присутствует во всех судебных процессах, в которых устанавливается принцип состязательности и стороны здесь являются основными генераторами спорных отношений.

В гражданском процессе сторонами спора являются истец и ответчик, в административном — административный истец и административный ответчик, в конституционном — заявители и государственные органы и должностные лица.

Уголовно-процессуальный спор происходит между сторонами обвинения и защиты. Защита в суде представлена подсудимым, его защитником и законными представителями, гражданским ответчиком и его представителями.

Обвинение в споре представляют государственный обвинитель, потерпевший, его представители, частный обвинитель и гражданский истец, а также их представители, основная их цель — уголовное обвинение. При отстаивании своих интересов указанные лица имеют определенные законом права, прокурор же как государственный обвинитель имеет полномочия. Последние направлены на защиту прав и интересов потерпевших от преступления физических лиц и организаций. Указанные полномочия даны прокурору как представителю государства, что делает фигуру государственного обвинителя особенно интересной.

Следует помнить, что главной целью любого судебного процесса является установление обстоятельств по делу. Делается это путем предоставления подтверждающих позицию стороны доказательств. В связи с этим интересным является взаимодействие государственного обвинителя и суда. В данной статье мы выделим наиболее важные с

нашей точки зрения аспекты указанного взаимодействия, а также определим проблемные моменты.

В ходе судебного процесса прокурор доносит до суда свое мнение об обвинении, которое он предъявляет, а также указывает свое мнение по иным важным для разрешения дела вопросам. Также государственный обвинитель представляет доказательства, активно участвует в их исследовании, заявляет ходатайства и отводы, делает заявления и так далее. Указанные полномочия прокурора необходимы для доказывания обвинения [12, с. 169].

Этап судебного следствия, на котором происходит исследование доказательств по уголовному делу, начинается с изложения прокурором обвинения, которое предъявлено подсудимому. Затем происходит непосредственно исследование доказательств. Именно на государственного обвинителя первым представляется суду доказательства, таким образом, взаимодействуя с ним. Часто со стороны обвинения только государственный обвинитель указывает доказательства и предоставляет [10, с. 126].

Практикующие юристы, в том числе и судьи, отмечают важную проблему, касающуюся государственных обвинителей — они зачастую не способны грамотно поддерживать обвинение из-за неграмотной подготовки. В научной литературе данная проблема неоднократно упоминалась [11, с. 151]. Последствием указанной некачественной подготовки может выступать неполная реализация государственным обвинителем своих полномочий, его неправильное взаимодействие с судом посредством ходатайств, заявлений и прочего, что в конечном итоге приводит к нарушениям при вынесении приговоров.

Важной причиной некачественной подготовки прокуроров к государственному обвинению является роль прокуратуры в надзоре над следствием [10, с. 119]. В российской практике, как правило, указанный надзор осуществляется абсолютно другим прокурорским работником, нежели государственное обвинение. Таким образом, возникает ситуация, что государственный обвинитель знакомится с делом только перед поступлением его в суд, тем самым не обладая возможностью в полной мере вникнуть в его суть и уяснить моменты, на которые необходимо указывать суду.

При необходимости государственный обвинитель вправе проявить активность в целях собирания новых доказательств, используя предоставленные законом возможности. Он может обратиться к суду (судье) с ходатайством о вызове дополнительных свидетелей, о назначении экспертизы, об истребовании документов, о производстве иных процессуальных действий.

Помимо поддержания государственного обвинения к важным задачам прокурора в стадии судебного следствия относится защита подсудимого от необоснованного, а порой и незаконного обвинения, его незаконного осуждения и нарушения прав и свобод. Поэтому в уголовно-процессуальном законе существует норма, устанавливающая обязанность государственного обвинителя отказаться от обвинения, при условии, что прокурор

придет к выводу, что представленные им доказательства не подтверждают указанное обвинение. Также государственный обвинитель может изменить обвинение в сторону его смягчения, в случае если представленные доказательства подтверждают предъявленное обвинение частично. Указанные действия происходят путем заявления прокурора в суде. При этом государственный обвинитель должен изложить суду мотивы отказа от обвинения, равно как и изменения обвинения в сторону смягчения со ссылкой на предусмотренные законом основания.

Защита прав и законных интересов потерпевшего, гражданского истца и иных участников уголовного судопроизводства также является задачей государственного обвинителя в рамках судебного следствия. Прокурор предъявляет или поддерживает предъявленный по уголовному делу гражданский иск, ходатайствует о применении мер безопасности к потерпевшему, свидетелю [12, с. 170.].

Прокурор имеет важную функцию не только на стадии судебного следствия, но и на стадии подготовки к судебному заседанию (она описана в статьях 227–239 уголовно-процессуального закона). Поэтому можно задать справедливый вопрос о том, какое положение прокурор занимает в этой стадии каким образом взаимодействует с судом, выполняя свои функции.

Исследователь Лазарева В. А. утверждает, что понятия прокурор и государственный обвинитель являются синонимами на всех стадиях уголовного процесса, которые происходят в суде, то есть и на подготовке к судебному заседанию тоже [6, с. 158.]. Однако, учитывая, что напрямую уголовно-процессуальный закон данный вопрос не регулирует, а, наоборот, в данной стадии процесса используется термин «прокурор», а не «государственный обвинитель» (статьи 227, 230, 235, 236 и др.), можно не согласиться с этим мнением. Кроме того, следует помнить, что в указанной стадии дело не рассматривается по существу и государственный обвинитель не предъявляет обвинения. Ученый Маслова Д. А. неоднозначно толкует данную проблему. Она считает, что как прокурор, так и государственный обвинитель могут участвовать в подготовке дела к судебному разбирательству [7, с. 48–171.].

Считаем, что статус прокурора в уголовном процессе должен быть определен в первую очередь целями, которые перед ним ставит закон на определенной стадии. Целями участия прокурора в стадии подготовки дела к судебному разбирательству являются: недопущение признания доказательств стороны обвинения недействительными (если это противоречит закону), взаимодействие с судом и участниками процесса с целью недопущения возврата дела прокурору, недопущение прекращения или приостановления уголовного дела, и так далее. Как можно видеть, данные полномочия никак не соприкасаются с полномочиями государственного обвинителя.

Таким образом, мы видим, что при подготовке дела к разбирательству прокурор не осуществляет деятельность по государственному обвинению. Целью прокурора явля-

ется надзор за законностью и соблюдением прав и свобод человека на данной стадии судебного разбирательства. Более того, в момент подготовки дела к рассмотрению государственный обвинитель, как правило, еще не назначен, а значит на первый план выходят его положения по надзору за соблюдением законности [5, с. 406–412].

Подводя итог, следует отметить, что сложившаяся практика, согласно которой прокурорский надзор на стадии

предварительного расследования и государственное обвинение на стадии судебного следствия осуществляется разными прокурорскими работниками, не способствует полноценному решению существующих проблем. А сами государственные обвинители не взаимодействуют с судом на стадии предварительного расследования в полной мере, что является важной причиной низкого качества их работы в суде.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации принята 12 декабря 1993 года // Российская газета. — 25 декабря. — 1993 года.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ // Российская газета. — N 249. — 22.12.2001.
3. Уголовно-процессуальное право РФ: учебник. 3-е издание, перераб. и доп. // Л. Н. Башкатов и др.: отв. ред. И. Л. Петрухин, Н. Б. Михайловская. — Москва: Проспект, 2011. — 418 с.
4. Большой юридический словарь. — М.: Инфра-М. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А. Я. Сухарева. 2003.
5. Ефанова, В. А. О соотношении полномочий прокурора и государственного обвинителя в судебных стадиях российского уголовного процесса // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2013. — № 2 (15). — с. 406–412.
6. Лазарева, В. А. Прокурор в уголовном процессе: учеб. пособие / В. А. Лазарева. — М., 2015. — 208 с.
7. Маслова, Д. А. Возбуждение и поддержание государственного обвинения в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук / Д. А. Маслова. — Воронеж, 2008. — 198 с.
8. Павлова, Л. Г. Спор, дискуссия, полемика: Книга для учащихся старших классов средней школы / Л. Г. Павлова. — М.: Просвещение, 1991. — 316 с.
9. Тарасов, И. С. Принцип состязательности: понятие и свойства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 2–1. — с. 291–296.
10. Шадрина, Е. Г. Государственное обвинение в условиях состязательного уголовного судопроизводства (процессуальные, тактические и этические аспекты) / Е. Г. Шадрина. — СПб.: Айсинг, 2010.
11. Ульянов, В. Г. Государственное обвинение в российском уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические аспекты / В. Г. Ульянов. — М.: Олма Пресс, 2002.
12. Хайдаров, А. А. Проблемы участия государственного обвинителя в рамках судебного следствия // Общество и право. — 2013. — № 1 (43). — с. 169.

Морально-этические аспекты взаимодействия суда и адвоката

Кириндас Серафим Андреевич, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

Морально-этическое взаимодействие суда и адвоката — важная проблема в наше время. Автор исследует вопросы привлечения участников этих взаимоотношений к дисциплинарной ответственности за негативные проявления в адрес другой стороны. Указанный вопрос рассматривается как в историческом контексте, так и в современной действительности. Вносятся предложения по установлению баланса в дисциплинарной ответственности за указанные негативные действия.

Ключевые слова: дисциплинарное производство, статус судьи, статус адвоката, дисциплинарный проступок судьи, дисциплинарный проступок адвоката, взаимоотношения судьи и адвоката.

The moral and ethical interaction of the court and the lawyer is an important problem in our time. The author examines the issues of attracting participants of these relationships to disciplinary responsibility for negative manifestations against the other party. This question is considered both in the historical context and in modern reality. Proposals are made to establish a balance in the disciplinary responsibility for the settlement of negative actions.

Key words: disciplinary proceedings, the status of a judge, the status of a lawyer, the disciplinary offense of a judge, the disciplinary act of a lawyer, the relationship between a judge and a lawyer.

В Российской Федерации как демократическом правовом государстве адвокаты исполняют одну из важнейших ролей при осуществлении правосудия. Однако решающую роль в этом процессе играет суд, в полномочия которого входит принятие окончательного решения по рассматриваемому делу. В связи с этим рассмотрение морально-этической составляющей взаимодействия суда и адвоката носит не только теоретическое, но и практическое значение. Подробное изучение данного вопроса позволит обеим сторонам данных отношений лучше понимать свою роль в них.

Согласно ст. 45 Конституции РФ, государство гарантирует каждому защиту прав и свобод человека и гражданина. Адвокат, как лицо, оказывающее квалифицированную юридическую помощь, руководствуется приоритетом защиты прав личности, при этом следует отметить, что в административном, гражданском, арбитражном процессах адвокат, как правило, пользуется теми же правами и обязанностями, что и лица, не имеющие статуса адвоката и осуществляющие функции представителя [1]. Между тем, требования к лицу, осуществляющему адвокатскую деятельность, предъявляются более строгие, нежели к другим лицам.

В научной литературе вопрос качества работы адвоката разрабатывали многие исследователи: среди дореволюционных юристов следует выделить таких авторов, как И. В. Гессен, М. Н. Гернет, П. В. Макалинский, А. Н. Марков; среди современных правоведов — М. Ю. Барщевского, А. Д. Бойкова, А. П. Галоганова, М. А. Женину, М. В. Кратенко, А. Г. Кучерену, Г. Б. Мирзоева, Е. В. Семеняко, Ю. В. Тихонравова, С. С. Юрьева.

Однако в основном указанные авторы исследовали вопрос взаимоотношений адвоката с клиентом, в части же анализа отношений адвоката и судебной власти научные исследования практически отсутствуют. Некоторый интерес представляет статья О. Н. Савостьяновой «Взаимоотношение судебной власти и адвокатуры (по материалам дисциплинарной практики XIX — XX вв.)» [16], однако в ней автор по большей части исследует взаимодействие адвоката и суда в прошлом.

В рамках отношений суда и адвоката определённые требования должны предъявляться к двум субъектам: к адвокату и к судье, так как такие взаимоотношения должны рассматриваться как диалог субъектов процессуальной деятельности. Говоря об истории адвокатуры, следует отметить, что сами адвокаты появились в нашей стране в ходе судебной реформы 1864 года. Они не были самостоятельны и являлись звеном судебной системы. В связи с этим при взаимодействии с судебной властью, а особенно в публичных заседаниях, первые российские адвокаты — присяжные поверенные — обязаны были проявлять полное уважение, сдержанность и корректность.

Любые отступления от этих принципов грозили дисциплинарными взысканиями, которые могли быть наложены Советами присяжных поверенных по результатам рассмотрения дисциплинарных дел в отношении присяжных поверенных [16, с. 160].

Не допускались поступки и слова адвоката, которые могли быть расценены как глумление над судом, пренебрежение к нему. Грубые и неуместные выражения и обороты не могли выходить из-под пера присяжного поверенного, обязанного относиться к суду с уважением. Во имя достоинства всего сословия адвокат, обращаясь к суду с теми или иными ходатайствами, должен был держаться в рамках законности и не заявлять требований и просьб, которые могли бы встретить справедливый отказ [15, с. 311, 317].

Между тем, критика действий любого судебного или правительствующего учреждения, как бы резка она ни была, не должна признаваться выражением явного неуважения к учреждению или лицу, действия которого обсуждаются. По этому поводу П. В. Макалинский писал: «Ведь присяжные поверенные, постоянно обязанные поддерживать всякого рода жалобы на действия правительственных и судебных учреждений и оспаривать правильность их постановлений, должны по необходимости вдаваться в критику, и даже нередко весьма резкую, этих действий и постановлений, а потому сословие присяжных поверенных, собственно для свободного пользования этим правом, поставлено самим законодательством вне зависимости от всяких влияний, истекающих из подчиненности тем или другим представителям власти» [14, с. 491–492].

Для наглядности того, в чем именно усматривалось проявление неуважения присяжными поверенными к суду, приведем некоторые примеры из дисциплинарной практики Петербургского Совета присяжных поверенных.

За неприличный отзыв о товарище председателя окружного суда в его кабинете в присутствии посторонних лиц, в разговоре с секретарем суда, помощнику присяжного поверенного был сделан выговор.

За самовольное взятие присяжным поверенным из рук члена суда, принимавшего просителей в кабинете товарища председателя, поданных ему бумаг (вместо просьбы об их возвращении) Совет присяжных поверенных объявил выговор.

За неуместные возражения против распоряжений суда во время уголовной защиты, состоявшие в том, что присяжный поверенный неоднократно и несмотря на сделанные ему председательствующим указания на неуместность его образа действий, заявил присяжным заседателям, что лицо, допущенное судом к даче свидетельских показаний, не может быть допрашиваемо в качестве свидетеля, и явное незнание форм уголовного судопроиз-

водства Совет присяжных поверенных объявил присяжному поверенному предостережение [14, с. 485, 497].

В наши дни при рассмотрении подобных случаев органы корпоративного самоуправления практически исходят из тех же принципов, основываясь на том, что адвокат обязан с уважением относиться к судебной власти.

Так, в заключении Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы по дисциплинарному производству в отношении адвоката К. указывается: «В своей речи адвокаты обязаны придерживаться норм деловой (юридической) лексики, осуществляя тщательный отбор слов и в соответствии с их значением (семантикой), и уходить от оборотов, употребляемых на бытовом уровне, особенно если это касается личностных характеристик участников судебного разбирательства». В частности, за то, что в присутствии лиц, находящихся в зале судебного заседания, адвокат К. дала оценку действиям председательствующего с использованием подчеркнуто негативной лексики («скоррumpированный»), Квалификационная комиссия вынесла ей взыскание в форме предупреждения [8, с. 27, 38].

Вместе с тем Квалификационная комиссия обращает внимание и на то, что «свобода выражения мнения адвоката в зале суда не безгранична и определенные интересы, как-то: авторитет судебной системы, достаточно важны, чтобы оправдать ее ограничение». Так, адвокату О. было вынесено дисциплинарное взыскание в форме замечания на том основании, что адвокат обосновывал свой отвод составу судебной коллегии по гражданским делам низкими моральными качествами руководства судебной коллегии [9, с. 46–56].

В свете вышеизложенного отметим, что действующее законодательство не наделяет адвокатов правом самовольно (без разрешения председательствующего) без уважительных причин покидать зал судебного заседания во время рассмотрения дела. Не может служить поводом для самовольного оставления адвокатом зала судебного заседания во время судебного разбирательства его несогласие с принятым судом решением по тому или иному процессуальному вопросу [11, с. 28–47].

Однако указанная правовая позиция может быть изменена при рассмотрении конкретных дисциплинарных производств, при наличии существенных причин, обосновывающих такое поведение адвоката. Например, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы прекратила дисциплинарное производство в отношении адвоката, возбужденное по жалобе федерального судьи Т. на то, что адвокат в отсутствие разрешения председательствующего самовольно во время судебного разбирательства по уголовному делу покинула зал судебного заседания. Как было установлено в ходе дисциплинарного производства, адвокат А. покинула зал судебного заседания только после того, как в отсутствие какой-либо реакции со стороны суда на возражение стороны защиты против заявленного государственным обвинителем ходатайства и заявление в этой связи адвокатом А. последовательно двух

отводов федеральному судье оба заявления об отводе были проигнорированы. Судья даже не приступила к реализации предусмотренной процедуры отвода. Квалификационная комиссия сочла, что поведение адвоката А. было обусловлено тем, что районный суд в лице федерального судьи не обсудил и не устранил в установленном уголовно-процессуальном законом порядке возникшие у участников процесса сомнения в легитимности данного состава суда [12, с. 28–41]. К числу уважительных причин, дающих право адвокатам покинуть зал судебного заседания, относится болезнь адвоката [13, с. 9–10].

Указанные практические примеры опираются на п. 4 ч. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», указывающей на необходимость соблюдения Кодекса профессиональной этики адвоката. В частности, в ст. 12 Кодекса указывается на необходимость со стороны адвоката проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле.

Итак, как мы можем утверждать, что адвокат как исторически, так и в наше время должен с уважением относиться к судебной власти и к персоне судьи, что подтверждается как нормативными источниками, так и практическими примерами. Нарушение этого правила влечет дисциплинарную ответственность адвоката.

А какова ситуация в отношении судей к адвокату?

В последнее время в законодательство были внесены редакционные изменения относительно дисциплинарной ответственности судей.

Так, согласно ст. 12.1 Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 179-ФЗ «За совершение дисциплинарного проступка, то есть виновного действия (бездействия) при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебной деятельности, в результате которого были нарушены положения настоящего Закона и (или) Кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, на судью, за исключением судей Конституционного Суда Российской Федерации, может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде: 1) замечания; 2) предупреждения; 3) досрочного прекращения полномочий судьи».

Изложение позиции законодателя в такой редакции позволило детально охарактеризовать особенности привлечения судьи к дисциплинарной ответственности и выделить обязательные признаки: виновные действия (бездействия) как при исполнении служебных обязанностей, так и во внеслужебной деятельности; но не любые, а повлекшие нарушения положений Закона о статусе судей и (или) Кодекса судейской этики; при этом повлекших, в свою очередь, умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи-нарушителя.

Эта новая формула была бы значительно лучше прежней, если бы не одно исключение, убедительно подтверждающее: в праве даже изменение одного слова, даже в форме союза, может иметь определяющее значение. В прежней формулировке данной статьи звучало: нару-

шение закона и Кодекса судейской этики, в новой — нарушение закона и (или) Кодекса судейской этики. Принципиальная разница между этими формулами заключается в том, что раньше само по себе нарушение положений Кодекса судейской этики, без нарушения закона, не составляло дисциплинарный поступок — союз «и» здесь действовал в соединительном смысле. Тонкость в том, что отдельное нарушение закона, без связки, формально указанной, с Кодексом судейской этики, являлось дисциплинарным проступком, но не наоборот, т. е. отдельные (да хоть все сразу) нарушения кодекса судейской этики не являлись дисциплинарным проступком. Теперь же, при появлении союза «или», само по себе нарушение лишь положений (даже одного положения) Кодекса судейской этики, без связки с нарушением нормы Закона о статусе судей, является законченным дисциплинарным проступком (при наличии иных, названных выше, квалифицирующих признаков [12, с. 9].

То есть если раньше судья, формально не нарушая закон, как бы то ни было негативно взаимодействовал с адвокатом (не явно оскорблял его, сомневался в его компетенции), он не нес дисциплинарной ответственности, что порождало некоторое неравенство в их отношениях, при котором адвокат дисциплинарную ответственность за нарушение Кодекса адвокатской этики нес, а судья за нарушение Кодекса судейской этики — нет. В настоящий момент ситуация изменена.

Анализируя вышеупомянутый Кодекс, можно заметить, что судья в области взаимодействия с адвокатом несет от-

ветственность только за нарушение ч. 4 ст. 10 Кодекса, и то это положение закона корректность в общении с гражданами. Уважительное отношение к адвокату в Кодексе не упоминается.

Соответственно, практических примеров привлечения судей к дисциплинарной ответственности за некорректное отношение к адвокату на данный момент нет.

В связи с этим можно сделать общий вывод о том, что в настоящее время законодательство устанавливает неравные взаимоотношения адвоката и судьи. При негативном взаимодействии последних адвокат более подвержен дисциплинарной ответственности, так как он напрямую обязан проявлять уважение к суду, в то время как кодекс профессиональной этики судей не содержит требований не только об уважении к адвокату, но и об уважении к лицам, участвующим в деле. Кодекс использует термин «корректное отношение», что, на наш взгляд, неправильно, так как существенно расширяет возможность толкования поведения судьи как нарушающего или нарушающего Кодекс судейской этики.

Возможно, указанная ситуация имеет причиной уверенность законодателя в особых моральных качествах судей, однако в условиях современной российской действительности требования морали соблюдаются далеко не всеми судьями, что, на наш взгляд, обуславливает необходимость включения в Кодекс судейской этики положений о необходимости уважительного отношения судьи по отношению к лицам, участвующим в деле, в том числе и адвокату.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации принята 12 декабря 1993 года // Российская газета. — 25 декабря. — 1993 года.
2. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ // Российская газета. N 138—139. 23.07.1994.
3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ // Российская газета. N 100. 05.06.2002.
4. О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ от 26.06.1992 N 3132-1 // Российская газета. N 170. 29.07.1992.
5. О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»: Федеральный закон от 02.07.2013 N 179-ФЗ // Российская газета. N 145. 05.07.2013.
6. Кодекс судейской этики: утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012 // Бюллетень актов по судебной системе. N 2. Февраль, 2013.
7. Кодекс профессиональной этики адвоката: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ», N 2, 2003.
8. Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2010. № 12 (86).
9. Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2011. № 11 (96, 97, 98).
10. Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2005. № 6 (20).
11. Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2012. № 7, 8, 9 (105, 106, 107).
12. Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2012. № 4, 5, 6 (102, 103, 104).
13. Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2004. № 11—12 (13—14)
14. Макалинский, П. В. С.-Петербургская присяжная адвокатура. Деятельность С.-Петербургских совета и общих собраний присяжных поверенных за 22 года (1866—1888 гг.). — Спб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889.
15. Правила адвокатской профессии в России: Опыт систематизации постановлений Советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики. Составил член Совета присяжных поверенных округа Москов-

ской судебной палаты Александр Николаевич Марков. Москва, 1913 год / сост.: А. В. Воробьев, А. В. Поляков, Ю. В. Тихонравов; отв. ред. Ю. В. Тихонравов. — М.: Статут, 2003.

16. Савостьянова, О. Н. Взаимоотношение судебной власти и адвокатуры (по материалам дисциплинарной практики XIX—XX вв.) // Современное право. 2014. № 11. с. 160—164.
17. Клеандров, М. И. Дисциплинарная ответственность судей: новое регулирование — новые проблемы // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2014. № 3. с. 7—18.

Право на апелляционное обжалование по уголовным делам в Российской Федерации

Копанова Мария Сергеевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассматриваются сущностные характеристики апелляционного обжалования в Российской Федерации, акцентируется внимание на проблемах, связанных с ограничением на обжалование судебных решений.

Ключевые слова: апелляция по уголовным делам, полная апелляция, неполная апелляция, право на апелляционное обжалование, ограничения права на обжалование, уголовное судопроизводство, пересмотр приговоров.

С 1 января 2013 года вступили в силу изменения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, данные изменения затронули апелляционный порядок пересмотра на все судебные решения, а не только на решения мировых судей. У каждой инстанции появился свой объем задач по проверке, выявлению и исправлению ошибок [4].

При рассмотрении вопроса о российской апелляции по уголовным делам, прежде всего необходимо определить ее сущностные характеристики. В юридической литературе принято выделять следующие типы апелляции: полную или неполную (частичную), неограниченную или ограниченную, чистую или смешанную.

При рассмотрении полной апелляции проверка происходит путем повторного рассмотрения дела по существу судом вышестоящей инстанции. Стороны имеют право представлять новые доказательства и ссылаться на новые обстоятельства без каких-либо ограничений. Юридическими последствиями полного апелляционного пересмотра является вынесение судом апелляционной инстанции нового приговора, заменяющего собой приговор первой инстанции [5]. Суть полной апелляции заключается в том, что не только в проверке правильности решения суда первой инстанции, но и разрешение дела на тех же началах, что и в первой инстанции.

При неполной же апелляции по общему правилу нельзя ссылаться на новые фактические обстоятельства, которые не были предметом рассмотрения в суде первой инстанции, также нельзя представлять новые доказательства, ранее не исследованные судом первой инстанции. Апелляционная инстанция проверяет и исправляет ошибки суда, допущенные при рассмотрении уголовного дела, а в случае невозможности их исправить решение подлежит отмене

и дело направляется на новое рассмотрение в суд первой инстанции [5].

При рассмотрении вопроса к какому виду апелляции необходимо отнести апелляционное производство, необходимо определить основные отличия, позволяющие разграничить полную и неполную апелляцию. Соловьева Н. А., Тришина Н. Т. предлагают в качестве таковых следующие отличия [7]: наличие или отсутствие полномочий суда апелляционной инстанции принимать решения, которые разрешают все уголовное дело по существу; возможность и объем предоставления новых доказательств в суд апелляционной инстанции; наличие или отсутствие полномочия суда апелляционной инстанции по возвращению дела в суд первой инстанции для его нового рассмотрения; порядок исследования доказательств в суде апелляционной инстанции.

Учитывая, что апелляция в Российской Федерации имеет признаки как полной апелляции (право вынесения апелляционного приговора, возможность непосредственного исследования доказательств, в том числе новых), так и неполной (возможность возвращения дела в суд первой инстанции, возможность рассмотреть дело и без непосредственного исследования доказательств), складывается вывод о смешанном характере российской апелляции. Стоит отметить, что формулируя положения ст. 389.9 УПК РФ, законодатель не учитывал, что с течением времени обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, могут измениться; в свою очередь, суд апелляционной инстанции, являясь столь же независимым, как и суд первой инстанции, и будучи вправе и обязан давать самостоятельную оценку этим обстоятельствам, окажется в ситуации, когда приговор, являвшийся законным, обоснованным и справедливым на момент его постановления,

будет подлежать отмене или изменению постольку, поскольку на момент апелляционного рассмотрения он указанным требованиям не отвечает [3]. Отмечу, что концептуально данная точка зрения больше похожа к действительности.

Полная апелляция играет важную роль, для таких ситуациях, когда приговор был вынесен не в пользу лица. У него появляется возможность отстоять свою правоту и избежать незаконного осуждения. Более компетентный суд по-новому и независимо от предыдущего суда взглянет на предъявленное ему обвинение. Выбрав модель неполной апелляции, российское законодательство лишает возможности в полном объеме отстаивать свои права. Естественно, введение полной апелляции для всех уголовных дел приведет фактически к коллапсу системы апелляционного производства. Вместе с тем для уголовных дел, при рассмотрении которых решается вся дальнейшая судьба человека, а возможно и его жизнь, такое право должно быть предоставлено. В этой связи считаю возможным закрепить в УПК РФ институт полной апелляции для лиц, признанных виновными в совершении особо тяжких преступлений. В соответствии с данным институтом таким лицам должно быть предоставлено право потребовать пересмотра их уголовных дел в вышестоящем суде в соответствии с правилами производства в суде первой инстанции. При таком пересмотре суд апелляционной инстанции никак не связан с приговором суда первой инстанции и выносит свое собственное решение.

Российское уголовно-процессуальное законодательство в совокупности с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ в Постановлении от 27 ноября 2012 г. N 26 [2] закрепляет большой перечень участников уголовного судопроизводства, обладающих правом обжалования судебных решений, не вступивших в законную силу. Но имеются исключения, а именно лица, перечисленные в ст. 389.1 УПК РФ, вправе обжаловать решение только в том случае, если оно затрагивает их права и законные интересы. При поступлении жалобы на решение, которое не затрагивает права и законные интересы заявителя, еще на стадии назначения судебного заседания необходимо выносить постановление о возвращении жалобы в силу ее неприемлемости [6]. Также невозможно обжаловать по фактическим основаниям итоговые решения суда, постановленные по первой инстанции судом с участием коллегии присяжных заседателей. В соответствии со ст. 389.27 УПК РФ основаниями отмены, изменения таких решений являются исключительно основания, предусмотренные п. 2–4 ст. 389.15 УПК РФ. Таким образом,

они могут быть проверены апелляционным судом по основанию несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции (п. 1 ст. 389.15 УПК РФ). Стоит отметить, что полный пересмотр уголовного дела судом апелляционной инстанции, действующим в составе коллегии профессиональных судей, будет означать вторжение в исключительную компетенцию присяжных заседателей, правомочных устанавливать фактические обстоятельства дела и виновность подсудимого.

Следующее ограничение закреплено в той же ст. 389.27 УПК РФ и связано с невозможностью обжалования по фактическим основаниям судебных решений, вынесенных в порядке, предусмотренном гл. 40 (особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением) и гл. 40.1 (особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве) УПК РФ. Фактические обстоятельства уголовного дела, рассмотренного в указанных процессуальных порядках, презюмируются установленными полно и достоверно, соответственно, они не могут быть предметом возражений со стороны защиты. Указанные в законе ограничения фактически нивелируют апелляцию как форму отправления правосудия в вышестоящем, более опытном и компетентном суде, ставят под сомнение сам факт судебной защиты

Учитывая изложенное, необходимо сформулировать несколько выводов: при полной апелляции предметом судебного разбирательства является законность и обоснованность предъявленного обвинения, при неполной — законность, обоснованность и справедливость принятого решения. Таким образом, полагаю, что апелляция в Российской Федерации по уголовным делам должна быть классифицирована как неполная; считаю возможным внести предложение о закреплении в УПК РФ института полной апелляции для лиц, признанных виновными в совершении особо тяжких преступлений. В соответствии с данным институтом такому лицу должно быть предоставлено право потребовать пересмотра его уголовного дела в вышестоящем суде в соответствии с правилами производства в суде первой инстанции. В этом случае сторона защиты сможет сама выбрать, по правилам полной или неполной апелляции будет осуществляться пересмотр; УПК РФ предусматривает несколько ограничений права на обжалование итоговых судебных решений по уголовным делам. Некоторые из этих ограничений являются полностью обоснованными, другие хотя и вписываются в модель неполной апелляции, но не являются безупречными.

Литература:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 11.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2018);
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. N 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2015. — N 1.

3. Аниканов, А. К. К вопросу об определении предмета апелляционного рассмотрения // Апелляция: реалии, тенденции и перспективы. — 2015. — N 1 (16). — с. 18.
4. Воскобитова, Л. А. Конституционные основы апелляции в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 12 (37). — с. 1620.
5. Рукавишников (Плашевская) А. А. Апелляционный порядок проверки итоговых судебных решений по УПК РФ: полная или неполная апелляция // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2015. — N 4 (10). — с. 108.
6. Смирнов, В. П., Кудрявцева А. В. Широта и свобода обжалования как общее условие апелляционного производства в уголовном процессе России // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. — 2015. — N 3 (13). — с. 30.
7. Соловьева, Н. А., Тришина Н. Т. Виды решений суда апелляционной инстанции // Вестник Волгоградского государственного университета.: Юриспруденция. — 2015. — N 1 (16). — с. 145–146.

Причины развития современного терроризма

Магомедова Эльмира Абдулмеджидовна, аспирант
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье выделяются и раскрываются причины развития терроризма на современном этапе в Российской Федерации. Делается вывод о видоизменении сущности и причин развития современного терроризма, что требует адекватных мер общества и государства по защите основ конституционного строя и конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: терроризм, международный терроризм, причины терроризма, современный мир, права и свободы человека.

Keywords: terrorism, international terrorism, causes of terrorism, forms of terrorism, modern world, human rights.

Актуальность проблемы. Терроризм — это социальное зло, которое распространилось и на территории Российской Федерации. Захват террористами заложников из числа мюзикла «Норд-Ост» в здании Дома культуры ОАО «Московский подшипник» в 2002 г., захват террористами школы в Беслане, Северная Осетия в 2004 г., взрыв в аэропорту Домодедово в 2011 г., взрыв в метро в Санкт-Петербурге в 2017 все эти и многие другие преступления, совершенные на территории Российской Федерации характеризуются как террористические акты против государства и мирного населения. Великобританию, Германию, Францию, Турцию, США и многие другие страны также потрясает это ужасающее антисоциальное явление, которое уносит жизни большого числа мирного населения. По данным МВД России, с 2013 г. в стране наблюдается тенденция роста преступлений террористического характера: в 2013 г. совершено 661 преступлений террористической направленности, 2014 г. — 1128, 2015 г. — 1538, 2016 г. — 2227 и в 2017 г. — 1871 [8]. Однако по сравнению с 2016 по 2017 гг. можно увидеть небольшой спад преступлений террористического характера. По свидетельству директора ФСБ России А. Бортникова, с 2014 по 2018 гг. число погибших от террористических действий в мире достигает 152 тыс. человек [9]. Так, в сложившихся условиях, в целях своевременного выявления, предупреждения и пресечения террористических актов, требу-

ется адекватное исследование причин развития современного терроризма.

Причины современного терроризма. В настоящее время терроризм превратился в одно из наиболее опасных и непредсказуемых деяний. Активизация террористической деятельности, прежде всего, связана с внутренними и внешними факторами. В сегодняшней России для более эффективной разработки системы мер борьбы с терроризмом важное значение имеет учет этих факторов, которые способствуют его распространению.

Причины развития терроризма зависят как от отдельно взятого государства или региона, так и от внутренних психологических причин отдельно взятого человека.

1. Социально-экономические причины. К одной из основных причин, способствующих развитию терроризма, следует отнести социально-экономические причины. Речь идет, прежде всего, о неравномерном проявлении индивидуальных и общественных возможностей, в реализации человеческих возможностей в различных сферах жизни, о наличии различных слоев социальных групп (происходит размежевание общества — формируются различные социальные группы и слои с противоположными интересами), о разделении общества на богатых и бедных, о безработице, неравенстве, отсутствие каких-либо жизненных перспектив, падения уровня социальной защищенности и др. [1, с. 91–96].

2. Внутригосударственные политические причины. Многие зарубежные террористические организации основной целью видят нарушение единства России, установление разногласия между принципами демократического общества и их реализацией, ориентируют население на малоэффективное противодействие террористическим угрозам правоохранительными органами и в целом государством и др. [3, с. 187–194]. По мнению Е. Г. Самовичева, немаловажной причиной развития терроризма является отсутствие своевременного, эффективного и сурового наказания виновных лиц в совершении террористических актов, что создает как у преступников, так и простых граждан впечатление слабости правоохранительных органов. Другой политической причиной развития терроризма является то, что граждане выражают несогласие в отношении проводимой официально политикой государства в отношении различных вопросов и сфер жизни, а также недовольство граждан, которое вызвано методами работы с населением некоторых должностных лиц. К числу причин, носящие комплексный фактор он относит: вооруженные конфликты, общий рост терроризма во всем мире, проникновение в Россию различных зарубежных террористических организаций и др. [6, с. 3]. Так, позиция Е. Г. Самовичева сводится к тому, что в нашей стране причины терроризма это сложный комплекс проблем, которые имеют мотивы внутреннего и внешнего свойства.

3. Социально-психологические и религиозные причины. Используя религию в своих целях, террористы зачастую психологически влияют на сознание людей, стимулируя обострение социальных противоречий на национальной и религиозной почве (Ю. М. Антонян, В. В. Наумкин, М. Сейджмен, Е. А. Степанова). Религиозный терроризм является одним из видов политического терроризма. Однако нельзя забывать, что в последнее время основным мотивом террористической деятельности служит религиозный фанатизм. Исследователи задаются вопросом «какую роль играет религия в развитии терроризма»?; «целесообразно ли вообще говорить об исламском терроризме и несет ли он большую угрозу для современного общества, нежели различные радикальные группировки левого толка и сепаратисты»? Наиболее широко этот вопрос освещен в концепции С. Хантингтона. Так, в своей концепции С. Хантингтон распространение и развитие терроризма в современном мире объясняет столкновением и конфликтом между двумя цивилизациями — христианской и исламской [2, с. 32]. Хотя, если сравнивать содержание двух основных священных книг (Корана и Библии) в общем-то они имеют одинаковую материально-нравственную основу. Очевидным остается тот факт, что там, где вера того или иного человека в того или иного Бога слепа, недалеко и до религиозного фанатизма. В таком случае, есть ли у нас основания считать, что терроризм под религиозным знаменем является причиной и катализатором развития кризиса или терроризм — лишь его следствие недостаточно ясно? [7, с. 161]. «Ислам требует уважения к человеческой жизни, независимо от того,

какую веру исповедует человек. Терракты не являются делом рук истинных последователей ислама, поскольку мусульмане должны оберегать человеческую жизнь» — подчеркивает председатель Совета муфтиев России **Равиль Гайнутдин** [4].

4. Экологические причины. В современном мире быстрое развитие техники дает человеку возможность более точно разрушать природную и технологическую среду. А. Я. Рыженков в качестве основных причин появления экологического терроризма называет, во-первых, повышение значимости экологической безопасности в системе ценностей современного мирового сообщества; во-вторых, рост научно-технического прогресса, упрощающего доступ террористов к различным экологически опасным веществам или технологиям их изготовления [5, с. 27–35].

И все же очевидно, что возникновение терроризма, прежде всего, обусловлено обострением социальных внутренних и внешних противоречий. Большое влияние на распространение терроризма и его масштабы оказывают особенности национального характера и традиций. Одним из основных факторов, кроме всего прочего, следует отнести социально-культурное окружение, в котором живет человек. Обычно это обстановка религиозного фанатизма, пренебрежение современной культурой и цивилизацией.

Подводя итог вышесказанному хотелось бы подчеркнуть, что непосредственно причины терроризма напрямую взаимосвязаны с современными условиями жизни населения:

Во-первых, терроризм стал глобальной проблемой не только отдельно взятого государства, а всего мирового сообщества, а также глобальной угрозой жизни человека.

Во-вторых, межконфессиональные конфликты, религиозный фанатизм угрожают безопасности государства, создают угрозу миру и безопасности всего человечества. В современном мире зачастую происходит преднамеренное искажение исламской религии и использование словосочетания «исламский терроризм» различными политиками, религиозными деятелями и организациями для решения определенных политических задач. Поэтому религия является лишь спекуляцией на вере людей, которая позволяет террористам использовать верующих в своих интересах.

В-третьих, высокая информационная и техническая оснащенность повышает эффективность совершаемых террористических актов. Современное информационное пространство охватывает большую аудиторию в обществе, предавая акциям большой общественной резонанс и устрашающее воздействие на психику людей.

В-четвертых, очевидно, что в современных условиях полное искоренение терроризма невозможно. Вместе с тем государства, человечество должны стремиться к минимизации последствий терроризма посредством предупреждения причин совершения террористических актов, совершенствования национального законодательства и международного правового регулирования, усиления мер по обеспечению правопорядка, формирования гуманисти-

ческого общественного сознания и атмосферы сурового наказания для лиц и организаций, иницилирующих, осуществляющих и каким-либо образом содействующих террористическим замыслам или действиям.

Литература:

1. Викторов, А. Ш., Казаков Д. И. Общесоциологический (цивилизационный) подход в изучении феномена терроризма // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7, Филос. N 2 (10). — 2009.-С. 91–96.
2. Горбунов, К. Г. Терроризм: История и современность. Социально-психологическое исследование. М.: Форум; 2012. с. 32.
3. Михалев, Ю. А. Особенности современного терроризма // Вестник МГЛУ. — Выпуск 25 (658). — 2014. — с. 187–194.
4. Муфтий Шейх Равиль Гайнутдин «Организация паломничества российских мусульман: прошлое и настоящее. Ислам против террора» // материал Междунар. конф. (г. Крым, июнь 2016 г.) — URL: <https://muslim.ru/articles/269/15631/> (дата обращения: 14.04.2018).
5. Рыженков, А. Я. Экологический терроризм как глобальная проблема современности // Правовая парадигма. — 2017. — Т. 16. № 2. — с. 27–35.
6. Самовичев, Е. Г. О взаимодействии служб и подразделений ОВД в борьбе с преступлениями террористического характера // Актуальные вопросы борьбы с организованной преступностью, экстремизмом и терроризмом: Сборник научных статей. М.: МВД России, 2006. с. 3.
7. Samuel, P. Huntington The clash of civilizations, 1996 // Перевод. Т. Велимеев, 2006 // Издание на русском языке AST Publishers, 2014. 161 с.
8. Эл. ресурс <https://мвд.рф/folder/101762>
9. Эл. ресурс <http://tass.ru/politika/5095972>

Локальные акты в образовательной организации, реализующей программы дополнительного образования

Мартынова Надежда Максимовна, студент магистратуры
Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого

Рассматривается понятие локальных нормативных актов образовательных организаций, реализующих программы дополнительного образования. Уделяется внимание явлению локального нормативного регулирования образовательной деятельности. Раскрываются правовая природа, принципы принятия локальных нормативных актов и их классификация.

Ключевые слова: локальный акт, нормативный акт, образование, образовательная организация, дополнительное образование.

Local acts in the educational organization implementing programs of additional education

The concept of local normative acts of educational organizations implementing programs of additional education is considered. Attention is paid to the phenomenon of local regulation of educational activities. The legal nature, principles of adoption of local regulations and their classification are revealed.

Keywords: local act, regulation, education, educational institution, further education.

Локальные акты образовательной организации составляют неотъемлемый аспект регулирования отношений в сфере образования. Без передачи части правовых сил на локальное регулирование образовательные отношения потеряют свою эффективность.

Образовательная организация самостоятельно решает, какие именно локальные нормативные акты стоит размещать на своем сайте, за исключением случаев, когда обязательность такого размещения напрямую указана в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об

образовании в Российской Федерации». Основная задача образовательной организации в данном аспекте — установить нормативные предписания локального характера на основе правовых предписаний.

Закон устанавливает, что на сайте образовательной организации должны быть размещены акты, принимаемые по основным вопросам организации и осуществления образовательной деятельности (ч. 3 ст. 30 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»). Законодатель конкретизирует некоторые из них: акты регламентирующие правила приема обучающихся, режим занятий обучающихся, формы, периодичность и порядок текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации обучающихся, порядок и основания перевода, отчисления и восстановления обучающихся, порядок оформления возникновения, приостановления и прекращения отношений между образовательной организацией и обучающимися и (или) родителями (законными представителями) несовершеннолетних обучающихся.

Порядок размещения локальных нормативных актов на сайте образовательной организации регулируется Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 июля 2013 г. № 582 «Об утверждении Правил размещения на официальном сайте образовательной организации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и обновления информации об образовательной организации», а также Приказом Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособразование) от 29 мая 2014 г. № 785 «Об утверждении требований к структуре официального сайта образовательной организации в информационно телекоммуникационной сети «Интернет» и формату представления на нем информации». На сайте образовательной организации локальные нормативные акты должны быть размещены в разделе «Сведения об образовательной организации» — «Документы».

При оформлении локальных нормативных актов образовательная организация может руководствоваться требованиями ГОСТ Р 6.30–2003 «Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации». Однако образовательной организации необходимо учитывать, что требования к оформлению документов, установленные ГОСТом, носят рекомендательный характер (Постановление Госстандарта России от 3 марта 2003 г. № 65-ст «О принятии и введении в действие государственного стандарта Российской Федерации»). При размещении локальных нормативных актов рекомендуется обеспечить наличие в их тексте наименования, даты издания, порядкового (регистрационного) номера, подписи уполномоченного должностного лица, информации о согласовании документа, печати образовательной организации.

Таким образом, актуальным видится определение понятия локального нормативного акта, его признаков и

принципов, а также рассмотрение вопроса о классификации данных актов.

Локальный акт образовательного учреждения представляет собой основанный на законодательстве официальный правовой документ, принятый в установленном порядке компетентным органом управления образовательного учреждения и регулирующий отношения в рамках данного образовательного учреждения. При принятии локальных нормативных актов, затрагивающих права обучающихся и работников образовательной организации, учитывается мнение советов обучающихся, советов родителей, представительных органов обучающихся, а также в порядке и в случаях, которые предусмотрены трудовым законодательством, представительных органов работников (при наличии таких представительных органов) (п. 3 ст. 30 № 273-ФЗ). Разграничение полномочий между участниками образования определяется Уставом.

Локальный акт должен включать в себе следующие признаки:

1. Регулирование отношений только внутри отдельной организации. «Образовательная организация принимает локальные нормативные акты, содержащие нормы, регулирующие образовательные отношения, в пределах своей компетенции в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном её уставом» (п. 1 ст. 30 № 273-ФЗ).

2. Разрабатывается с учётом законов и подзаконных актов Российской Федерации, региона, а также правовых нормативных актов органов местного самоуправления.

3. Локальный акт в образовательной организации является официальным правовым актом, который должен иметь необходимые реквизиты: наименование, дату издания, регистрационный номер, подпись уполномоченного лица, виды согласования, печать образовательной организации.

4. Для разработки и принятия локального акта стоит привлекать всех субъектов образовательных отношений.

Существует достаточно много видов локальных актов, их можно классифицировать по следующим критериям:

1) 1) по степени значимости:

— обязательные — состав этих локальных актов определен трудовым и гражданским законодательством. Трудовой кодекс РФ, закон «Об образовании в Российской Федерации» содержат прямое указание на принятие подобных документов (например, ст. 189 и 135 ТК РФ, ст. 52 ГК РФ, ст. 30 закона «Об образовании в Российской Федерации»);

— необязательные — такие документы не предусмотрены законодательством, организация принимает локальные акты по своему усмотрению (например, Положение об организации детского отдыха);

2) по сфере действия:

— общего характера, распространяющиеся на всю организацию (Правила внутреннего трудового распорядка);

— специального характера, касающиеся отдельных вопросов (Положение о структурных подразделениях, Положение о специализированных кабинетах);

3) по кругу лиц:

— распространяющиеся на всех работников организации (Правила внутреннего трудового распорядка);

— распространяющиеся на определённую категорию участников правоотношений (Правила поведения обучающихся в образовательной организации).

— Индивидуальные локальные акты используются для юридического оформления управленческих решений и рассчитаны на однократные применения (Приказы о наложении взыскания, о поощрении);

4) по сроку действия:

неоднократное и применение (Устав образовательной организации, должностные инструкции работников);

с определённым сроком действия (График дежурства).

Локальные акты образовательной организации принимаются в разных формах (постановление, приказ, решение, инструкция; положение, правила) и могут регламентировать различные виды деятельности образовательной организации.

При принятии локальных нормативных актов, затрагивающих права обучающихся и работников, учитывается мнение обучающихся, советов родителей, представительных органов, а также представительных органов работников (при наличии таких органов).

Согласно положениями ст. 30 Федеральный закон № 273-ФЗ прямо указывается, какие вопросы подлежат урегулированию локальными актами.

1. Образовательная организация принимает локальные нормативные акты, содержащие нормы, регулирующие образовательные отношения (далее — локальные нормативные акты), в пределах своей компетенции в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном ее уставом.

2. Образовательная организация принимает локальные нормативные акты по основным вопросам организации и осуществления образовательной деятельности, в том числе регламентирующие правила приема обучающихся, режим занятий обучающихся, формы, периодичность и порядок текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации обучающихся, порядок и основания перевода, отчисления и восстановления обучающихся,

порядок оформления возникновения, приостановления и прекращения отношений между образовательной организацией и обучающимися и (или) родителями (законными представителями) несовершеннолетних обучающихся.

3. При принятии локальных нормативных актов, затрагивающих права обучающихся и работников образовательной организации, учитывается мнение советов обучающихся, советов родителей, представительных органов обучающихся, а также в порядке и в случаях, которые предусмотрены трудовым законодательством, представительных органов работников (при наличии таких представительных органов).

4. Нормы локальных нормативных актов, ухудшающие положение обучающихся или работников образовательной организации по сравнению с установленным законодательством об образовании, трудовым законодательством положением либо принятые с нарушением установленного порядка, не применяются и подлежат отмене образовательной организацией.

Можно сделать вывод, что в соответствии со статьями 28, 30 Федерального закона № 273-ФЗ образовательная организация принимает локальные нормативные акты в пределах своей компетенции в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном её уставом.

Локальные нормативные акты принимаются по основным вопросам образовательной деятельности. Это акты, регламентирующие правила приема обучающихся, режим занятий, формы, периодичность и порядок текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации, порядок и основания перевода, отчисления и восстановления обучающихся, порядок оформления возникновения, приостановления и прекращения отношений между образовательной организацией и обучающимися и (или) родителями (законными представителями) несовершеннолетних обучающихся (ч. 2 ст. 30 Федерального закона № 273-ФЗ).

При принятии локальных нормативных актов, затрагивающих права обучающихся и работников, учитывается мнение советов обучающихся, советов родителей, представительных органов обучающихся, а также в случаях, предусмотренных трудовым законодательством, например, ст. 8 и 372 Трудового кодекса РФ, представительных органов работников (при наличии таких органов).

Литература:

1. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. № 5976, 31.12.2012.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. N 197-ФЗ (с изм. и доп. от 24, 25 июля 2002 г.). Российская газета от 30.12.2001

Криптовалюта как товар с точки зрения международного частного права

Меркулова Юлия Константиновна, студент магистратуры
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье приводится анализ позиции государств, которые регулируют криптовалюту как товар. Автором рассматриваются преимущества и недостатки подобного подхода и представляется вывод о том, что криптовалюта не может в полной мере регулироваться как товар.

Ключевые слова: МЧП, криптовалюта, цифровой товар, товар, правовой статус, налоги.

Криптовалюта появилась относительно недавно, ее история насчитывает всего десять лет. Однако, это не препятствует субъектам делового оборота использовать ее в своих правоотношениях. Так как общественностью признается определенная ценность криптовалюты, возникает ситуация, когда государству необходимо урегулировать сложившиеся правоотношения и придать им законный статус. Анализируя подходы разных стран, можно выделить несколько сложившихся тенденций. Некоторые государства (Япония, Сингапур) регулируют разные виды криптовалюты в соответствии с присущими им свойствами, признавая одни — средством платежа, а другие — ценными бумагами. США, на федеральном уровне, не признавая криптовалюты средством платежа, отмечают, что некоторые из них могут иметь свойства ценных бумаг и, соответственно, попадать под соответствующее законодательство. Другие страны, такие как Маршалловы острова или Венесуэла используют преимущества криптовалют на национальном уровне, выпустив национальные виртуальные валюты.

Отдельно выделяется подход стран, которые рассматривают криптовалюту как виртуальный товар (virtual commodity), либо просто называют их товаром (commodity).

К примеру, Гонконг, который считается привлекательной для криптовалютного бизнеса юрисдикцией. Главным преимуществом этой страны и стало признание криптовалют в качестве товара [1], не запрещенного к обороту. Торговая деятельность в Гонконге контролируется Таможенным и Акцизным Департаментом. Гонконг является свободным портом и не устанавливает никаких таможенных тарифов при импорте и экспорте товаров, так же, как и тарифных ставок и квот, НДС и иных налогов. Акцизный сбор взимается только с 4 типов товаров в независимости от того, импортированы ли они или произведены в Гонконге. Это следующие товары: спиртные напитки, табачные изделия, углеводородное масло и метиловый спирт.

Как установлено в руководстве, выпущенном Таможенным и Акцизным Департаментом 30 января 2014 года. [2] Компании, осуществляющие свою деятельность с привлечением криптовалют, обязаны соблюдать политику «Знай своего клиента», а также полностью соблюдать нормы законодательства о противодействии отмыванию доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма. В этих целях, компании обязаны проявлять должную осмотрительность, а именно:

— Собирать информацию о клиенте и поддерживать ее актуальность.

— Собирать информацию о деловых отношениях контрагента, а также источниках его средств

— Вести собственную финансовую отчетность и сообщать в Департамент о подозрительной деятельности контрагента.

Стоит отметить, что выпуск и продажа токенов, очевидно обладающих свойствами ценных бумаг, регулируются законодательством Гонконга о ценных бумагах. В сентябре 2017 года Комиссия по ценным бумагам и фьючерсам Гонконга выпустила «Руководство по ICO» [3] в котором указала, что выпущенные токены, владельцы которых имеют право собственности на активы компании, либо право на получение части доходов компании, либо право на получение части имущества при ликвидации компании, будут иметь правовой режим схожий с акциями; Токены, согласно которым их владельцы инвестируют средства в проект в ожидании увеличения их стоимости и дальнейшей более выгодной перепродажи — будут регулироваться как инвестиционные схемы; Токены, которые представляют собой задолженность эмитента будут рассматриваться как долговые обязательства.

Компании, чьи токены обладают признаками ценных бумаг, а также биржи, торгующие ими, обязаны получать лицензию на свою деятельность в Комиссии по ценным бумагам и фьючерсам.

Властные структуры Тайваня также рассматривают криптовалюты как товар, хотя и подразделяют все токены на две категории, обладающие признаками ценных бумаг — подчиняются законодательству Тайваня о ценных бумагах; другие криптовалюты названы виртуальным товаром, инвестирование в который несет с собой большой риск потери денег «highly speculative virtual commodities.» [4]

Учитывая это, всем банкам и финансовым учреждениям Тайваня запрещены операции по приему и обмену криптовалют (таких как биткоин), а также запрещено предоставлять услуги, имеющие отношения к криптовалютам через сеть их банкоматов. [5]

Помимо прямого признания криптовалют товаром, многие государства избрали подход, при котором считают криптовалюту имуществом для целей налогообложения.

Подробнее всего применение данных положений обосновывает Налоговое управление Канады, которое «ха-

рактирует криптовалюту как товар, а не валюту, выпущенную правительством». [6] В данном случае, когда цифровая валюта используется для оплаты товаров или услуг, с точки зрения налоговых органов, применяются правила бартерных транзакций. Бартерная сделка происходит, когда любые две стороны соглашаются обменивать товары или услуги и устанавливают, что будут осуществлять этот обмен без использования законной валюты. Например, покупка фильмов в обмен на цифровую валюту является бартерной транзакцией. Стоимость фильмов, купленных с использованием цифровой валюты, должна быть включена в доход продавца для целей налогообложения. Сумма, которая будет учтена, должна быть равной стоимости фильмов в канадских долларах. [7]

Подобную позицию поддерживают, в том числе, налоговые органы Израиля, Норвегии, Аргентины, Мексики и Индонезии.

В России также высказываются предложения по квалификации криптовалют как цифрового товара. Заместитель председателя Банка России Ольга Скоробогатова в интервью информационному агентству Интерфакс выразила позицию ЦБ: «...Как идентифицировать криптовалюты, которые уже по факту имеют хождение на территории России. Наше предложение — относить их к цифровому товару и применять законодательство с определенными уточнениями в части налогов, контроля и отчетности, как к цифровому товару. Оно было поддержано всеми министерствами и ведомствами, и я думаю, что через месяц мы дадим вариант нормативных документов, как и где это нужно прописать. Если вы нас поддержите, то это нужно регулировать, потому что объемы становятся большими по сравнению с прошлым годом. Если люди этим занимаются, они должны за это платить деньги...» [8]

О похожем подходе объявила руководитель межведомственной группы Государственной Думы по оценкам рисков оборота криптовалюты — Эльвира Сидоренко в своем интервью журналу «Плюс»: «...понятие «цифровой товар» в разрабатываемом законопроекте не однозначно понятию «товар», а скорее близко к понятию «вещи» и, следовательно, вещному праву. Это некая новая сущность, которая должна быть урегулирована в законодательстве надлежащим образом. ... Термин «товар» хорош тем, что позволяет довольно четко рассмотреть юридическую природу майнинга. Мы должны понимать, что майнинг — это не эмиссия, а товаропроизводство...» [9] В целом, существующую исключительно в виде цифрового кода, криптовалюту сложно назвать «вещью». Как и нельзя однозначно определить майнинг через товаропроизводство. На «товаропроизводство» больше похожи действия создателя криптовалюты, того, кто написал алгоритм. Целью майнера в данном случае выступает получение криптовалюты в качестве награды за совершение верификации транзакции.

Возможность квалификации криптовалюты в качестве товара подробно анализировал российский ученый Алек-

сандр Иванович Савельев в своей работе «Криптовалюты в системе объектов гражданских прав». [10]

Доводы, которые приводит Александр Иванович, позволяют заключить ошибочность подобного подхода.

Во-первых, сама суть и форма выражения криптовалют не сопоставимы с текущими признаками товара, которые закреплены в законодательстве. Криптовалюта не может быть овеществленным объектом, к ним не применимы положения о способах передачи вещи, об общей долевой собственности, об ограниченных вещных правах, о некоторых способах возникновения прав на товар.

Во-вторых, в случае законодательного закрепления нового объекта гражданских прав «цифровой товар», возникнет конкуренция с уже существующими правовыми режимами. По большей части это касается иных объектов оборота, выраженных в цифровой форме (изображения, программы для ЭВМ, фильмы, музыкальные произведения), на данный момент они представляют собой права на результаты интеллектуальной деятельности.

В-третьих, признание криптовалюты товаром, означает признание наличия у нее внутренней ценности, полезности, стоимости, учитывая характер криптовалюты, об этом говорить можно лишь с большой натяжкой, так как только общественное мнение позволяет ей обладать какой-либо стоимостью, но она сама без этого представляет собой лишь несколько строк символов.

С точки зрения международного права, признание криптовалюты товаром тоже имеет свои особенности. Признание криптовалюты товаром, а следовательно, вещью, позволяет распространить на нее вещный статут — комплекс взаимосвязанных вопросов, предполагающих применение определенного правопорядка. Вещный статут регулирует следующие вопросы: определение видов вещных прав; содержание и осуществление этих прав; способы возникновения, изменения и прекращения вещных прав; защиту вещных прав; квалификацию имущества на движимое и недвижимое; оборотоспособность и отчуждаемость вещи признание и адаптацию вещных прав, возникших за границей; все вопросы, связанные с вещным эффектом сделок. Можно сказать, что вещный статут будет компетентен решать все вопросы, которые напрямую будут касаться вещных прав на криптовалюту.

Если ретроспективно смотреть на вещный статут, то раньше для недвижимых вещей применялась привязка — право места нахождения вещи (*lex rei sitae*), а к движимым вещам применялось право, соответствующее личному закону собственника вещи (*lex domicilii*). Согласно принципу «*mabilia sequuntur personam*» — движимая вещь следует за лицом, а значит, движимые вещи имеют местонахождение там, где постоянно проживает их хозяин, т. е. в его domicile. Однако с середины XIX века в доктринах и законодательствах развитых правопорядков широко развивалась идея о том, что основной коллизионной привязкой, призванной регулировать вещные правоотношения относительно движимого и недвижимого имущества в международном частном праве, должна быть *lex rei*

sitae (lex loci rei sitae) право места нахождения вещи. Основание можно усмотреть в принципе территориального суверенитета государства, которое имеет фактический и юридический контроль над вещью и наибольший интерес в регулировании всего внутреннего имущественного оборота в пределах его территории. [11]

На современном этапе развития международного частного права в коллизионном праве всех цивилизованных правовых систем общепризнанной, поддержанной доктриной и практикой, общей коллизионной привязкой, используемой в качестве основы для регулирования вещных правоотношений в международном частном праве, является право государства, в котором находится вещь — lex rei sitae. [11]

Однако в отношении криптовалюты придется принимать отдельные правила, определяющие ее нахождение. В силу специфики такого объекта как криптовалюта, будет сложно определить ее конкретное местонахождение. Потому что крайне неудобно каждый раз определять конкретный сервер, на котором хранятся данные

конкретно об этой криптовалюте. И какой именно сервер считать ее местонахождением? Сервер, на котором хранятся данные из криптовалютного кошелька, в котором находится криптовалюта, либо сервер компании, выпустившей криптовалюту и обеспечивающей поддержку существующей сети, в которой возможно использовать криптовалюту? Гораздо логичнее было бы использовать право, соответствующее личному закону собственника криптовалюты (сделать шаг в обратную сторону на прямой развития вещного статута), но в некоторых случаях это будет противоречить сверхимперативным нормам государств. Признание криптовалюты товаром провоцирует изменение в применении вещного статута, появление исключений и специальных правил. Юридическая наука постоянно находится в поиске наиболее логичных и связанных подходов к регулированию отношений и любой дисбаланс негативно сказывается на целом комплексе общественных отношений, поэтому с точки зрения международного частного права — признание криптовалюты — товаром не кажется удачным.

Литература:

1. Hong Kong Legislative Council Official Record Of Proceedings 18 December 2013
2. Customs and Excise Department of Hong Kong, Circular MSSB/MIS_1/2014 30 January 2014 Circular to Money Service Operators Anti-Money Laundering/Counter-Terrorist Financing: «Money Laundering and Terrorist Financing Risks Associated with Virtual Commodities»
3. Securities and Futures Commission: policy statement: «Statement On Initial Coin Offerings» 03/09/2017
4. Комиссия по финансовому надзору Тайваня: Пресс-релиз — «Предупреждение о высоком риске при инвестировании средств в виртуальные товары, такие как Bitcoin». 2017—12—19
5. Комиссия по финансовому надзору Тайваня: Пресс-релиз — «Система финансовых учреждений страны не должна предоставлять населению услуги, связанные с виртуальными товарами, такими как Bitcoin» 2014—01—06
6. Canada Revenue Agency, View 2013—051470117: «Bitcoins» December 23, 2013
7. Canada Revenue Agency, Fact sheet: «What you should know about digital currency» 2015—03—17
8. Интерфакс: «ЦБ РФ предложил рассматривать криптовалюты как цифровой товар», 27/05/2017
9. Журнал Плас № 5: «Криптовалюта в России: законодательные перспективы «цифрового товара», 20/06/2017
10. А. И. Савельев «Криптовалюта в системе объектов гражданских прав», журнал «Закон» N 8, август 2017 г.
11. «Некоторые общие вопросы регулирования вещных прав в международном частном праве» Текст научной статьи по специальности «Государство и право. Юридические науки» Плеханов В. В. журнал «Актуальные проблемы российского права» 2008 № 3

Криптовалюта как средство платежа с точки зрения международного частного права

Меркулова Юлия Константиновна, студент магистратуры
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассматривается подход государств, которые признают за криптовалютами правовой статус платежного средства. Также, оцениваются возможные варианты использования криптовалюты, как способа расчетов в правоотношениях между частными субъектами.

Ключевые слова: МЧП, криптовалюта, правовой статус, средство платежа, иностранная валюта, расчеты.

Практически все правоотношения в международном частном праве сопровождаются денежными обязательствами. По данной причине выделяется валютный статут сделки — совокупность вопросов, определяющих правовой статус денежных обязательств в правоотношении. При установлении содержания денежных обязательств в правоотношении выделяются две коллизионные привязки: закон валюты платежа и закон валюты долга (*lex monetae*). Сразу стоит сделать оговорку, что в отечественном законодательстве данные коллизионные привязки не признаются, и денежные обязательства регулируются нормами публичного права. [1]

Многие национальные кодификации МЧП не содержат специальных разделов, посвященных коллизионному регулированию денежных (валютных) обязательств. Это связано с тем, что валютные правоотношения традиционно включались в сферу публичного права и автоматически предполагали невозможность применения иностранного права. В настоящее время признается, что валютные отношения между частными лицами, связанные с иностранным правопорядком, — сфера действия МЧП. При регулировании частных валютных отношений могут применяться нормы иностранного валютного законодательства.

Привязка Закон валюты платежа был ранее тесно связан с принципом номинализма, который ранее был законодательно закреплен практически во всех государствах и исключал возможность коллизионного регулирования денежных обязательств. Принцип номинализма впервые был провозглашен в английской судебной практике в деле «*Gilbert v. Brett*» (1604 г.) заключался в том, что содержание денежного обязательства неизменно по своей сумме и не зависит от изменения покупательной стоимости валюты, в которой оно выражено. В начале XX в. в договоры стали включаться особые условия, направленные на защиту кредитора и обеспечивающие относительную неизменность денежного содержания платежей. Примером одной из ранних оговорок является «золотая оговорка», которая заключается в обязательстве уплатить долг, сумма которого будет эквивалентна количеству золота определенной пробы и веса. Наиболее известный пример использования «золотой оговорки» связан с вы-

пуском США в 20х годах прошлого века облигаций, с условием уплаты в денежных знаках, эквивалентных на момент платежа указанной в обязательстве сумме золотых долларов определенного веса и пробы. Однако проблема возникла когда в 1933 году в США был принят Указ [2], который отменял золотой паритет доллара и аннулировал «золотую оговорку», установив что обязательства в золотых долларах теперь погашаются бумажными долларами в отношении один к одному. Вследствие широкого использования американской валюты в международных расчетах данный Указ повлек необходимость разрешения коллизионных вопросов о применении или неприменении Указа Рузвельта к долгам, которые выражались в золотых долларах США.

На практике, Английские суды признали применение валютной коллизионной привязки. Был сформирован прецедент, согласно которому подчинение денежных обязательств в правоотношении валюте определенного государства предполагает применение законов данного государства к вопросам денежного содержания правоотношения.

Во Франции привязка к закону валюты долга признание не получила. Французские суды выносили решения, согласно которым к обязательствам, выраженным в золотых долларах США, нет оснований применять аннулирование «золотой оговорки», если только общим статутом обязательства не было избрано право США.

На сегодняшний день многие страны признают Закон валюты платежа коллизионной привязкой. К примеру, Швейцарский Закон о МЧП [3] в ст. 147.1 закрепляет, что «к денежной единице применяется право государства эмиссии». Также с ним солидарен Гражданский кодекс Румынии (книга МЧП) ст. 2.646 определяет: «Валюта платежа определяется правом государства, ее выпустившего» [4]. Статья 1 Закона о МЧП Великобритании [5] устанавливает, что вопросы денежного содержания обязательства, выраженного в иностранной валюте, решаются на основе судебного усмотрения. Суд вправе применить к данному вопросу не только английское право, но и право того государства, в чьей валюте заключено обязательство.

Но что принесут криптовалюты в систему коллизионных привязок? Участники рынка уже активно исполь-

зуют криптовалюты как средство платежа, однако, учитывая волатильность, которая на данный момент присуща всем виртуальным валютам, сумма платежа определяется альтернативно. Например, нередко можно встретить оговорку подобного характера: «Цена товара по договору составляет 1000 долларов США. Оплата производится в криптовалюте Litecoin (LTC) по курсу, установленному на сайте <http://coincost.net/> на дату платежа». Так как у криптовалют нет национальности, будет ли определен правовой статус денежных обязательств в правоотношении в соответствии с правом США? Если принять за правило такой подход, то как поступать в таких ситуациях, когда сумма долга выражена в валюте государства, которое относится к криптовалюте резко негативно, например в Непале или Боливии покупка, продажа и даже майнинг криптовалюты официально запрещены. Будет ли считаться незаконным платеж в криптовалюте по договору, содержащему подобную оговорку: «Цена товара по договору составляет 1000 Непальских рупий. Оплата производится в криптовалюте Litecoin (LTC) по курсу, установленному на сайте <http://coincost.net/> на дату платежа». В судебной и деловой практике пока не выработан однозначный подход к указанию криптовалюты в качестве средства платежа. Но определенные тенденции, присущие конкретным странам уже можно наблюдать и анализировать.

Первой из стран, на законодательном уровне, криптовалюты признала Япония. 1 апреля 2017 года, вступил в силу закон, вносивший поправки в финансовое законодательство Японии, который сейчас больше известен как Закон о виртуальной валюте. [6] Вслед за данным Законом в прессе начался ажиотаж, видимо из-за некорректного перевода, появился слух, что японское Правительство приравнивало биткоин к иностранным валютам, однако, на практике это не так. Если переводить дословно, то Виртуальная валюта, это не валюта, а «приравненные к активам носители стоимости, которые могут использоваться для осуществления платежей и передаваться в цифровом виде». В соответствии с разделами 402.1 и 402.2 Гражданского законодательства Японии [7], иностранная валюта обладает установленной ликвидностью, а также является безусловным средством платежа, виртуальные валюты в отличие от иностранных могут приниматься к оплате лишь только при условии, что лица, вовлеченные в сделку, согласились с данным способом оплаты. Пункты 4 и 8 статьи 6 Закона об иностранной валюте предусматривает, что иностранная валюта выпущена Иностранным государством, либо действительность и правовой статус данной валюты в качестве таковой закреплены на законодательном уровне. Пока ни одну криптовалюту в мире не признали официально деньгами или валютой, но, в случае, если какое-либо государство на законодательном уровне признает криптовалюту в полной мере равной иностранной валюте, то тогда и в соответствии с Японским законодательством ее можно будет считать таковой.

Государственное регулирование криптовалют в Японии коснулось трех отраслей. Во-первых, дано определение

криптовалют и разделение всех виртуальных валют на два типа. Тип 1 — это способные передаваться в цифровом виде приравненные к активам носители стоимости, которые могут использоваться для осуществления платежей за товары и услуги и обмена как на другие виртуальные валюты, так и на фиатные валюты. Тип 2 — это способные передаваться в цифровом виде приравненные к активам носители стоимости, которые могут быть обменяны на другие виртуальные активы. В данной ситуации произошло наглядное разделение криптовалют как средства расчетов и как инвестиционного продукта, так как второй тип это токен, который выпускают компании для привлечения средств.

Помимо установления правовой природы криптовалют, были введены специальные правила для участников рынка криптовалют. То есть введено лицензирование деятельности компаний, осуществляющих предпринимательскую деятельность с виртуальными валютами, а именно уставной капитал в 10 миллионов йен, сегрегация активов, японский гражданин как руководитель подобной компании, физическое наличие офиса, а не только юридического адреса, соблюдение политики *know your client*, ежегодный внешний аудит с предоставлением отчета в финансовый регулятор. Срок рассмотрения заявления на выдачу лицензии составляет два месяца если компания не отвечает данным правилам, то в выдаче лицензии отказывается и компания обязана прекратить деятельность.

И, в-третьих, введено специальное налоговое регулирование. Доход от виртуальных валют признан иными поступлениями и, следовательно, облагается налогом на прибыль (33% от суммы чистой прибыли компании, кроме того, префекты, и муниципалитеты устанавливают собственные величины, которые необходимо уплачивать, — по ставкам 5% и 12,3% от суммы госналога соответственно) и налогом на прирост капитала (около 10%).

28 февраля 2018 года Министерством финансов Германии было издано Постановление [8], признающее виртуальные валюты законным средством платежа. В обоснование такого решения, Министерство ссылается на Решение Суда Европейского Союза [9], которое определяет Криптовалюты платежными средствами, а также устанавливает, что оплата товаров и услуг, при помощи криптовалют не должна облагаться НДС. Также в Постановлении Министерства финансов отмечается, что участники правоотношений на практике используют виртуальные валюты как договорный, альтернативный и немедленный способ платежа.

В Германии к криптовалютам применяются налоги на корпорации (15%), прирост капитала и подоходный (Доход в размере до 8004 Евро налогообложению не подлежит, от 8004 Евро — ставка 14%. От 52882 Евро — 42%. При доходах свыше 250000 Евро ставка достигает 45%). Приростом капитала не считаются суммы ниже 800 евро. Все, что выше, облагается налогом 25%. Майнинг облагается налогом на корпорации.

Дружелюбной к криптовалютам является также юрисдикция Швейцарии. Швейцарское Управление по надзору за финансовым рынком выпустило Руководство [10] разъясняющее нормативную базу и позицию государства относительно ICO. Согласно Руководству, токены признаются Швейцарским законодательством вне зависимости от национальности компании их выпустившей, Управление по надзору за финансовым рынком обосновывает свой подход к классификации токенов их экономическими функциями. И, таким образом, различает три основные категории токенов:

Платежные токены (Payment tokens) или криптовалюты являются средствами платежа за товары или услуги, а также являются денежным выражением стоимости. Криптовалюты не предоставляют права требования к их эмитенту. На данные токены распространяется действие Швейцарского закона о противодействии отмыванию доходов. [11]

Токены полезности (Utility tokens) предназначены для предоставления прав доступа к приложению или сервису на платформе блокчейн.

Токены активы (Asset tokens) предоставляют права требования к эмитенту и аналогичны акциям, облигациям или деривативам, если по токенам выплачивают дивиденды, проценты или же токены дают права на получение части прибыли. Данные токены полностью попадают под требования законодательства в сфере ценных бумаг и фондового рынка.

Также подчеркивается, что данная классификация не является закрытой и в рамках экономических функций токенов, могут появляться гибридные варианты. К примеру, токен, который не только является средством платежа, но и предоставляет доступ к какому-либо сервису.

В Швейцарии введена трехуровневая система налогообложения. Существуют федеральные налоги, налог на уровне кантонов и местный (муниципальный) уровень. Для целей налогообложения, криптовалюты отражаются в бухгалтерских документах как активы и налогооблагаются в соответствии с Законом о федеральном налоге на прибыль. [12] Федеральный налог на прибыль составляет — 7,83%, кантональный — от 1% до 26%, например в кантоне Цуг, где расположена так называемая Криптодолина (независимая поддерживаемая правительством ассоциация Crypto Valley Association, своеобразный глобальный центр для блокчейн-компаний), налог на прибыль установлен в 12%. Также операции с криптовалютами в некоторых случаях попадают под действие федерального налога на прирост капитала (7,83%), налог взимается на основе прироста капитала после проведения каких-либо операций с активами, в основном продажи актива по более высокой цене, чем та, по которой он был изначально куплен.

Майнинг в Швейцарии определяется как хобби, Федеральная налоговая служба отмечает, что в связи с ростом популярности и масштабов майнинга, данный подход является устаревшим и следует разработать критерии для

признания майнинга предпринимательской деятельностью.

В январе 2018 года, налоговая служба Израиля выпустила Циркуляр № 05/2018 [13] в котором указывается, что криптовалюты следует рассматривать как средства виртуального платежа и объект налогообложения. Вместе с тем, Центральный Банк Израиля в начале 2018 года выпустил Предупреждение [14] для участников рынка криптовалют в котором помимо перечисления рисков, связанных с их использованием, подчеркнул, что виртуальные валюты нельзя рассматривать как деньги или валюту, их можно скорее назвать «финансовыми активами». Для целей налогообложения были внесены поправки в израильские Закон о подоходном налоге [15] и Закон о налоге на добавочную стоимость [16], в соответствии с которыми: доход компаний, осуществляющих деятельность связанную с криптовалютами, облагается налогом на прибыль (17%), майнинг криптовалюты облагается аналогом НДС (17%), также токены могут облагаться налогом на прирост капитала в случае их удачной перепродажи.

9 марта 2018 года в Мексике был принят Закон, регулирующий технологические финансовые компании. [17] Этот Закон содержит главу, посвященную виртуальным активам и определяет их как зарегистрированное в электронном реестре выражение стоимости, а также используемое субъектами хозяйственной деятельности по всем типам законных транзакций, средство платежа передающееся в цифровом виде.

Ввиду непродолжительного временного промежутка, прошедшего со времени принятия Закона о технологических финансовых компаниях, отмечается [18], что в Мексике еще не сложилось целостной системы налогообложения виртуальных активов и правовое сообщество ждет принятия поправок к существующим законам, так как разъяснения налоговой службы не смогут должным образом прояснить ситуацию.

На момент написания статьи, только в этих странах введено регулирование и конкретное правовое закрепление виртуальных валют как официального и разрешенного средства платежа. Также, подобный статус криптовалютам собирается придать Швеция. Это совершенно не означает того, что в других государствах рассчитывать биткоином за чашку кофе будет незаконно. По большей части законодатель выбрал выжидательную позицию и не спешит внедрять нормы о виртуальных средствах платежа в национальное правовое поле. Поэтому вопрос о выборе метода погашения долга между сторонами договора отдан на усмотрение сторон и поддерживается обращение к автономии воли сторон, единственным ограничением служат сверхимперативные нормы, определяющие политику «Know your customer» и препятствующие отмыванию доходов, полученных преступным путем, с целью укрытия их незаконного происхождения и использования в легальной экономике, а также финансированию терроризма.

Однако, существуют страны, право которых не стоит избирать статутот сделки, если стороны заинтересованы в

использовании криптовалюты как средства оплаты по договору.

В целях защиты и укрепления национальной валюты — рупии, В январе 2018 года Центральный Банк Индонезии выпустил пресс релиз [19] в котором напомнил о запрете на использование криптовалют всем субъектам на территории Индонезии. При этом запрещены не только транзакции, связанные с виртуальными валютами, но также и майнинг.

В 2014 году Центральный Банк Боливии запретил использование в стране любой валюты [20], которая не выпущена и не регулируется государственными органами. В стране запрещено любое использование криптовалют.

Кодекс Республики Эквадор О Кредитно-денежной и финансовой организации [21], допускает к использованию только собственную виртуальную валюту, выпущенную Центральным Банком и Доллар США, а также запрещает эмиссию, выпуск, фальсификацию, и иные способы про-

изводства других виртуальных валют, а также их использование любым способом.

В 2014 году Правительство Вьетнама выпустило Декрет, Об установлении размеров штрафов за нарушение валютного законодательства. [22] Согласно ст. 2 действии данного Декрета распространяется на физические и юридические лица вне зависимости от национальной принадлежности, и предусматривает наложение штрафа 150000000–200000000 VND за любое использование нелегальных платежных инструментов.

В 2014 году Центральный банк Киргизии опубликовал позицию [23], согласно которой, единственным законным способом платежа является национальная валюта сом, а использование в своих операциях криптовалют — является незаконным.

Также отрицают пользу криптовалют и запрещают их использование на своей территории: Иран, Ливан, Марокко, Намибия, Непал и Пакистан. [24]

Литература:

1. Международное частное право: учебник для магистров/ И.В. Гетьман-Павлова. 4 изд., перераб. и доп. — М: Издательство Юрайт, 2013. — 959 с. — Серия: Магистр
2. Title: The public papers and addresses of Franklin D. Roosevelt. Volume two, The year of crisis, 1933: with a special introduction and explanatory notes by President Roosevelt. [Book 1] Author: Roosevelt, Franklin D. (Franklin Delano), 1882–1945.
3. Международное частное право: Иностранное законодательство / Предисл. А.Л. Маковского; сост. и научн. ред. А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. М.: «Статут», 2000. 892 с. с. 628–673.]
4. Закон Румынии № 287 от 17 июля 2009 о Гражданском кодексе Книга VII — Положения о международном частном праве. Вступил в силу 1 октября 2011 согласно Закону № 71/2011. Официальный монитор № 505/15 июля 2011
5. Private International Law (Miscellaneous Provisions) Act 1995
6. Guidance Note on the Japanese Virtual Currency Legislation and Overview on Registration Requirement thereunder. July 4, 2017
7. Civil Code, Act No. 89. of 27.04.1896. В ред. Act № 94/2013
8. Umsatzsteuerliche Behandlung von Bitcoin und anderen sog. virtuellen Währungen; EuGH-Urteil vom 22. Oktober 2015, C-264/14, Hedqvist]
9. Case-law of the Court of Justice; In Case C-264/14; 22 October 2015
10. FINMA Guidance 03/2017 «New rules on public deposits. Questionnaire on FinTech licensing» 6.07.2017
11. Federal Act on Combating Money Laundering in the Financial Sector (Anti-Money Laundering Act, AMLA) № 955.0 of 10 October 1997 (Status as on 19 December 2006)
12. Swiss Income Tax Act (FITA) — DBG — LIFD / CCITHA — StHG — LHID [http://www.swisstaxnetwork.ch/gesetze/federal-income-tax-act]Дата обращения 17/10/2018г
13. Israel Tax Authority Circular No. 05/2018 (Jan. 17, 2018): «Taxation of Activity by Means of Virtual Payment (Known as «Virtual Currencies»»)
14. Reuters, Steven Scheer: «Bitcoin Is an Asset, Not a Currency — Israel's Central Bank», 08/01/2018
15. Laws of The State of Israel [LSI] (New Version) 1967 «Income Tax Ordinance»
16. Laws of The State of Israel [LSI] (New Version) 46 (1975/76) «Value Added Tax Law» 5736–1975
17. Diario Oficial De La Federación [D. O. F], Mar. 9, 2018, Law to Regulate Financial Technology Companies
18. El decreto de la Ley para Regular a las Instituciones de Tecnología Financiera, publicado en el Diario Oficial de la Federación (DOF) 03/2018
19. Bank Indonesia, Press Release No. 20/4/DKom: «Bank Indonesia warns All Parties Not to Sell, Buy, or Trade Virtual Currency». 13 January 2018
20. The Central Bank of Bolivia (CBV) resolution 044/2014, May 6/2014
21. Кодекс Республики Эквадор О кредитно-денежной и финансовой организации. № SAN-2014–1305 рег. номер 332

22. Декрет Правительства Социалистической Республики Вьетнам от 17 октября 2014 года No 96/2014 / ND-CP
23. Предостережение Национального банка Кыргызской Республики от 2014–07–15. Относительно распространения и использования «виртуальных валют», в частности биткойнов (bitcoin).
24. Law&Trust International: Страны в которых криптовалюты запрещены. URL: <https://lawstrust.com/ru/ico/pravovoj-status-kriptoalut/forbidden> Дата обращения: 19.10.2018 г.

Криптовалюта как финансовый инструмент с точки зрения международного частного права

Меркулова Юлия Константиновна, студент магистратуры
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассматривается наиболее распространенный подход к правовому закреплению статуса криптовалют в законодательстве разных стран. Автор анализирует рациональность и логичность избранного метода и приводит доводы в его пользу.

Ключевые слова: МЧП, криптовалюта, ценные бумаги, регулирование, подход, коллизионные привязки.

В доктрине и законодательной практике зарубежных стран долгое время формулировались коллизионные привязки для определения правового режима ценной бумаги, однако ввиду технических особенностей выпуска криптовалюты, которая обладает свойствами ценной бумаги, не все из них могут применяться в отношениях, возникающих при проведении операций с использованием криптовалют. Из наиболее подходящих можно выделить:

- закон «национальности» эмитента ценной бумаги (*lex societatis*);
- закон места регистрации выпуска (эмиссии) ценных бумаг;
- закон места обращения ценных бумаг (места нахождения организатора торговли или внебиржевой торгово-информационной системы, где ценные бумаги данного выпуска прошли листинг);
- обязательственный статут сделки (*lex causae*), предметом которого выступает ценная бумага;
- личный закон собственника ценной бумаги (*lex personalis* физического лица или *lex societatis* юридического лица).

Для того, чтобы определить наиболее подходящий подход к определению права и в целом к выбору идеальной юрисдикции, подходящей для выпуска ценных бумаг в виде криптовалюты, либо их покупки, следует рассмотреть существующие подходы к решению данного вопроса.

В Российском законодательстве криптовалюты на первый взгляд можно признать бездокументарными ценными бумагами. Однако формально следуя букве закона, несложно заключить, что это не представляется возможным ввиду того, что бездокументарными ценными бумагами признаются обязательственные и иные права, которые закреплены в решении о выпуске или ином акте лица, выпустившего ценные бумаги в соответствии с требованиями закона, и осуществление и передача ко-

торых возможны только с соблюдением правил учета этих прав. [1] В соответствии с п. 2 ст. 142 ГК РФ ценной бумагой может быть признан только тот объект, который назван в таком качестве в законе [2] или признан таковым в установленном законом порядке. Криптовалюта или токен такого признания не получили, поэтому их нельзя отнести к бездокументарным ценным бумагам.

Исправить неопределенное положение криптовалют, удостоверяющих какие-либо права, призван прошедший первое чтение в Государственной Думе РФ Законопроект № 424632–7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». [3] Проект вводит в гражданское законодательство базовое понятие «цифровое право» Согласно пояснительной записке, сущность «цифрового права» близка к сущности ценной бумаги, поэтому под таким правом предлагается понимать совокупность электронных данных (цифровой код, обозначение), которая удостоверяет права на объекты гражданских прав.

Цифровые права признаются только в случаях, предусмотренных законом. Это позволит отграничить важные для экономики сущности (на данный момент в обиходе они называются «токенами», но не исключено появление новых) от второстепенных или опасных (бонусы по картам лояльности, виртуальные предметы в сетевых играх и пр.), не имеющих значения или имеющих весьма ограниченное значение для экономики.

Принятие законопроекта позволит не только закрепить гражданско-правовые нормы для регулирования оборота цифровых прав, для совершения и исполнения сделок в так называемой цифровой среде, но и позволит решить целый ряд других задач. В частности, будет обеспечена судебная защита их обладателей от злоупотреблений. Включение цифровых прав в число объектов гражданских прав создаст также правовую основу для построения системы

норм о налогообложении таких объектов или деятельности по их созданию и обороту. Положения законопроекта предлагается ввести в действие без правил об обратной силе.

Если оценивать подходы, принятые в других странах, то наиболее подробно и детально оценивают криптовалюту в качестве ценных бумаг в Австралийской юрисдикции. Зачастую, страны ограничиваются лишь примерным перечнем функций токенов и затем относят их либо к полезным токенам (которые выполняют какую либо техническую функцию) либо к средствам платежа, либо к финансовому продукту (ценным бумагам), таким образом поступает, например, Швейцария. Власти Австралии избрали подход, который детально рассматривает криптовалюту с разных сторон и подбор адекватного правового регулирования осуществляется с учетом сути отношений, которые опосредованы операциями с криптовалютой. Объем правового регулирования напрямую зависит от того, является ли криптовалюта финансовым инструментом. Из ряда финансовых инструментов, согласно Информационному бюллетеню № 225 [4], выпущенному Комиссией по ценным бумагам и инвестициям Австралии с целью прояснить правовое положение криптовалют в стране, криптовалюты могут быть отнесены к четырем категориям: управляемая инвестиционная схема, акция, дериватив или безналичный платеж. Четкое определение категории, к которой относится криптовалюта позволяет определить применимые правила.

Управляемые инвестиционные схемы описаны в Законе о корпорациях 1989 года. [5] Их описание схоже с Тестом, который используется в США для определения инвестиционных контрактов, которые также регулируются законодательством о ценных бумагах. В управляемых инвестиционных схемах, средства вносятся на определенный срок, взамен предоставляются права, при этом не важно, предполагаемые или действительные по своей сути и будут ли они подлежать исполнению в дальнейшем. Взнос объединяется с другими подобными в рамках одного предприятия для целей получения финансовой выгоды. Получение финансовой выгоды не зависит от действий вкладчика. При соблюдении всех четырех условий, криптовалюта будет признаваться и регулироваться как управляемая инвестиционная схема.

Акции — это совокупность прав (права собственности, голоса, права на будущую прибыль, получаемую посредством дивидендов), относящихся к компании. Если в «Белой книге» криптовалюты указано на наличие у держателя подобных прав, Комиссия по ценным бумагам и инвестициям Австралии будет рассматривать эту криптовалюту как акции. А следовательно, в полной мере применять в данном случае соответствующие правила и к компании, выпустившей криптовалюту, и к площадкам, которые ее обменивают и к держателю криптовалюты.

Для целей Информационного бюллетеня № 225 Комиссия по ценным бумагам и инвестициям Австралии определяет производные финансовые инструменты, на-

пример, опционы и фьючерсы как договоры, по которым стороны получают право или обязуются выполнить некоторые действия в отношении базового актива. Базовый актив может представлять собой ценные бумаги, товары, валюту (в том числе криптовалюту) и др. Компании, торгующие деривативами обязаны руководствоваться Законом о корпорациях 1989 г., а также получать в Комиссии по ценным бумагам и инвестициям лицензию на свою деятельность.

Помимо финансовых инструментов, криптовалюта может быть признана средством безналичного платежа. В этом случае, компании, обеспечивающие ее продажу и обмен, будут являться поставщиками финансовых услуг, поэтому возникнет необходимость в получении лицензии, а также существенно расширится круг обязанностей. Как указывается в Информационном бюллетене, безналичный платеж, это любой способ совершения платежа, не предусматривающий при этом физическую передачу наличных денег. С этой позицией Австралия определилась еще в 2014 году, когда Комиссия по ценным бумагам и инвестициям подала заявление в Сенат Австралии в котором указывала на то, что операции, предусматривающие перевод криптовалюты плательщиком посреднику (поставщику услуг), который впоследствии обменивает криптовалюту на денежные ценности и затем завершает платеж переводом денежных средств продавцу, безусловно являются безналичным платежом.

Задавшись вопросом о том, что же вызвало столь подробное и масштабное регулирование криптовалют в Австралии, несложно найти разъяснение «Налоговое регулирование криптовалют в Австралии» [6], которое было выпущено австралийской Налоговой службой 29 июня 2018 года. В документе сказано, что прибыль, полученная от осуществления деятельности с использованием криптовалюты и токенов, облагается налогом на прирост капитала, ставка которого составляет 30 процентов. При этом Австралия признает юридическое лицо своим налоговым резидентом, если его контроль и управление осуществляется с территории Австралии или если данное юридическое лицо зарегистрировано в Австралии.

Налогообложению подлежат все доходы резидентов, полученные в любой стране мира. Доходы нерезидентов подлежат национальному налогообложению только на их часть, полученную в результате осуществления деятельности на территории Австралии.

Похожую позицию в отношении криптовалют можно обнаружить в юрисдикции Новой Зеландии. 31 октября 2017 года Управление по финансовому регулированию и надзору Новой Зеландии (ФМА), отвечающее за финансовое регулирование, опубликовало комментарий [7] о существующей нормативной базе для криптовалют. Управление определяет криптовалюты как цифровые токены, доступные к приобретению на обменных площадках, и при первоначальном предложении токенов.

Характеристики криптовалюты и ее экономическая сущность позволяют разделить все токены на четыре

группы: долговые ценные бумаги, долевые ценные бумаги, управляемые инвестиционные схемы и деривативы. Основные нормы, регулирующие финансовые инструменты в Новой Зеландии изложены в Законе «О финансовом рынке» 2013 года. [8]

Также в комментарии Управления по финансовому регулированию и надзору Новой Зеландии отмечается, что те криптовалюты, которые не могут считаться финансовым продуктом, в том числе биткоин, не имеют специального правового регулирования, однако они в полной мере подпадают под законы защищающие права потребителей, и иные общин законы, например Закон «О добросовестной торговле» 1986 года. [9]

Что касается компаний, осуществляющих деятельность с использованием криптовалюты, услуг криптовалюты, Управление по финансовому регулированию и надзору Новой Зеландии отмечает что они попадают под категорию «Поставщиков финансовых услуг», а значит должны соответствовать Закону «О финансовых услугах» 2008 года (особенно важный пункт составляет лицензирование их деятельности). Ключевые виды деятельности с привлечением криптовалюты, которые рассматриваются как «финансовые услуги», включают деятельность криптовалютных бирж, провайдеров криптовалютных кошельков, депозитную деятельность, брокерские услуги и ICO. Компаниям, осуществляющим подобную деятельность, запрещено вводить клиентов в заблуждение или делать ложные, или необоснованные заявления. Кроме того, если компания находится в Новой Зеландии, она должна быть зарегистрирована в Реестре поставщиков финансовых услуг (FSPR) и уплачивать налоги и сборы, соответствующие каждой категории предоставляемых финансовых услуг. У компании также должна в обязательном порядке быть предусмотрена процедура разрешения споров с клиентами и контрагентами.

Интересным уточнением со стороны Управления является тот факт, что компании, предлагающие токены, которые по своей сути являются финансовыми инструментами, для продажи только квалифицированным инвесторам либо инвесторам, расположенным за пределами Новой Зеландии, не являются субъектами, попадающими под нормы о полном лицензировании их деятельности а также нормы о раскрытии финансовой информации в соответствии с Законом «О финансовом рынке» 2013 года, на них распространяются только нормы второй Части данного закона о добросовестном ведении предпринимательской деятельности.

На протяжении последних двух лет, все больше компаний выбирает в качестве места выпуска своей криптовалюты Сингапур. Власти страны открыто поддерживает криптовалюты и блокчейн-проекты, поэтому Сингапур является популярной юрисдикцией для криптовалютных компаний

Председатель Денежно-кредитного управления Сингапура (MAS) Тарман Шанмугаратнам (Tharman

Shanmugaratnam) в своем выступлении на Парламентском заседании 2 октября 2017 года [10] заявил, что в сравнении с другими странами, такими как Япония или США, оборот средств, выраженных в криптовалюте в Сингапуре еще не настолько велик, чтобы принимать по этому поводу специальное правовое регулирование. Деятельность компаний, использующих криптовалюту и так регулируется законами о противодействии отмыванию денежных средств, полученных преступным путем и противодействию финансированию терроризма. На данный момент этого, а также определенных разъяснений финансовых и налоговых регуляторов в совокупности достаточно для того, чтобы держать под контролем данную сферу. Тем не менее, отметил Председатель, необходимые корректировки в законодательство будут вноситься по мере необходимости.

Месяцем позднее, 14 ноября 2017 года, Денежно-кредитное управление Сингапура опубликовало на своем сайте руководство по применению в отношении криптовалют Законодательства Сингапура о ценных бумагах и фьючерсах. По мнению Управления, если выпускаемые цифровые активы подпадают под определение финансовых продуктов, содержащееся в Законе о ценных бумагах и фьючерсах 2001 года [11]. В частности, к таким продуктам относятся цифровые токены, представляющие собой права собственности, а также другие имущественные права на определенные активы. Финансовые инструменты подобного рода могут расцениваться регуляторами, как предложение акций или инвестиционных паев, использующихся институтами совместного инвестирования. Кроме того, в отдельных случаях цифровые токены могут расцениваться как долговые обязательства, также подпадая под действие законодательства о ценных бумагах.

21 ноября 2017 года было опубликовано заявление [12] о планируемом пересмотре существующего правового регулирования платежных систем в Сингапуре с добавлением положений, определяющих правила функционирования криптовалют в качестве платежных средств. Проект [13] обновленного закона уже доступен на сайте Денежно-кредитного управления Сингапура.

Оценивая регулирование криптовалют, можно сделать вывод, что в юрисдикции Сингапура понятие токен считается родовым по отношению в криптовалюте и иным видам токенов. Токены могут быть подразделены на четыре категории: токены — выполняющие функции ценных бумаг; токены — выполняющие функции средства обмена, единицы учета или средства сохранения стоимости; токены — несущие исключительно техническое значение. Сингапурский адвокат Александр Рессос, Управляющий партнер, Ressos Legal Pte Ltd, в своей работе, посвященной правовому регулированию ICO в Сингапуре [14], также выделяет токены — обеспеченные базовыми активами (золото, нефть и т. д.), несмотря на то, что в мире подобные криптовалюты существуют, (напр. Венесуэльский Петро), специальных упоминаний об этом виде токена ни в одном

комментарии Денежно-кредитного управления Сингапура не обнаружено.

Характерной особенностью многих криптовалют, которые были выпущены в стране является ограничение доступа граждан и резидентов Сингапура к участию в токене. Так как в случае признания токенов которые, предлагаются резидентам Сингапура, финансовыми продуктами, эмитент токенов должен будет зарегистрировать проспект эмиссии в Денежно-кредитном управлении и получить соответствующую лицензию. Также лицензия потребуется и тем компаниям, которые в Сингапуре не зарегистрированы, но предлагают свои токены в виде финансовых продуктов резидентам Сингапура.

Размышляя о правовом статусе криптовалют в Сингапуре, можно заключить, что в целом, эта юрисдикция является благоприятной для ведения бизнеса с использованием криптовалют. Этому способствует низкий налоговый режим Сингапура (17% корпоративного налога, нет налога на прирост капитала), Регуляторная песочница [15] для компаний финансово-технического сектора, участие в которой упрощает деятельность и даже позволяет первые полгода работать без получения специальных лицензий. Также важна определенная доля стабильности в подходе к регулированию, который дает понять, что в Сингапуре, в отличие от материкового Китая или Южной Кореи, нет риска запрета криптовалют регулятором.

Удачным выбором для ведения криптовалютного бизнеса, который предусматривает выпуск токенов, попадающих под понятие ценной бумаги предлагают большинство офшорных юрисдикций. Правовое регулирование вводится с наиболее обтекаемыми и удобными формулировками. К примеру, Гибралтар. Компании, осуществляющие деятельность с использованием криптовалют, считаются там лицами, предоставляющими услуги, опосредованные технологией распределенного реестра, для хранения или передачи ценностей, принадлежащих другим.

При этом Гибралтар находится в белом списке OECD. [16] На данный момент Гибралтаром подписано только 26 договоров по обмену налоговой информацией (с Россией в том числе). А с первого января 2011 года ставка на корпоративный налог в Гибралтаре была снижена с 22% до 10%. Прирост капитала на активы компаний в Гибралтаре налогом не облагаются, также, как и дивиденды, процентный доход и роялти.

Гибралтар — Коронное владение Британской Империи, находится в постоянном поиске наилучших вариантов правового регулирования криптовалютного бизнеса. Разработка соответствующих поправок в законодательство ведется с 2014 года. На данный момент представлена Правовая основа для регулирования технологий распределенного реестра. [17] По сообщениям Комиссии по надзору в сфере финансовых услуг Гибралтара, также подготавливается подобный Свод правил и для первичного размещения токенов. [18]

12 октября 2017 года правительство Гибралтара представило поправки к Закону «О Финансовых услугах» регулирующие деятельность компаний, использующих технологии распределенных реестров. Положения вступили в силу с 1 января 2018 года. Правительство Гибралтара утверждает, что страна является первопроходцем в сфере регулирования технологии блокчейн. Цель законодательства — защитить потребителей, защитить репутацию Гибралтара как хорошо регулируемую и безопасную среду для фирм, использующих инновации, и позволить Гибралтару процветать от использования и роста новых финансовых технологий.

Нормативная база охватывает компании, которые работают на территории Гибралтара или с территории Гибралтара, и предоставляют услуги, опосредованные технологией распределенного реестра, для хранения или передачи ценностей, принадлежащих другим. Положения требуют, чтобы фирмы, отвечающие этим критериям, подавали заявку на получение лицензии от Комиссии по надзору в сфере финансовых услуг Гибралтара.

Чтобы получить лицензию лицо должно подать заявку о том, что собирается осуществлять деятельность с использованием блокчейн и сопроводительную документацию, всецело характеризующую предполагаемую деятельность фирмы, интересным нюансом является то, что это еще не заявление на получение самой лицензии, а предварительный этап оценки и одобрения компании. За подачу заявления взимается пошлина в размере 2000 фунтов стерлингов [19] (приблизительно 2750 долларов США). Далее Комиссия проводит анализ представленных документов с целью оценки характера и сложности предлагаемой бизнес-модели, а также товаров и услуг, которые фирма планирует предоставлять.

Получив уведомление об одобрении заявки, лицо может затем подать заявление на получение лицензии поставщика услуг, оказываемых с использованием технологии распределенного реестра. При подаче заявления, должна быть уплачена пошлина в размере от 8000 фунтов стерлингов (приблизительно 11000 долларов США) до 28000 фунтов стерлингов (приблизительно 39000 долларов США), в зависимости от предполагаемой деятельности и сложности обработки заявления, которая определяется во время первоначальной оценки заявки. [20] Комиссия по надзору в сфере финансовых услуг Гибралтара выдает лицензию, которая обязывает заявителя соблюдать девять принципов хозяйственной деятельности [21], которые предусматривают, что компания честно и открыто ведет бизнес, не вводя в заблуждение своих контрагентов, поддерживает адекватный финансовый запас и имеет эффективные механизмы корпоративного управления. Компания должна предусмотреть систему защиты собственных финансовых активов, а также средств, принадлежащих ее клиентам и должным образом обновлять ее, поддерживая достаточный уровень безопасности. Обязательным принципом также является наличие механизмов, способствующих выявлению и раскрытию

финансовых преступлений, таких как отмывание денег и финансирование терроризма.

На данный момент, ввиду отсутствия сложившегося подхода и повсеместного признания криптовалют ценными бумагами, имеет смысл определенно указывать право регулирующее сделку. При этом компании, зарегистрированные в странах с существующим правовым регулированием данной сферы, а также резиденты таких стран имеют преимущество, так как могут ссылаться на личный закон эмитента или собственника ценной бумаги. Статистика показывает, что наибольшую популярность среди компаний, ведущих бизнес с использованием крипто-

валют получают юрисдикции, определившие правовые рамки данного рынка. В то же время, наблюдается некоторая конкуренция между юрисдикциями, которые стремятся привлечь средства в свою экономику. Для этого страны готовы предлагать льготный налоговый режим или упрощенные правила ведения бизнеса, однако характерной чертой всех изученных юрисдикций является введение налогового режима одновременно с определением правового регулирования. Таким образом не только частные лица стремятся извлечь выгоду от появления правового режима криптовалют, но и публичные субъекты заинтересованы в его установлении.

Литература:

1. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ. Принята Государственной Думой 21 октября 1994 г. Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. N 32 ст. 3301 в ред. Федерального закона от 3 августа 2018 г. N 339-ФЗ
2. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. N 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг». Собрание законодательства Российской Федерации от 22 апреля 1996 г. N 17 ст. 1918. В ред. Федерального закона от 3 августа 2018 г. N 295-ФЗ
3. Законопроект № 424632–7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»
4. The Australian Securities and Investments Commission (ASIC), Information sheet 225 (INFO 225): «Initial coin offerings and crypto-currency», updated in May 2018.
5. Corporations Act 1989 109, 1989 14 July 1989 Remainder: 1 Jan 1991 (see Gazette 1990, No. S335)
6. Australian Government, Australian Taxation Office, Last modified: 29 Jun 2018 QC 42159: «Tax treatment of cryptocurrencies in Australia — specifically bitcoin»
7. New Zealand Financial Markets Authority: compliance «cryptocurrency-services»
8. Financial Markets Conduct Act Public Act 2013 No 6913 September 2013 (Reprint as at 15 September 2018)
9. Fair Trading Act 1986 Public Act 1986 No 121 17 December 1986 (Reprint as at 30 May 2017)
10. MAS: NOTICE PAPER 869 OF 2017 For Parliament Sitting on 2 October 2017 «Reply to Parliamentary Question on the prevalence use of cryptocurrency in Singapore and measures to regulate cryptocurrency and Initial Coin Offerings»
11. Securities And Futures Act (Original Enactment: Act 42 of 2001) (Revised Edition 1st April 2006)
12. MAS Launches Second Consultation on New Regulatory Framework for Payments Singapore, 21 November 2017
13. Proposed Payment Services Bill MAS P0212017 «Payment services act»
14. 2018–07–06 Dr. Alexander Ressos: How to do an Initial Coin Offering (ICO) in Singapore: The legal and regulatory framework, key structuring considerations and documentation requirements
15. Monetary authority of Singapore: FinTech Regulatory Sandbox
16. Организация экономического сотрудничества и развития — международная экономическая организация развитых стран, признающих принципы представительной демократии и свободной рыночной экономики
17. Financial Services (Distributed Ledger Technology Providers) Regulations 2017, Legal Notice No. 204/2017, Gibraltar gazette No. 4401 (Oct. 12, 2017)
18. Statement on Initial Coin Offerings, GFSC (Sept. 22, 2017)
19. Financial Services Commission (Fees) Regulations 2016, LN 2016/071, sched. 2 (fee block G1).
20. Financial Services Commission (Fees) Regulations 2016, sched. 2. (fee block G1)
21. Financial Services (Distributed Ledger Technology Providers) Regulations 2017, regs 4 (3) & 5 (1)

К вопросу о минимальном размере алиментов

Мордвинова Елена Евгеньевна, студент магистратуры
Пермский государственный национальный исследовательский университет

Семейное законодательство России в силу статьи 1 Семейного кодекса Российской Федерации исходит из обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи, в связи с чем, суды при рассмотрении гражданских дел о взыскании алиментов в твердой денежной сумме, определяя размер алиментов, подлежащих взысканию, чаще всего руководствуются суммой прожиточного минимума на несовершеннолетнего ребенка, установленного в соответствующем регионе. Поэтому не раз высказывались предложения об установлении минимального размера алиментов, которые родители обязаны были бы уплачивать на содержание несовершеннолетнего ребенка. [5, 6, 7]

Авторы проекта Концепции совершенствования семейного законодательства обосновывают необходимость законодательного установления минимального размера алиментов тем, что размер алиментов, назначаемых судом, в большинстве случаев, не только значительно ниже прожиточного минимума, но и часто составляет столь незначительную сумму, что она не может обеспечить содержание ребенка. [8]

Анализ статистических данных показывает, что среднедушевой денежный доход населения в 2015 г. составил 30466,60 рублей в месяц, в 2016 году данный показатель незначительно вырос до 30744,40 рублей в месяц, в 2017 г. — 31477,40 рублей в месяц. Вместе с тем, количество населения, имеющее среднедушевой доход ниже среднего по Российской Федерации (до 30000 рублей) составляет в 2015 г. 64,2%, в 2016 г. — 63,7%, в 2017 г. — 62,5%, при этом, 5,5% населения имеет доход, не превышающий 7000 рублей в месяц (в 2017 г.). Статистикой отражено, что, численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума остается стабильно высокой: 13,3% населения в 2015 и 2016 гг. (19,5 миллионов человек при прожиточном минимуме 9701 руб. в 2015 г. и 9828 руб. в 2016 г.), 13,2% в 2017 году (19,3 миллиона человек при прожиточном минимуме 10088 руб.) [3]. Следует констатировать, что уровень платёжеспособности абсолютного большинства граждан является достаточно низким, что в определенной степени объясняет ситуацию, в которой надлежащее исполнение обязательства по выплате алиментов становится невозможным.

Е. А. Усачева справедливо отметила, что «безоглядное применение судами п. 1 ст. 81 СК РФ в действующей редакции влечет за собой множество проблем: в частности, существенно превосходящий потребности ребенка размер алиментов, взыскиваемых с родителя, имеющего высокий уровень дохода, в конечном итоге приводит к обогащению за счет алиментов родителя, с которым ребенок проживает; с плательщиков, имеющих низкий официальный

доход, напротив, взыскиваются алименты, не покрывающие даже первоочередных потребностей детей». [6, с. 21–25]. По мнению Е. А. Усачевой следует провести комплексное реформирование системы взыскания алиментных платежей, а в первую очередь, установить минимальный размер алиментов, равный половине прожиточного минимума для детей в Российской Федерации. Вместе с тем, как справедливо отметила Т. В. Шершень, при имеющемся уровне доходов населения «иллюзорно выглядят концептуальные предложения об установлении минимального размера алиментов, присуждаемых на несовершеннолетних детей, в привязке к величине прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по России либо в зависимости от официального прожиточного минимума для ребенка в субъекте Российской Федерации» [7, с. 20–24], поскольку размер денежных средств, взыскиваемых в указанном минимальном размере, не обеспечит даже базовых потребностей ребенка. Действительно, величина прожиточного минимума в среднем на душу населения по России для детей составляет 9959 рублей в месяц в I квартале 2018 г. (соответственно, $\frac{1}{2}$ — 4979,5 руб. в месяц) [3]; в Пермском крае величина прожиточного минимума в среднем на душу населения для детей составляет 10289 рублей в месяц во II квартале 2018 г. (соответственно, $\frac{1}{2}$ — 5144,5 руб. в месяц) [4], чего явно недостаточно для обеспечения удовлетворения базовых потребностей ребенка, его достойного содержания и развития.

Возражая относительно вопроса установления минимального размера взыскиваемых алиментов, М. В. Антокольская полагает, что законодательное установление минимального размера алиментов, подлежащих взысканию, имеет существенный недостаток. По ее мнению, «несмотря на то, что родители обязаны предоставлять своим детям достаточное содержание, в современном демократическом обществе нет никакой возможности заставить их это сделать» [1, с. 330]. Однако, Российская Федерация, позиционируя себя социальным государством, приняла на себя обязательства по созданию условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (п. 1 ст. 7 Конституции Российской Федерации). В конституционно-правовом смысле достойная жизнь — это тот минимальный стандарт, который государство, провозгласившее себя социальным, обязано обеспечить каждому своему гражданину. [2, с. 28]. В соответствии с Конвенцией ООН «О правах ребенка» Российская Федерация возложила на себя обязательства по признанию за каждым ребенком права на уровень жизни, необходимый для его физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития. Государства — участники принимают все

необходимые меры для обеспечения восстановления содержания ребенка родителями или другими лицами, несущими финансовую ответственность за ребенка, как внутри государства — участника, так и из-за рубежа (п. 4 ст. 27 Конвенции). Таким образом, именно государство должно оказывать всеобъемлющую поддержку родителям в осуществлении ими обязанности по надлежащему содержанию детей, предоставлению им условий для всестороннего развития и повышению их уровня жизни. При этом, для сохранения и повышения качественного уровня жизни, как детей, так и их родителей, государство обязано проводить политику в экономической сфере, направленную на создание новых рабочих мест и последовательное повышение уровня доходов всех категорий населения. Только при условии обеспечения государством развития рынка труда, обеспечении граждан рабочими местами, сглаживании разрыва между доходами граждан, мы можем говорить об установлении минимального размера алиментов. Решение проблемы снижения размера алиментов, взимаемых на содержание несовершеннолетнего ребенка,

по причине снижения уровня доходов плательщика по мнению Т. В. Шершень «видится не только и не столько в установлении на законодательном уровне минимального размера алиментов в пользу несовершеннолетних детей... сколько в реальном повышении материального благосостояния каждого работающего в России». [7, с. 20–24] Идею законодательного закрепления минимального размера алиментов не следует отбрасывать, вместе с тем, минимальный размер алиментов, на наш взгляд, нельзя привязывать к таким показателям, как минимальный размер оплаты труда или прожиточный минимум. По нашему мнению, для определения минимального размера алиментов следует провести масштабный статистический анализ уровня ежемесячного дохода граждан, а также уровня расходов, которые несут родители на содержание, воспитание и обучение ребенка. Исходя из среднего размера расходов, которые родители несут на содержание детей (в том числе на питание, одежду, дополнительные занятия, образование, спортивные секции и др.), должен определяться и минимальный размер алиментов.

Литература:

1. Антокольская, М. В. Семейное право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 432 с.
2. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М. П. Авдеенкова, А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудцына и др.; рук. авт. кол. Ю. А. Дмитриев, науч. ред. Ю. И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М., Статут. 2013. 688 с.
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#. (дата обращения 14.08.2018 г.).
4. Постановление Правительства Пермского края от 25.07.2018 г. № 422-п Об установлении величины прожиточного минимума за II квартал 2018 года // Бюллетень законов Пермского края, правовых актов губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, исполнительных органов государственной власти Пермского края. № 29. 30.07.2018.
5. Пьянкова, А. Ф. Баланс интересов в алиментных правоотношениях // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1. с. 77–87.
6. Усачева, Е. А. Минимальный размер алиментов: направления совершенствования законодательства на основе зарубежного опыта // Семейное и жилищное право. 2014. № 6. с. 21–25.
7. Шершень, Т. В. Проблемные вопросы принудительного исполнения решений судов о взыскании алиментов в пользу несовершеннолетних детей: теоретический и практический аспекты // Российский судья. 2013. № 3. с. 20–24.
8. Экспертное заключение по проекту концепции совершенствования семейного законодательства российской федерации и предложений по совершенствованию семейного законодательства. Принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07.07.2014 № 132–1/2014. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 05.03.2018).

К вопросу о безопасности на авиационном транспорте

Новикова Елена Ильинична, студент магистратуры;
Ченских Анастасия Анатольевна, студент магистратуры
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

Ключевые слова: авиационная безопасность, IATA, воздушный транспорт, ответственность.

Пассажиры, которые пользуются услугами авиаперевозчиков и в связи с чем вступают с авиаперевозчиками в правоотношения, существуют не только права, но и обязанности. Несоблюдение пассажирами возложенных на них обязанностей влечет ответственность, предусмотренную как российским законодательством, так и международными нормативными актами. Несмотря на данное обстоятельство, необходимо отметить, что по ряду причин, в том числе и из-за низкой юридической грамотности, пассажиры авиатранспорта могут не знать или не учитывать фактор собственной ответственности за несоблюдение установленных авиаперевозчиком требований. Нарушения правил авиаперевозок со стороны пассажиров в связи с этим наблюдаются регулярно. Наиболее распространенными нарушениями являются:

- нахождение на борту самолета в нетрезвом состоянии;
- попытки провоза жидкостей и других запрещенных веществ и предметов;
- курение на борту самолета;
- отказ оплачивать сверхнормативный груз и др.

Но самым опасным из них продолжает оставаться «... нарушение пассажиром воздушного судна правил поведения на борту воздушного судна, создающее угрозу безопасности полета воздушного судна либо угрозу жизни или здоровью других лиц, а также невыполнение пассажиром воздушного судна распоряжений командира воздушного судна» (ст. 107 Воздушного кодекса Российской Федерации [2]).

Несмотря на значительное количество инцидентов, на сегодняшний день в России к подобным нарушителям применяют лишь общие статьи уголовного и административного кодексов; гражданско-правовая ответственность за такие правонарушения не предусмотрена. Подобных авиапассажиров можно привлечь к ответственности лишь по нескольким статьям:

- нарушение правил поведения граждан на воздушном транспорте — «невыполнение лицами, находящимися на воздушном судне, законных распоряжений командира воздушного судна»;
- мелкое хулиганство;
- появление в общественных местах в состоянии опьянения;
- покушение на захват воздушного судна;
- умышленное причинение легкого вреда здоровью.

Российское законодательство лояльно по отношению к авиапассажирам-нарушителям, большинству из которых

удается либо уйти от ответственности, либо отделаться мелкими штрафами [4, с. 93].

Что касается зарубежных стран, то за одни и те же виды правонарушений практикуется более строгая, чем в России, ответственность. Такой жесткий подход не является случайным. Наибольшую остроту проблема авиапассажиров-нарушителей обрела после событий 11 сентября 2001 года. Захваченные террористами пассажирские самолеты были использованы как оружие массового уничтожения. С этого времени правительства всех стран мира уделяют огромное внимание проблемам безопасности пассажиров, разрабатывают психологические методики работы с пассажирами с целью предотвращения захвата воздушных судов, ужесточают ответственность за правонарушения на борту самолета.

Важнейшим правовым актом, регулирующим взаимоотношения перевозчиков и авиапассажиров, является «Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов» [1] (Токио, 14 сентября 1963 года). Российская Федерация входит в число государств, являющихся участниками этой конвенции. IATA — международная ассоциация воздушного транспорта — инициировала изменение текста данного документа с целью ужесточения наказания для пассажиров-правонарушителей. Именно недочеты в международном законодательстве позволяют нарушителям оставаться безнаказанными. Согласно конвенции, большинство из них попадает под юрисдикцию страны, являющейся собственником воздушного судна. А так как многие лайнеры оформлены в лизинг, и место регистрации самолета часто отличается от страны, где произошел инцидент, то наблюдается конфликт правовых интересов: нарушителя нельзя наказать ни по законам страны-собственницы воздушного судна, ни по законам страны, где произошел инцидент. В итоге все убытки терпит авиаперевозчик.

К примеру, по данным IATA, каждая вынужденная посадка обходится авиакомпаниям в сумму от 10 до 200 тысяч долларов. Для устранения существующих противоречий IATA предлагает изменить текст Токийской конвенции таким образом, чтобы недисциплинированный пассажир лишился возможности уйти от ответственности. Для этого планируется расширить юрисдикцию и государства, использующего самолет, и государства, над территорией которого совершается преступление, а также государства гражданства и обычного проживания правонарушителя и потерпевшего лица, а также государства посадки само-

лета. По мнению генерального директора IATA Т. Тайлера, «Отсутствие таких юридических пробелов лучше удержит от подобного поведения и заставит пассажиров подумать дважды, прежде чем вести себя таким образом» [3, с. 84].

Определенные сдвиги в международном законодательстве в отношении авиапассажиров-нарушителей уже произошли. Так, с декабря 2013 г. IATA расширила практику применения нормативных актов по обеспечению безопасности на борту. Теперь меры может принимать не только страна-регистратор воздушного судна, но и государство-эксплуатант самолета, а также государство, на территории которого произошла посадка.

Такие изменения в международном и российском законодательстве дают надежду на то, что ситуация с ответственностью авиапассажиров-правонарушителей поднимется на более высокий правовой уровень. Кроме того, необходимо допускать возможным принятие авиаперевозчиками локальных правовых актов, способных свести к минимуму все риски неправового поведения пассажиров: полный запрет на распитие алкогольных напитков на борту воздушного судна; обязательное присутствие в экипаже работников, специально обученных действовать в случае хулиганских действий со стороны пассажиров; разрешение на установку в салонах самолетов систем видеонаблюдения, позволяющих фиксировать правонарушения.

Кроме того, необходимо обязательно информировать всех настоящих и потенциальных авиапассажиров, вне зависимости от их чинов и рангов, что распоряжения командира воздушного судна являются обязательными к исполнению. КВС имеет право в целях обеспечения безопасности полета воздушного судна отдавать распоряжения любому находящемуся на борту воздушного судна лицу и требовать их исполнения. Командир воздушного судна имеет право «применять все необходимые меры, в том числе меры принуждения, в отношении лиц, которые своими действиями создают непосредственную угрозу безопасности полета воздушного судна и отказываются подчиняться распоряжениям командира воздушного судна. По прибытии воздушного судна на ближайший аэродром командир воздушного судна имеет право удалить таких лиц с воздушного судна, а в случае совершения деяния, содержащего признаки преступления, передать их правоохранительным органам».

Подобные меры, базирующиеся на усовершенствованном воздушном законодательстве, позволят эффективно бороться с проявлениями правонарушений со стороны авиапассажиров и тем самым обезопасить пребывание на борту воздушного судна законопослушных граждан, что благоприятно отразится на общей деятельности авиаперевозчиков.

Литература:

1. Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов. Заключена в г. Токио 14.09.1963 // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 2. М.: БЕК, 1996. с. 439–445.
2. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Российская газета, № 59–60, 26.03.1997.
3. Зыков, Д. А., Лачин А. А. Действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств: основания криминализации // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 3 (44). с. 83–85.
4. Масленцов, Р. В. Правовые аспекты ответственности авиапассажиров за нарушение воздушного законодательства // Наука сегодня: вызовы и решения материалы международной научно-практической конференции. Научный центр «Диспут». 2017. с. 92–95.

Деятельность международных организаций в обеспечении авиационной безопасности

Новикова Елена Ильинична, студент магистратуры
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

Ключевые слова: авиационная безопасность, ИКАО, ИАТА, МСА, ЕКАК, международные организации.

Важную роль в обеспечении авиационной безопасности играет взаимодействие международных организаций, чья деятельность посвящена авиационной безопасности полетов. Наиболее важными организациями в данной деятельности являются международная организация граждан-

данской авиации (ИКАО) и Международная ассоциация воздушного транспорта (ИАТА). Названные авиационные организации первыми включились в борьбу с актами незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации. Сегодня ИКАО и ИАТА продолжают оставаться

главными организациями в области разработки проектов норм правил в сфере авиационной безопасности на международном уровне [1, с. 102].

Рассмотрим подробнее деятельность международных организаций в обеспечении авиационной безопасности.

ИКАО

Международная организация гражданской авиации является одной из наиболее важных международных межправительственных организаций, которая имеет статус специализированного учреждения Организации Объединенных Наций. В настоящее время членами ИКАО является 191 государство мира.

Основные цели ИКАО определены в ст. 44 Конвенции о международной гражданской авиации. Реализуя их, ИКАО проводит большую работу по обобщению мирового опыта в сфере гражданской авиации. Под эгидой ИКАО были разработаны и приняты все универсальные договоры в области авиационной безопасности.

Прежде всего, усилия ИКАО направлены на разработку новых и совершенствование действующих стандартов и рекомендуемой практики, применяемых международной гражданской авиацией в повседневной деятельности. Внедрение государствами стандартов и рекомендуемой практики способствует установлению единообразных правил, что, бесспорно, повышает степень безопасности и регулярности международных полетов.

ИКАО продолжает отдавать вопросу авиационной безопасности самый высокий приоритет. Однако акты незаконного вмешательства по-прежнему остаются серьезной угрозой для безопасности и регулярности гражданской авиации. Организация продолжает работу по обновлению разработанных ею юридических и технических правил и процедур в целях предотвращения и пресечения актов незаконного вмешательства.

ИАТА

Международная ассоциация воздушного транспорта (ИАТА), была создана на основе Устава, подписанного 19 апреля 1945 г. в Гаване представителями 50 авиакомпаний из 31 страны. Штаб-квартира находится в Монреале. В настоящее время членами ИАТА являются более 200 авиакомпаний мира.

В 1969 г. на 75-й конференции исполнительным комитетом ИАТА было принято решение об образовании в структуре ИАТА Комитета по безопасности в составе 24-х членов из сотрудников авиакомпаний — членов ИАТА, имеющих профессиональный опыт в обеспечении авиационной безопасности [2, с. 133].

В июне 1988 г. в связи с внутренней реорганизацией структуры ИАТА Комитет по безопасности был реорганизован в Консультативную группу ИАТА по безопасности (КГАБ — SAG) [2, с. 133].

Начиная с 1976 г. ИАТА по согласованию с государствами осуществляет обзор безопасности аэропортов в рамках своей программы безопасности.

Начиная с 1984 г. ИАТА финансирует программу обучения, касающуюся авиационной безопасности, которая

доступна не только для персонала служб безопасности авиакомпаний, но и для персонала авиационной безопасности аэропортов и органов власти гражданской авиации.

В области обеспечения авиационной безопасности ИАТА активно сотрудничает с ИКАО, а также с правительственными органами гражданской авиации, аэропортами, международными и региональными правоохранительными органами.

МСА

Международный Совет Аэропортов (Airports Council International — ACI) — единственная глобальная профессиональная организация аэропортов мира, был создан в 1991 г. МСА представляет интересы аэропортов в правительственных органах и в международных организациях, таких, как ИКАО и др. МСА разрабатывает политику и рекомендованную практику для аэропортов, предоставляет информацию аэропортам и проводит обучение специалистов в области авиационной безопасности.

Международный Совет Аэропортов представляет собой всемирную международную неправительственную организацию, главная цель которой — способствовать расширению сотрудничества между аэропортами — членами организации, а также с партнерами в гражданской авиации, включая правительственные учреждения, авиакомпании и самолетостроительные фирмы.

Структура МСА в настоящее время состоит из шести постоянных комитетов, в числе которых Комитет по авиационной безопасности, который работает над решением проблем безопасности на борту воздушного судна и на земле; предпринимает меры, относящиеся к контролю доступа в аэропорт, внедряет технику и технологию обеспечения авиационной безопасности, контроль пассажиров и багажа; осуществляет взаимосвязь между обеспечением безопасности и упрощением формальностей [5, с. 22].

ЕКАК

В целях координации деятельности гражданской авиации в Европе ряд западноевропейских государств на Страсбургской конференции, проходившей в апреле 1954 г., приняли решение о создании Европейской конференции гражданской авиации (ЕКАК), основной задачей которой является рассмотрение и разрешение проблем, связанных с деятельностью воздушного транспорта.

В течение последних нескольких лет одним из первоочередных видов деятельности ЕКАК были разработка и внедрение мер авиационной безопасности для аэропортов и авиакомпаний. Эти меры, вместе с большим количеством резолюций и рекомендаций, разработанных ЕКАК, сведены в «Руководство ЕКАК по упрощению формальностей и безопасности» [4] — так называемый Документ 30, состоящий из двух частей. Вопросы авиационной безопасности рассматриваются во второй его части.

Деятельность ЕКАК в области авиационной безопасности регулируется, главным образом, этим документом,

основанным на требованиях Приложения 17 к Чикагской конвенции 1944 г. и ряда документов ИКАО [6, с. 9–10].

Документ 30 представляет собой сводное заявление о текущей политике и практической деятельности ЕКАК в области авиационной безопасности и устанавливает, что государства-члены должны стремиться поддерживать приемлемый и единообразный уровень безопасности во всех международных аэропортах и при определении круга мер и методов, необходимых для обеспечения безопас-

ности, руководствоваться общими принципами и положениями Документа 30.

В частности, Документ 30 содержит руководящие материалы по квалификации, обучению, аттестации и мотивации сотрудников авиационной безопасности, вводит понятие «квалифицированный сотрудник службы безопасности». Главная цель документа — обеспечить неуклонное и единообразное выполнение стандартов безопасности государствами — членами ЕКАК [3].

Литература:

1. Григорян, П. А. Международные организации в борьбе с актами незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации // Закон и право. 2017. № 6. с. 102–105.
2. Демин, С. С., Мосеев Ю. В. Некоторые аспекты реализации норм транспортной безопасности в сфере гражданской авиации // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2015. № 19. с. 130–141.
3. Елисеев, Б. П., Сvirкин В. А. Воздушное право: учебник // СПС «КонсультантПлюс». 2017.
4. Руководство по упрощению формальностей. Doc. ICAO 9957.
5. Сидакова, А. А. Система норм об обеспечении транспортной безопасности // Транспортное право. 2018. № 1. с. 22–25.
6. Соловьева, Т. Л. Влияние международных организаций гражданской авиации на формирование нормативной правовой базы обеспечения безопасности воздушного транспорта // Транспортное право, 2017, № 4. с. 6–9.

Особенности возбуждения производства по делу о банкротстве гражданина по законодательству Российской Федерации

Плотникова Екатерина Владимировна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Рассмотрение дела о несостоятельности (банкротстве) гражданина по законодательству Российской Федерации (далее — Закон о банкротстве) [3] включает в себя следующие стадии. Первая из них, это возбуждение дела, затем подготовка дела к разбирательству, и непосредственно само судебное разбирательство.

До вступления в силу Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] в ситуациях, когда физические лица не исполняли свои обязательства по кредитам, применялись механизмы института исполнительного производства, предусмотренные нормами Федерального закона от 02 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [4]. Согласно указанному нормативному акту, возбуждалось исполнительное производство с взысканием в дальнейшем задолженности судебными приставами.

Однако, как продемонстрировала правоприменительная практика, исполнительное производство не всегда обеспечивало надлежащим образом претворение в жизнь

мероприятий, направленных на защиту прав, как должников, так и кредиторов. Как правило, правоприменительная практика исполнительного производства характеризовалась следующими негативными обстоятельствами. Первое, это когда в целях обеспечения исполнения решения суда имущество должников главным образом продавалось. При этом, часто нарушались права должников. Во-вторых, если должники не обладали каким-либо имуществом, либо осуществили сделки со своим имуществом, в преддверии, а также в процессе судебного разбирательства, то кредитор не получал ничего.

Кроме того, по мнению некоторых исследователей, отсутствие института банкротства физических лиц способствовало процветанию коллекторских агентств и иных подобных организаций, специализирующихся на возвращении долгов, в некоторых случаях — неправовыми способами [7].

Нормативное закрепление процедуры банкротства физических лиц значительно изменило в сторону улучшения положение не только самих должников, но и их кредиторов.

Возбуждение производства по делу о несостоятельности (банкротстве) гражданина, представляет собой вы-

полнение весьма сложную последовательность строго определенных действий. Данные действия главным образом направлены на установление и подтверждение оснований несостоятельности гражданина и обеспечение в последующем исполнения решения по делу.

Возбуждение производства по делу о несостоятельности (банкротстве) гражданина состоит не только из подачи заявления в суд и принятия непосредственно его судом.

Возбуждение производства по делу о несостоятельности (банкротстве) гражданина включает следующее:

- проверку обоснованности обеспечения заявления гражданина-должника о несостоятельности (банкротстве);
- рассмотрение обоснованности требований кредиторов и возражений на них;
- введение процедуры наблюдения.

При этом следует отметить, что реализация нормативно закрепленных требований возбуждения производства по делу о несостоятельности (банкротстве) гражданина сталкивается на практике с некоторыми трудностями.

Так, при проверке обоснованности заявления о признании должника банкротом суд проверяет соответствие заявления требованиям, предусмотренным ст. ст. 213.4 и 213.5 Закона о банкротстве.

Одно из требований — это финансовое обеспечение. Арбитражный суд, принимая заявление о банкротстве от физического лица, требует доказательства имеющихся у него финансовых средств, которые бы позволили оплатить процедуру банкротства. При этом, необходимо не только уплатить государственную пошлину, но и дополнительно предоставить доказательства наличия денежных средств необходимых для оплаты труда финансового управляющего, а также возместить все расходы на публикации и почтовые услуги. В этой связи, у заявителя — должника, возникают серьезные затруднения уже на этапе подачи заявления, так как оно, как правило, не обладает уже наличием денежных средств, необходимых для оплаты инициации процедуры банкротства.

Кроме того, дополнительно к финансовым средствам, обязательным для инициации процедуры возбуждения, необходимо иметь денежные средства для уплаты налога с суммы списанного долга. В соответствии с п. 18 ч. 1 ст. 250 Налогового кодекса РФ [1] списанный долг приравнивается к доходу. В этой связи, гражданин обязан уплатить с него налог на доходы физических лиц в размере 13%.

Также обращаясь в суд с заявлением в порядке п. 1 ст. 213.4 Закона о банкротстве, гражданин должен доказать совокупность обстоятельств, подтверждающих его неплатежеспособность. В этих целях, согласно п. 3 ст. ст. 213.4 Закона о банкротстве, необходимо наличие значительного объема документов. Вышеуказанные сведения и документы должник-гражданин обязан представить суду при предъявлении им заявления о признании его банкротом

наряду с документами, предусмотренными ст. 126 АПК РФ [2].

Как показывает практика, на данном этапе не всегда имеется возможность предоставить. Это в свою очередь обязывает суды принимать решение об отказе в начале процедуры.

Что же касается рассмотрения обоснованности требований кредиторов и возражений на них, то следует отметить, что в соответствии с п. 1 ст. 213.5 Закона о банкротстве, заявление о признании гражданина банкротом может быть подано конкурсным кредитором или уполномоченным органом при наличии решения суда, вступившего в законную силу и подтверждающего требования кредиторов по денежным обязательствам. Вместе с тем в п. 2 ст. 213.5 Закона о банкротстве приведен исчерпывающий перечень случаев, когда кредитор или уполномоченный орган могут инициировать банкротство в упрощенном режиме — без предварительного обращения в суд в общеисковом порядке. В частности, заявление о признании гражданина банкротом может быть подано конкурсным кредитором или уполномоченным органом при отсутствии указанного решения суда в отношении требования, основанного на кредитном договоре с кредитной организацией (абз. 7 п. 2 ст. 213.5 Закона о банкротстве).

Что же касается возражений должника, то следует отметить, что они не могут представлять собой констатацию факта его несогласия с представленным заявленным требованием. В это связи, верно отмечает А. А. Боровая, что, заявляя о наличии спора, гражданин обязан аргументировать свои доводы (в том числе указать основания недействительности сделки; раскрыть причины, позволяющие утверждать, что срок исполнения обязательства не наступил либо задолженность отсутствует; представить подробный контррасчет долга и т. д.) [8]. Возражения должны быть обоснованными и действительно свидетельствовать о том, что спор о праве имеет место.

Рассматривая доводы должника, суды обязаны не только оценить обоснованность, существо этих возражений и соответствие их критериям, определенным в абз. 4 и 5 п. 2 ст. 213.6 Закона о банкротстве с учетом разъяснений, приведенных в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» [6], но также должны дать надлежащую оценку и процессуальному поведению гражданина, в том числе предшествовавшему заявлению возражений относительно требований кредитора.

Исходя из всего вышеизложенного, следует констатировать, что законодательство о несостоятельности (банкротстве) гражданина, в части совершенствования процедуры возбуждения дела, нуждается в существенной доработке.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05 августа 2000 г. № 117-ФЗ: по сост. на 11 октября 2018 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2000. — № 32. — Ст. 3340.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ: по сост. на 03 августа 2018 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
3. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ: по сост. на 01 июля 2018 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
4. Об исполнительном производстве: федеральный закон от 02 октября 2007 г. № 229-ФЗ: по сост. на 03 марта 2018 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2007. — № 41. — Ст. 4849.
5. Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ: по сост. на 29 июля 2017 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 27. — Ст. 3945.
6. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2015. — № 12.
7. Постанюк, В. Банкротство физических лиц / В. Постанюк // ЭЖ-Юрист. — 2017. — № 20. — с. 6.
8. Боровая, А. А. Некоторые особенности рассмотрения споров о банкротстве физических лиц / А. А. Боровая // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». — 2017. — № 2. — с. 5–15.

Проблемы обеспечения прав граждан на жилище в РФ

Подкорытова Анастасия Владимировна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Автор статьи анализирует сущность и особенности права на жилище в Российской Федерации. Рассматривает жилищную политику в Российской Федерации и наиболее существенные изменения, внесенные в Жилищный Кодекс РФ. Характеризует проблемы обеспечения прав граждан на жилище и предлагает совершенствование правового регулирования жилищной сферы, как способ решения выявленных проблем.

Ключевые слова: жилищная политика, право на жилище, обеспечение жилищных прав, Жилищный Кодекс РФ.

В соответствии со статьей 40 Конституции РФ, можно выделить следующие юридические возможности осуществления права на жилище граждан:

1) стабильное использование занимаемых жилых помещений по основаниям, предусмотренным законом; участие граждан в коммунально-жилищных кооперативах; развитие ИЖС;

2) улучшение жилищных условий, в том числе, смена и получение другого жилого помещения;

3) передача жилого помещения другим гражданам (аренда, коммерческий наем);

4) обеспечение санитарно-технических условий проживания [1].

В настоящее время наблюдается тенденция сокращения государственного и муниципального жилищного фонда. Отсутствие финансовых средств, выделяемых на содержание и ремонт жилого фонда, привело к непригодности многих жилых помещений для дальнейшего проживания граждан в них из-за аварий, ветхости,

невозможности восстановления до уровня, отвечающего техническим и санитарным нормам.

В сложившейся ситуации государство не имеет возможности обеспечить полностью всех нуждающихся в жилье, а особенно тех, кого государство обязано обеспечить по закону — военные, дети-сироты, участники ВОВ и т. д. Для осуществления данных полномочий разрабатываются специальные программы, которые способствуют обеспечению жильем нуждающихся граждан, но за счет собственных средств.

Жилищный кодекс Российской Федерации введен в действие с 1 марта 2005 года. Предусмотренные в нем нормы, значительно изменили содержание жилищных правоотношений.

Однако, существуют большие проблемы в обеспечении жильем определенных категорий граждан, которые в этом нуждаются и которым жилье положено на государственной основе. Например, дети-сироты вынуждены в судебном порядке добиваться собственного права

на закрепленное жилье. Также данная категория граждан могут стоять долгое время в очереди, в то время как по закону государство должно предоставить им внеочередное жилье.

Еще одной острой проблемой является осуществление жилищных прав граждан, проживающих в аварийных и ветхих домах.

Ликвидация аварийного жилищного фонда является актуальным вопросом в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг» [4]. Однако беспрепятственному осуществлению прав указанной категории лиц мешает неравенство при обеспечении жилыми помещениями. Для получения жилого помещения необходимо участвовать в какой-либо государственной программе и длительное время стоять в очереди, на что времени у граждан нет, так как чаще всего в таких жилых помещениях не комфортные условия и нарушающие санитарно-гигиенические нормы.

Препятствием на пути осуществления жилищных прав граждан также является несовершенство норм права. Так, статья 89 ЖК РФ [2] предусматривает обязанность органов местного самоуправления предоставить жилое помещение равнозначное по общей площади ранее занимаемому жилому помещению. Трудности заключаются в том, что большое количество граждан проживают в комнатах коммунальных квартир, размер которых зачастую не превышает 12 кв. м, поэтому предоставление равнозначного жилого помещения затруднительно в связи с тем, что современном жилищном фонде отсутствуют квартиры такой площади. В связи с этим считаем необходимым внести изменения в статью 89 ЖК РФ, закрепив размер предоставляемых жилых помещений в связи с выселением по ос-

нованиям статей 86–88 ЖК РФ [2] общей площадью на одного человека не менее нормы предоставления.

Недобросовестное исполнение обязанностей должностными лицами, также создает препятствия при осуществлении прав граждан. Например, для признания жилого помещения ветхим и непригодным для проживания, создается специальная комиссия. Комиссия является специальным государственным органом, которая проводит проверку состояния жилого фонда. Однако, при проверке происходит визуальный осмотр конструкций строения, фактически же квартиры и все помещения жилища не осматривает.

Для осуществления гражданских прав наиболее желательны активные юридические действия уполномоченного лица. К таким действиям относится подача лицом заявления о признании дома аварийным или подлежащим сносу. Однако беспрепятственному осуществлению прав граждан в этой ситуации препятствует пункт 45 Постановления, который налагает на собственника обязанность представить заключение специализированной комиссии, проводящей обследование дома. Низкий уровень материального состояния граждан, проживающих в таких домах, а также отсутствие согласованного решения приводит к невозможности получения жилого помещения и, соответственно, отодвигает возможности граждан использовать свое конституционное право на жилье.

Подводя итоги, необходимо отметить, что серьезной проблемой современности является правовое регулирование, охрана и защита жилищных прав собственников жилых помещений и членов их семей. При реализации жилищных прав в многоквартирных домах возникают многочисленные проблемы. Для решения жилищных проблем россиян необходимо устранить существующие недостатки в законодательных актах с учетом сложившейся практики.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 03.08.2018) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/
3. Федеральный закон «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» от 21.07.2007 N 185-ФЗ (ред. от 23.04.2018) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_69936/
4. Указ Президента РФ от 07.05.2012 N 600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129335/

Исторические сведения о производстве, распространении и потреблении наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов в России

Пшонко Маргарита Олеговна, студент

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

Исходя из исторических данных, человечество во всех частях мира применяло вещества, имеющие психоактивные свойства, с различными целями: для восполнения энергии (жевание листьев коки), в лечебных целях (опий), в церемониальных обрядах (галлюциногенные грибы), для поднятия духа.

Ознакомление человека с подобными средствами и растениями являлось случайным и объединено по различным основаниям, из-за которых наступало озарение об их наркотическом влиянии. Иногда знакомство с наркотическими характеристиками растений происходило благодаря их жеванию в целях пропитания. Так невзначай обнаруживались растения, имеющие наркотические свойства, тогда в памяти закреплялся эффект, приобретаемый с употреблением подобной растительности, создавалось влечение к их потреблению. Случайно было выявлено и опьяняющее наркотическое влияние дыма при сжигании конопли, что стало осмысленно применяться. К примеру, в писании Геродота (V в. до н. э.) изображается, что в скифском мире растет трава, семена которой обитающие там люди собирают и кидают на горячие угли в войлочной кибитке. Вследствие этого образуется насыщенный дым, глотая который скифы оглушительно «голосят от блаженства».

Как было замечено, в существующих изучениях, люди, жившие на земле нынешнего Российского государства, с давних пор использовали более 100 всевозможных психоактивных веществ, получавших их из ягод, мхов, трав, или грибов. В дохристианскую пору Древнерусской державы чаровники и колдуны применяли такие средства (зелья) в исцеляющих и церемониальных обрядах. В период принятия Христианства при использовании надлежащих правил византийского духовного права возникает ответственность за обряды с зельем.

Показанные нормы были обращены на поддержание христианского вероисповедания как такового и истребление язычества, которое лишь в дохристианский период формирования российского государства имело место быть.

С разработкой последних научных учений, а также при знакомстве с иностранным опытом, вместе с опьяняющими и отравляющими свойствами раскрываются и лечебные характеристики некоторых наркотических средств. Врачевание ими заболевших, постепенно признается на Руси как законный род деятельности.

В первой половине 18 века, когда происходило активное созревание государственного устройства Российской державы, свое развитие получили множественные торговые связи между странами.

Вследствие постоянных коммерческих связей с Китайской Империей, в Россию мигрировали ее граждане, ко-

торые по приезду доставляли с собой опиум. Именно на тот период попадает активное увеличение заболеваний опийной и кокаиновой зависимостью в стране, так приходит понимание того, что над государством нависла серьезная угроза. В связи с молниеносным распространением потребления в стране наркотических веществ в целях немедицинского удовлетворения, все чаще фиксируются свидетельства об опасности такого использования. Вырабатывается понимание того, что острота своевременного регулирования оборота наркотиков поможет в пресечении злоупотребления ими.

Лишь в конце XIII начале XIX вв. сильнодействующие и ядовитые вещества оформляются в официально утвержденные списки, включающие известные, в то время, вещества, которые обладают наркотическими свойствами. Вместе с тем, утверждается уголовное наказание за незаконный оборот таких веществ, и нарушение правил такого оборота. Однако чрезмерное потребление наркотических средств не являлось наказуемым, это деяние лишь осуждалось общественностью.

За счет таких военных событий как первая мировая война, революции 1917 г. а также Гражданская война активно формировались обстоятельства для быстрого роста наркомании во всех кругах общественности и на всей местности страны. Большую популярность завоевали кокаин и морфин, что четко прослеживается в фольклорном жанре и художественной литературе тех времен.

Во времена СССР особых служб, осуществляющих контроль и противодействие за незаконным оборотом наркотических средств, долгое время не существовало. Скорее всего, в советском обществе не было полного осмысления того насколько опасна и объемна проблема наркотизма.

Специализированная структура для борьбы с наркотиками была образована только в 1970 году, не считая того, что органы, осуществляющие правоохранительную деятельность, пытались разрешить данный вопрос с начала основания державы.

В двадцатые годы политикой государства было решено запретить употребление алкоголя, что стало одним из условий роста наркомании в стране. Вследствие такого маневра, часть граждан перескочила с употребления спиртных продуктов на употребление наркотических веществ.

Для представления масштабности проблемы можно привести пример того, что Совет Народных Комиссаров в своем предписании от 31 июня 1918 г. «О борьбе со спекуляцией кокаином» приводил нормы для осуществления обязанности по борьбе с наркопреступностью.

К лицам, распространяющим и применяющим наркотические вещества, декретом ВЦИК и СНК от 27 июля 1922 г., включена норма, в виде санкции за противодействие данному положению, которая принуждала к работам от 1 до 3 месяцев и штрафовала в размере до 300 золотых рублей.

ВЦИК и СНК Президиумом Госплана СССР 9 апреля 1924 г. был основан комиссионный совет по борьбе с распространением наркотических средств. А уже 22 декабря 1924 г. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР распространение наркомании санкционировалось уголовной ответственностью.

Необходимый опыт в данной области был получен благодаря систематизации законодательства в 20–30 годы двадцатого века, органами, которые вели борьбу с наркотической преступностью. Началом по обеспечению мер в борьбе с наркооборотом являлось Постановление ВЦИК и СНК СССР от 27 октября 1934 г., в дополнение Постановления ЦИК и СНК от 23 мая 1928 г.

Этот нормативно-правовой акт на территории СССР запрещал сеять индийскую коноплю и опийный мак, в целях личного потребления и распространения, не попадали под эту категорию посева, образованные государством, для взращивания таких растений в целях медицинского использования.

Международной конвенции о наркотических средствах 1925 г., к которой СССР присоединился 29 января 1936 г., установлены главенствующие правила, которые предъявляются к ввозу, вывозу, продаже, применению наркотиков, исходя из медицинской или научной нужды каждого отдельного государства. Содержащиеся, на тот момент, нормы в законодательстве СССР, были зафиксированы в конвенции, поэтому изменение законодательства в этой сфере, не понадобилось на протяжении следующих двух десятков лет.

В начале пути СССР, исходя из анализа всех предпринятых мер, уменьшить производство и потребление наркотических веществ в стране не удавалось. Однако, сдерживать этот проблемный вопрос в суженых пределах, при которых он еще не доставлял серьезных проблем безопасности населения, государству удалось.

По прошествии многих десятков лет, лишь 7 июля 1973 г. свою работу по борьбе с наркопреступностью начал самостоятельный орган, именуемый Отделом по борьбе с наркоманией Управления уголовного розыска МВД СССР. В 1989 г., в перестройку, Отдел по борьбе с наркотиками преобразуется в 3-е Управление по борьбе с незаконным оборотом наркотиков и преступлений, связанных с иностранными гражданами ГУУР МВД СССР. Хотя в УК РСФСР 1960 года содержалось несколько составов преступных деяний, связанных с незаконным наркооборотом: преступления, нарушающие режим применения наркотических средств, сильнодействующих и ядовитых веществ; незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка или сбыт наркотических средств; а также хищение наркотических средств и др. Отечественное законодатель-

ства, на тот период времени, развивалось в соответствии с общемировым тенденциям. Но переходя к завершающему этапу существования СССР, значительное воздействие на распространение наркомании оказала война в Афганистане. Эта страна является одним из господствующих центров противозаконного наркопроизводства.

Последовавшие после распада СССР социально-экономические потрясения помогли перестроить в ходе создания нового государства экономический уклад и спровоцировать небывалый рост наркомании.

В начале девяностых, по причине большого количества штатных сотрудников в ГУУР и ГУБХСС МВД СССР создается Управление по борьбе с распространением наркомании ГУУР МВД СССР. Структура включала в себя кроме двух центральных, еще семь межрегиональных ведомств по борьбе с наркобизнесом, которые подчинялись, естественно, МВД СССР.

После многочисленных реорганизационных и преобразовательных модификаций в структуре Управления приказом МВД СССР от 28 ноября 1991 г. это особое подразделение милиции исключается из юрисдикции ГУУР МВД СССР. Вместо Управления создается Бюро по контролю за незаконным оборотом наркотиков МВД СССР, что характеризует его уже автономной отраслевой службой криминальной милиции.

К началу 1998 года, в информационном письме Минздрава отмечается, что вследствие потребления наркотиков без медицинского назначения было зафиксировано более 214 тысяч случаев, при которых лица были поставлены на медицинский учет, из которых приблизительно 24 тысячи женщин и около 31 тысячи несовершеннолетних.

Хочется обозначить, что в России переход от приема простых наркотиков к более серьезным проистекает достаточно быстро, по сравнению с другими странами. Явным результатом потребления наркотиков можно считать активный процесс деградации взрослой и подрастающей части населения страны, которая в будущем была бы динамикой для дальнейшего построения государства. Ведь давно известно, что лица, потребляющие наркотические вещества, называются хроническими наркоманами, средняя продолжительность жизни которых заканчивается на рубеже 30 лет.

Системные изучения оснований распространения наркомании в стране были обусловлены постоянно растущими фактами активной наркотизации населения. С учетом увеличения числа лиц, злоупотребляющих наркотиками, на законодательном уровне сложилось понимание нужды поиска свежих способов индивидуального подхода к реабилитации пациентов (наркоманов) и активизации борьбы с наркопреступностью, вместе с обеспечением обширных общественно-профилактических, антинаркотических мер. В связи с этим в стране формируется антинаркотическое законодательство, которое в последующем фактически становится кодифицируемым и приобретает форму Федерального закона от 15 апреля 1998 г. N 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Однако основные обязанности по пресечению оборота наркотических веществ поручались тогда таможене, долгом которой было, отклонять и порицать ввоз наркотических веществ на территорию Российской Федерации.

Подытожить сказанное, хотелось бы небольшим анализом исторической сводки. В период, когда в Российской Империи, СССР и России начали возникать наркотические вещества, наряду с этим феноменом стали формиро-

ваться многочисленные постановления, решения, распоряжения, приказания, декреты, которые реализовывали меры правового характера в данной сфере. Создавались органы, наделенные властными полномочиями по борьбе с наркооборотом. Но к сожалению, наперекор этим стараниям властей, производство и потребление наркотиков среди постоянного населения страны с каждым годом постоянно возрастало.

Литература:

1. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Сборник законодательства СССР и РСФСР. 1968—1970 гг. Т. 3. М., 1974.
2. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1974. № 29. Ст. 782.
3. О причинах и последствиях афганского наркотрафика для Российской Федерации, законодательных и иных мерах по защите общества и наркоагрессии: материалы парламентских слушаний / Федер. Собр. Рос. Федерации — Гос. Дума; [сост. е. К. Волчинская; под общ. ред. В. А. Васильева]. — М.: Издание Государственной Думы, 2012.
4. Всемирный доклад о наркотиках за 2010 год [Электронный ресурс] // Наркоконтроль. — 2014. — № 3. — Режим доступа: Система Консультант Плюс.
5. Артемова, Ю. Страшные цифры // Новая. 2016. № 4.
6. Аксенкин, А. Л. Наркопреступность в России: исторические предпосылки и уголовно-правовые аспекты борьбы с ней. М., 2017.
7. Брюн, Е. Факторы риска. Вторая волна наркомании, угроза национальной безопасности] / Евгений Брюн; записал Борис Руденко // Наука и жизнь. — 2013. — № 7.
8. Воронин, М. Ю. Общая характеристика распространенности наркотических средств и психотропных веществ в России в первой четверти XX столетия [Электронный ресурс] / М. Ю. Воронин // Наркоконтроль. — 2015. — № 4. — Режим доступа: Система Консультант Плюс.
9. Геродот. История: В 9 кн. Л., 1972.
10. Дончу, А. Терроризм и наркобизнес [Электронный ресурс] / А. Дончу, А. Мардарь // Наркоконтроль. — 2014. — № 3.
11. Исаев, Игорь. В поисках забвения. Всемирная история наркотиков 1500—2000. — М.: ЭТП, 2013. — ISBN 5—9410—6029—7.
12. Левинштейн, И. Первые русские аптеки // Вестник фармации. 1927. № 12.
13. Сборник договоров России с Китаем. 1689—1881. СПб., 1889.
14. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917—1953 гг. М., 1953. (п. «д» ст. 140 УК 1922 был внесен на основании Декрета ВЦИК и СНК СССР от 22 декабря 1924 г.). СЗ СССР. 1928. № 2. Ст. 290.
15. Фролова, Я. А., Зазулин Г. В. Актуальные вопросы антинаркотической политики: отечественный и зарубежный опыт. М., 2012.
16. Центральный Государственный Архив имени Октябрьской Революции (ЦГАОР). Фонд 130. Оп. 2. Д. 96—99.

Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних

Саргсян Сирануш Нориковна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

Как мы знаем, уголовная ответственность, закрепленная законом, проявляется в применении принудительных мер к лицу, осуществившему преступное деяние. В уголовном законодательстве понятие ответственности раскрывается следующим образом: «Лицо подлежит вышеуказанной ответственности лишь за те общественно опасные действия (бездействия) и возникшие

общественно опасные последствия, в отношении которых его вина установлена» (ст. 5 УК РФ) [1].

Несовершеннолетние в РФ привлекаются к уголовной ответственности с учетом определенных особенностей, установленных главой 14 УК РФ. По результатам анализа данной главы, можно прийти к заключению о том, что понятие и цели уголовной ответственности несовершенно-

нолетних в нормах действующего уголовного законодательства не раскрываются. Однако, данные понятия в законодательстве, науке и практике активно применяются. По нашему мнению, глава 14 УК РФ нуждается в доработке. В ней необходимо: сформулировать определение уголовной ответственности несовершеннолетних, закрепить цели уголовной ответственности подростков. На основании вышеизложенного, признаем целесообразным внесение дополнений в ст. 87 УК РФ в следующей редакции «3. Под уголовной ответственностью несовершеннолетних необходимо подразумевать основанное на нормах уголовного права осуждение лица, не достигшего возраста 18 лет, осуществившего преступное деяние, содержащееся в судебном приговоре и проявляющееся в ограничениях и лишениях правового статуса личности, связанных с применением одной из форм реализации: наказание, условное осуждение, принудительные меры воспитательного воздействия. Целями реализации вышеуказанной ответственности выступают их воспитание и исправление, защита от отрицательного воздействия со стороны других лиц».

Н. В. Головки обращает внимание на то, что выделение в УК РФ самостоятельной главы, раскрывающей особенности уголовной ответственности и наказания подростков, определено, большей частью, следующими обстоятельствами: спецификой подростковой преступности; значением, которое общество придает данной проблеме, признанием особой ценности подрастающего поколения; особенностью уголовно-правовых мер, применяемых в отношении подростков; социально-психологическими спецификами несовершеннолетних; потребностью строгого определения законодательной регламентации отступлений от общеустановленных правил. При этом, ключевым среди всех вышеуказанных обстоятельств, по нашему мнению, выступает возраст лица, совершившего преступное деяние, с которым связаны особенности личности данной категории субъектов. Именно возраст выступает тем признаком, который ставит подростков в положение не только особой социальной группы среди других лиц и общества, но и особой группы с пониженной деликтоспособностью среди других субъектов юридической ответственности [4, с. 15].

В ч. 1 ст. 87 УК РФ указано, что несовершеннолетними считаются лица, которым ко времени осуществления преступного деяния исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет.

Таким образом, в уголовном праве возраст играет важную роль, так как субъектом преступного деяния может быть признано не любое физическое и вменяемое лицо, а только достигшее установленного законом возраста. Малолетние лица, которые по причине своего возраста не способны в полной мере осознавать опасность осуществляемых ими действий (бездействия) либо руководить ими, не могут быть признаны субъектами преступного деяния и не несут уголовной ответственности за осуществляемые ими противоправные деяния.

Можно выделить два способа установления возраста, с которого возникает уголовная ответственность: календарный и биологический (фактический). Реализация первого способа базируется на фиксации количества лет от момента рождения человека. В УК РФ это 16 лет, а по некоторым преступным деяниям — 14. Вместе с тем, необходимо указать, что Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 предусмотрен порядок определения возраста лица, осуществившего преступное деяние. В частности, лицо признается достигшим возраста, с которого возникает уголовная ответственность, не в день рождения, а по истечении суток, на которые приходится этот день, а именно 00 часов последующих суток. Если документов, содержащих сведения относительно возраста подростка нет, то возраст определяется в ходе проведения судебно-медицинской экспертизы. В данном случае днем рождения лица необходимо признавать последний день того года, который обозначен экспертами, а при установлении возраста максимальным и минимальным количеством лет суду необходимо исходить из предполагаемого экспертами минимального возраста данного подростка [2].

Ч. 2 ст. 87 УК РФ указывает на то, что к несовершеннолетним, осуществившим преступные деяния, могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия (далее — ПМБВ) или им может быть назначено наказание, а при освобождении от последнего судом они могут быть также помещены в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Содержанием указанных мер выступает их воспитательная направленность. ПМБВ носят строго индивидуальный характер и назначаются исключительно в судебном порядке [5]. Так, к примеру, Постановлением Карталинского городского суда Челябинской области от 28 декабря 2016 г. по делу № 1–269/2016 уголовное дело в отношении несовершеннолетнего подсудимого прекращено и к нему применены принудительные меры воспитательного воздействия. Как следует из материалов уголовного дела несовершеннолетний Шаболдин В. Ю. совершил покушение на кражу группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в помещение. Суд применил к Шаболдину В. Ю. ПМБВ в виде предупреждения, разъяснив ему вред, причиненный его деянием и последствия повторного совершения преступления — может быть привлечен к уголовной ответственности; ограничения досуга, а именно ограничения пребывания его вне дома в ночное время, то есть с 22 часов до 6 часов следующего дня на срок 6 месяцев [3].

О. М. Осадчая отмечает, что ПМБВ занимают особое место среди мер уголовно-правового воздействия на подростков, совершивших преступное деяние. Следует отметить большое число функций указанных мер (альтернатива уголовной ответственности либо наказанию), по причине которых данные меры не всегда в уголовное законодательство строго «вписываются». Такие преимущества обозначенных мер, как их предупредительный и воспитательный характер, низкий уровень карательного элемента,

указывают на то, что ПМБВ как средство уголовно-правового воздействия на правонарушителей-подростков играют значимую роль. [7, с. 39].

Правовая природа ПМБВ в научной среде вызывает многочисленные споры. По мнению одних ученых, данные меры являются одной из форм реализации уголовной ответственности, другие ученые полагают, что ПМБВ не входят в содержание указанной ответственности, когда применяются в связи с освобождением от уголовной ответственности, и входят, когда применяются в связи с освобождением от наказания, третьи ученые полагают, что указанные меры не выступают формой реализации обозначенной ответственности.

Решению проблемы неопределенности правовой природы ПМБВ способствовало бы внесение изменений в ст. 90 УК РФ. На наш взгляд, необходимо закрепить ч. 1 представленной статьи в следующей редакции: «Несовершеннолетний, впервые совершивший преступное деяние небольшой либо средней тяжести, может быть привлечен к уголовной ответственности посредством применения ПМБВ». Вместе с тем, следует изменить содержание ч. 4 ст. 90 УК РФ и представить данную норму в следующей редакции: «В случае систематического неисполнения несовершеннолетним ПМБВ данная мера по представлению уполномоченного государственного органа отменяется и материалы передаются в суд для применения других мер уголовной ответственности».

Как нами ранее было указано, на законодательном уровне предусмотрено, что при освобождении от наказания судом несовершеннолетние могут быть также помещены в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Основание помещения подростка в вышеуказанное учреждение раскрывается комплексом следующих обстоятельств: несовершеннолетний осужден за преступные деяния средней тяжести либо тяжкое преступление; последнему назначили наказание в виде лишения свободы; и лицо, не достигшее 18 лет, нуждается в особенных условиях воспитания. Считается, что указанная мера значительно отличается от иных мер воспитательного воздействия, так как в себе сочетает методы воспитательного воздействия и государственное принуждение. Также принудительная мера отличается, своей систематичностью, комплексностью, индивидуально-личностным подходом со стороны психологов и педагогов, а также особенными условиями пребывания.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Российская газета. — 1996. — 26 июня.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2011. — № 3.
3. Постановление Карталинского городского суда Челябинской области от 28 декабря 2016 г. по делу № 1–269/2016. — Режим доступа: <http://sudact.ru/>

Следует обозначить положительные стороны функционирования указанных учреждений. Одним из ключевых благоприятных моментов, по нашему мнению, выступает то, что подросток при помещении в отмеченный вид учреждения «не получает» судимости, а также освобождается от наказания. Кроме того, подросток, находясь в представленном учреждении, получает образование и профессию, что также можно признать благоприятным моментом, принимая во внимание то, что некоторые несовершеннолетние с отклоняющимся поведением, в ряде случаев, пропускают учебу, или образовательные организации не посещают совсем. Также уменьшается вероятность осуществления несовершеннолетним повторных преступлений. Более того, помещение подростков в подобное учреждение — это возможность оторвать их от отрицательной среды обитания, а также возможность их исправления. Следует принимать во внимание и встречающееся мнение о том, что подросток, совершивший преступное деяние, попадая в воспитательную колонию усиливает и укрепляет отрицательные навыки и приобретает новые криминальные связи и не встает на путь исправления [6, с. 12].

В связи с этим, институт помещения в вышеуказанные учреждения следует развивать и поддерживать. Потребность формирования указанных учреждений в каждом субъекте РФ позволит чаще встречаться подросткам с близкими и родственниками, что обеспечит, соответственно, возможность наладить более эффективную деятельность с неблагополучными семьями и сформировать в семье наиболее благоприятные условия еще до выхода подростка из указанного вида учреждения.

Подводя итог, отметим, что особенности уголовной ответственности подростков закреплены в специальном разд. V и гл. 14 УК РФ. Их содержание изложено в 10 статьях (ст. 87–96 УК РФ). Данные нормы не исключают применение общих положений уголовного законодательства. На подростков распространяются все институты уголовного права. Функциональное значение разд. V и гл. 14 УК РФ заключается в том, чтобы скорректировать общие законодательные положения и дополнить их применительно к лицам до 18 лет. Особенности уголовной ответственности подростков характеризуются существованием специальных мер уголовно-правового характера — ПМБВ, помещения подростка в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием (ст. 90, 92 УК РФ) и создания воспитательных колоний для подростков, осужденных к лишению свободы.

4. Головкин, Н.В. Анализ развития отечественного правового регулирования уголовной ответственности несовершеннолетних / Н.В. Головкин // Наука и школа. — 2017. — № 2. — с. 15 — 21.
5. Макарова, С.А. Некоторые аспекты применения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних. — Режим доступа: <http://xn--7sbaj7auwpihik.xn--p1ai/article/1174>
6. Никонорова, Ю.В. Специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа как мера уголовно-правового воздействия / Ю.В. Никонорова // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. — 2014. — № 4. — с. 12 — 16.
7. Осадчая, О.М. Принудительные меры воспитательного воздействия в Уголовном кодексе Российской Федерации среди способов государственного реагирования на преступления несовершеннолетних / О.М. Осадчая // Концепт. — 2015. — № 3. — с. 39 — 44.

О некоторых вопросах возмещения ущерба за повреждение жилья в результате стихийного бедствия

Свищ Николай Владимирович, студент;

Научный руководитель: Ширяев Василий Николаевич, кандидат юридических наук, профессор
Хабаровский государственный университет экономики и права

Автором анализируются правовые вопросы отнесения объекта недвижимости к числу пострадавших в результате наводнения.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, оценка ущерба, наводнение.

About some questions of compensation for damage to housing caused by natural disasters

N. V. Svishch

The author analyzes the legal issues of the allocation of the property among the victims of the floods

Key words: emergency, damage assessment, flood.

Летом 2013 г. на территории Дальнего Востока Российской Федерации произошло катастрофическое наводнение. В результате очень значительно пострадали территории Приморского и Хабаровского краев, Амурской и Магаданской областей, Еврейской автономной области, объекты социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры, жилищно-коммунального хозяйства, кроме того, повреждено и разрушено жилье граждан.

В соответствии с ч. 1 статьи 40 Конституции РФ, каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища. Кроме того ч. 2 ст. 40, устанавливает, что малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами [1].

Осуществление мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидации их последствий Конституция Российской Федерации относит к

совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (статья 72, пункт «з» части 1). Раскрывающий содержание данного предмета ведения и разграничивающий полномочия Российской Федерации и ее субъектов в этой сфере Федеральный закон от 21 декабря 1994 года «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» закрепляет общие для Российской Федерации организационно-правовые нормы в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и устанавливает соответствующие полномочия субъектов Российской Федерации и организационные формы их реализации [2].

В ряду нормативных правовых актов, гарантирующих право на жилье гражданам пострадавших от чрезвычайных ситуаций на территории Российской Федерации можно перечислить следующие:

Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 N 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О чрезвычайном положении»

Статья 29. Гарантии имущественных и социальных прав граждан и организаций в период действия чрезвычайного положения

2. Лицам, пострадавшим в результате обстоятельств, послуживших основанием для введения чрезвычайного положения, или в связи с применением мер по устранению таких обстоятельств или ликвидации их последствий, предоставляются жилые помещения, возмещается причиненный материальный ущерб, оказывается содействие в трудоустройстве и предоставляется необходимая помощь на условиях и в порядке, установленных Правительством Российской Федерации. [3] Порядок предоставления помощи урегулирован Постановлением Правительства РФ от 15.02.2014 N 110 (ред. от 30.09.2015) «О выделении бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий» (вместе с «Правилами выделения бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий»).

В случае утраты жилья, предусмотрена выдача жилищных сертификатов согласно Постановления Правительства РФ от 07.06.1995 N 561 (ред. от 12.03.2015) «О государственных жилищных сертификатах, выдаваемых гражданам Российской Федерации, лишившимся жилого помещения в результате чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий, террористических актов или при пресечении террористических актов правомерными действиями».

Вместе с тем указанные нормативные правовые акты регулируют ситуации, когда факт ущерба уже подтвержден. Согласно данным, представленным спустя год после наводнения 20.07.2014 на сайте РИА Новости [4], всего с начала паводка было подтоплено 37 муниципальных районов, 235 населенных пунктов и более 13 тысяч жилых домов. Общая площадь затопленных территорий составила более 8 миллионов квадратных километров. По итогам обследования 2,48 тысячи жилых объектов на Дальнем Востоке были признаны непригодными для проживания. Еще почти шесть тысяч нуждаются в капитальном ремонте.

Учитывая масштаб наводнения, произошедшего в июле — сентябре 2013 года, неудивительно, что ущерб, нанесенный жителям Дальнего Востока, трудно поддается учету.

Один из аспектов учета ущерба, нанесенного чрезвычайной ситуацией, и в частности наводнением, — это критерии отнесения объекта недвижимости к числу пострадавших. Наводнение 2013 года выявило отсутствие четких критериев определения зоны подтопления, которые могли бы однозначно отнести объекты недвижимости к пострадавшим именно в результате наводнения.

Согласно части 1 статьи 5 Федерального закона от 21.12.1994 N 68-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «О защите на-

селения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»

Границы зон чрезвычайных ситуаций определяются назначенными в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации руководителями ликвидации чрезвычайных ситуаций на основе классификации чрезвычайных ситуаций, установленной Правительством Российской Федерации, и по согласованию с исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления, на территориях которых сложились чрезвычайные ситуации [5].

В основе определения зоны чрезвычайной ситуации лежит классификация чрезвычайных ситуаций, установленная Постановлением Правительства РФ от 21 мая 2007 г. N 304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». В соответствии с приведенным подзаконным нормативно-правовым актом выделяются следующие виды чрезвычайных ситуаций:

а) чрезвычайная ситуация локального характера — чрезвычайная ситуация, в результате которой территория, на которой сложилась чрезвычайная ситуация и нарушены условия жизнедеятельности людей, не выходит за пределы территории объекта, при этом количество людей, погибших или получивших ущерб здоровью, составляет не более 10 человек либо размер ущерба окружающей природной среде и материальных потерь составляет не более 100 тыс. рублей;

б) чрезвычайная ситуация муниципального характера — чрезвычайная ситуация, в результате которой зона чрезвычайной ситуации не выходит за пределы территории одного поселения или внутригородской территории города федерального значения, при этом количество пострадавших составляет не более 50 человек либо размер материального ущерба составляет не более 5 млн. рублей, а также данная чрезвычайная ситуация не может быть отнесена к чрезвычайной ситуации локального характера;

в) чрезвычайная ситуация межмуниципального характера — чрезвычайная ситуация, в результате которой зона чрезвычайной ситуации затрагивает территорию двух и более поселений, внутригородских территорий города федерального значения или межселенную территорию, при этом количество пострадавших составляет не более 50 человек либо размер материального ущерба составляет не более 5 млн. рублей;

г) чрезвычайная ситуация регионального характера — чрезвычайная ситуация, в результате которой зона чрезвычайной ситуации не выходит за пределы территории одного субъекта Российской Федерации, при этом количество пострадавших составляет свыше 50 человек, но не более 500 человек либо размер материального ущерба составляет свыше 5 млн. рублей, но не более 500 млн. рублей;

д) чрезвычайная ситуация межрегионального характера — чрезвычайная ситуация, в результате которой зона чрезвычайной ситуации затрагивает территорию двух

и более субъектов Российской Федерации, при этом количество пострадавших составляет свыше 50 человек, но не более 500 человек либо размер материального ущерба составляет свыше 5 млн. рублей, но не более 500 млн. рублей;

е) чрезвычайная ситуация федерального характера — чрезвычайная ситуация, в результате которой количество пострадавших составляет свыше 500 человек либо размер материального ущерба составляет свыше 500 млн. рублей.

Установление границы зон чрезвычайных ситуаций осуществляется по согласованию с исполнительными органами государственной власти субъекта РФ или органами местного самоуправления, на территориях которых сложились чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера.

Однако из приведенных нормативных актов, неясно какими фактами должен руководствоваться руководитель ликвидации чрезвычайных ситуаций, обозначая, что например первый дом на данной улице попал в зону подтопления, а например второй не попал.

Согласно ч. 5 ст. Статья 67.1. Предотвращение негативного воздействия вод и ликвидация его последствий «Водный кодекс Российской Федерации» от 03.06.2006 N 74-ФЗ (ред. от 29.07.2017), «Границы зон затопления, подтопления определяются уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти с участием заинтересованных органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в порядке, установленном Правительством Российской Федерации». Однако до 2014 года указанный порядок отсутствовал.

В принятом в 2014 года Постановлении Правительства РФ от 18.04.2014 N 360 «Об определении границ зон затопления, подтопления» (вместе с «Правилами определения границ зон затопления, подтопления») [6] достаточно подробно рассмотрело данный вопрос, в частности, п. 3 Правил «Границы зон затопления, подтопления определяются Федеральным агентством водных ресурсов на основании предложений органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, подготовленных совместно с органами местного самоуправления, об определении границ зон затопления, подтопления (далее — предложения) и сведений о границах такой зоны, которые

должны содержать текстовое и графическое описание местоположения границ такой зоны, перечень координат характерных точек этих границ в системе координат, установленной для ведения государственного кадастра недвижимости (далее — сведения о границах зон затопления, подтопления)».

Вместе с тем, согласно Приложению к Правилам определения границ зон затопления, подтопления «Требования к территориям входящим в границы зон затопления, подтопления», Зоны затопления определяются в отношении территорий, прилегающих к зонам затопления, указанным в пункте 1 данных требований, повышение уровня грунтовых вод которых обуславливается подпором грунтовых вод уровнями высоких вод водных объектов.

В границах зон подтопления определяются:

а) территории сильного подтопления — при глубине залегания грунтовых вод менее 0,3 метра;

б) территории умеренного подтопления — при глубине залегания грунтовых вод от 0,3–0,7 до 1,2–2 метров от поверхности;

в) территории слабого подтопления — при глубине залегания грунтовых вод от 2 до 3 метров.

Таким образом, границы зон затопления и подтопления, согласно указанного Постановления, определяются на основании органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, подготовленных совместно с органами местного самоуправления, однако пока не ясны источники финансирования исследований необходимых для предоставления указанных предложений. Также не установлены сроки предоставления указанных предложений, и критерии необходимости указанных исследований.

Видимо, исходя из соображений предотвращения ситуаций, возникших в результате наводнения 2013 года на Дальнем Востоке, Президент РФ утвердил перечень поручений по итогам совещания с членами Правительства, состоявшегося 27 сентября 2017 года, которым в частности, дано поручение высшим должностным лицам субъектов РФ завершить в 2019 году работы по определению в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, границ зон затопления и подтопления на территориях субъектов Российской Федерации и обеспечить внесение изменений в документы территориального планирования субъектов Российской Федерации [7].

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.05.2004 N 10-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 16 Закона Псковской области «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» в связи с запросом Администрации Псковской области»
3. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 N 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О чрезвычайном положении»
4. <https://gia.ru/spravka/20140720/1016605356.html>

5. Федеральный закон от 21.12.1994 N 68-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»
6. Постановление Правительства РФ от 18.04.2014 N 360 (ред. от 17.05.2016) «Об определении границ зон затопления, подтопления» (вместе с «Правилами определения границ зон затопления, подтопления»)
7. <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/55879> (дата обращения 18 октября 2017 года)

Гражданско-правовая и уголовная ответственность адвоката

Серветник Сергей Владимирович, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

Принцип состязательности в уголовном процессе означает равенство стороны обвинения и стороны защиты. Указанное равенство должно проявляться в том числе в ответственности представителей обеих сторон. В данной работе автор исследует уголовную и гражданско-правовую ответственность адвоката с целью выявить возможные проблемы в регулировании указанных видов ответственности.

Ключевые слова: адвокат, сторона защиты, уголовный процесс, гражданско-правовая ответственности, уголовная ответственность, состязательность.

The principle of adversarial proceedings means equality between the prosecution and the defence. This equality must be reflected, inter alia, in the responsibilities of the representatives of both parties. In this paper, the author investigates criminal and civil liability lawyer in order to identify possible problems in the regulation of these types of liability.

Key words: attorney, defense, criminal procedure, civil liability, criminal liability, and competition.

Одним из основных принципов российского судопроизводства является состязательность сторон. Он зафиксирован в статье 123 Конституции Российской Федерации и означает «разграничение функций органов, осуществляющих уголовное преследование, и суда... Принцип состязательности предполагает право на защиту в таком объеме, какой может максимально уравнивать возможности сторон в отстаивании своей позиции перед судом» [1].

Изданного определения мы понимаем две важные вещи. Во-первых, принцип состязательности призван уравнивать стороны судебного спора в правах и накладывать на них равноценные обязанности. Во-вторых, принцип состязательности призван реализовать основополагающее право человека на судебную защиту.

Особенно ярко необходимость уравнивания сторон и предоставления права на защиту усматривается в уголовном процессе, когда решается вопрос ограничения фундаментальных прав на свободу, на частную собственность, на жизнь и других. В данном процессе суду, который является государственным органом, легче принять сторону других государственных органов — прокуратуры, органов внутренних дел и других. Этому как раз и должно мешать установление принципа состязательности, указание на который есть также и в статье 15 Уголовно-процессуального кодекса [2].

Исходя из этого, мы можем считать, что обе стороны, обвинения и защиты, равны в своих правах, обязанностях и ответственности. Главными участниками в судебном обвинении и защите являются, соответственно, государственный обвинитель (прокурор) и адвокат. Традиционно,

из-за указанного выше тезиса о склонности суда склоняться в сторону обвинения, представители данной стороны (прокурор, следователь и пр.) несут повышенную ответственность за свои решения. Она может быть как уголовной (ст. 299, 301, 309 УК РФ и др. [3]), так и гражданской (ст. 1069 ГК РФ [4]).

Однако в связи с этим, помня о равенстве сторон, хочется изучить ответственность адвоката и выяснить, какую ответственность несет этот главный представитель стороны защиты.

В связи с этим в данной работе автор исследует как уголовную, так и гражданско-правовую ответственность адвоката и определит проблемы указанной ответственности.

Говоря о уголовной ответственности адвокатов, прежде всего, необходимо отметить, что законодатель не включил адвоката ни в один из составов преступлений в УК РФ в специального субъекта. В то же время адвокаты могут быть указанным специальным субъектом. Так, в ч. 1 и 2 ст. 303 УК РФ указывается на наказуемость представителя и защитника за фальсификацию доказательств. В качестве указанных лиц как раз могут выступать адвокаты. Столь скудное упоминание адвокатов в уголовном законодательстве, однако, не означает, что ими не совершается иных преступлений [16, с. 22].

Л.Ю. Ларина все преступления адвокатов в зависимости от их отношения к профессиональной деятельности разделяет на две группы: 1 — преступления, связанные с осуществлением адвокатской деятельности, и 2 — преступления, не связанные с осуществлением адвокатской деятельности [12, с. 16].

А.Г. Кучерена условно все преступления, совершаемые адвокатом-представителем в связи с исполнением своих функций по защите доверителя, разделяет на две группы — преступления, совершенные представителем как специальным субъектом и как общим субъектом ответственности [10, с. 201].

Первую группу преступлений составляет уже упомянутый состав статьи 303 УК РФ — фальсификация доказательств и результатов ОРД. Это связано с прямым указанием на участие в указанной фальсификации адвоката.

Вторую группу преступлений составляют связанные с адвокатской деятельностью, но предусматривающие привлечение адвоката к ответственности как общего, а не специального субъекта преступления. Это может быть воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294 УК РФ); неуважение к суду (ст. 297 УК РФ); клевета на судью, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лицо, производящее дознание, судебного пристава (ст. 298.1 УК РФ); провокация взятки либо коммерческого подкупа (ст. 304 УК РФ) и так далее.

Вместе с тем, приведенный перечень составов преступлений нельзя признать полным. Судебная практика знает большое количество случаев совершения адвокатом мошеннических действий. При этом большое число указанных действий так или иначе связаны с коррупцией [11, с. 16]. С таким утверждением можно согласиться, исходя из анализа судебной практики. Так, например, адвокат Б. был осужден за покушение на мошенничество в особо крупном размере за то, что оказывая юридическую помощь на стадии проверки сообщения о преступлении, требовал от своей доверительницы денежные средства в сумме 1000000 рублей якобы на подарки и взятки сотрудникам прокуратуры [6]. В другом случае адвокат М., злоупотребив доверием потерпевшего, завладел его денежными средствами, которые собирался передать в качестве взятки следователю [7]. Такие преступления вполне можно объяснить высоким уровнем коррупции в сфере уголовного судопроизводства.

Представленный выше перечень преступлений, совершаемых адвокатами, можно дополнить еще одной разновидностью — коррупционными преступлениями. Адвокат может быть субъектом мелкого взяточничества, дачи взятки, а также посредничества во взяточничестве. Так, например, адвокат Д. была признана виновной в посредничестве во взяточничестве в крупном размере за то, что выступила посредником между обвиняемым и следователем в получении денежных средств за решение об избрании меры пресечения [8].

Обобщая изложенное, можно отметить, что адвокат в качестве специального субъекта преступления несет ответственность только по ч. 1 или 2 ст. 303 УК РФ за фальсификацию доказательств. В иных случаях адвокат будет нести ответственность на общих основаниях (ст. ст. 159, 291, 291.1, 291.2, 294, 297, 298.1, 304, 306, 309, 310 УК РФ).

Проанализировав уголовно-правовую ответственность адвоката, перейдем к изучению гражданско-правовой ответственности.

Гражданский кодекс устанавливает такие условия применения по отношению к адвокату гражданско-правовой ответственности, как ответственность вследствие причинения вреда, при этом потерпевший и причинитель вреда, как правило, не состоят в договорных отношениях, а также ответственность за нарушение гражданско-правовых обязательств [14, с. 407].

Ответственность адвоката за нарушение гражданско-правовых обязательств законодатель стремится ограничить. Так, в нашем праве существует свобода определения, а следовательно, и ограничения, ответственности адвоката в части размера указанной ответственности. Это ограничение применяется к договору об оказании юридической помощи [5] и позволяет с учетом норм гражданского законодательства ограничивать ответственность адвоката. Такое ограничение, например, применяется за нарушение обязательств по соглашению, совершенное без умысла [15, с. 11]. Также глава 49 ГК РФ также содержит положения о возмещении убытков, причиненных доверителю отказом поверенного от исполнения поручения (п. 3 ст. 978 ГК РФ). Однако эта статья также указывает, что возмещение вреда в данном случае возможно только в случае, когда доверитель лишен возможности иначе обеспечить свои интересы, а также отказа от исполнения договора, предусматривающего действия поверенного в качестве коммерческого представителя.

Вместе с тем принцип обеспечения восстановления нарушенных прав (пункт 1 статьи 1 ГК РФ) не позволяет однозначно ограничивать ответственность адвоката по соглашению с доверителем убытками (статья 15 ГК РФ) только в виде реального ущерба (без упущенной выгоды) и только таким ущербом, как произведенные или необходимые расходы (без расходов, вызванных утратой или повреждением имущества) [9, с. 45].

В связи с этим следовало бы в Законе, по общему правилу, ограничить размер ответственности адвоката перед доверителем реальным ущербом, включающим в себя исключительно сумму полученного адвокатом вознаграждения и иные затраты на юридическую помощь, оплаченные доверителем. Большой размер ответственности адвоката перед доверителем мог бы устанавливаться по желанию сторон в соглашении об оказании юридической помощи. Такой добровольный и постепенный переход к потребительскому подходу, прежде всего вследствие конкуренции между адвокатами, их специализации и изменения представлений доверителей о качестве юридической помощи, позволил бы избежать массового «потребительского экстремизма» со стороны доверителей в России [14, с. 409].

Итак, мы можем сделать следующие выводы: 1) уголовная ответственность адвоката в целом равна по своей тяжести уголовной ответственности стороны обвинения: прокурора, судьи и пр.; 2) при этом гражданско-пра-

вовая ответственность адвоката несколько ограничена, так, адвокат не несет ответственности за неумышленное нарушение обязательств по соглашению. В то же время в гражданском кодексе РФ ответственность государственных органов и должностных лиц прописана отдельно и довольно значительна.

Следует также обращать внимание на тот факт, что представители стороны обвинения почти не воздействуют с лицами, участвующими в деле, в рамках гражданско-правового поля.

В то же время адвокаты работают с клиентами по гражданско-правовому договору и в соответствии с нормами гражданского права, что, на наш взгляд, должно накладывать на них дополнительную гражданско-правовую ответственность, а не снимать ее, как это делается сейчас. Или же возможно создание ситуации, когда дополнительное принятие на себя ответственности адвокатами было бы аргументом в их конкурентной борьбе.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации принята 12 декабря 1993 года // Российская газета. — 25 декабря. — 1993 года.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ // Российская газета. — N 249. — 22.12.2001.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — N 25. — Ст. 2954.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26.01.1996 N 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 29.01.1996. — N 5. — Ст. 410.
5. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ // Российская газета. — N 100. — 05.06.2002.
6. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Пермского краевого суда от 15 сентября 2014 года по уголовному делу № 22–5679/2014 [Электронный ресурс]. — <https://rospravosudie.com/court-permskij-kraevoj-sud-permskij-kraj-s/act-470982548/> — (Дата обращения: 19.2.2018).
7. Приговор Даг. Огнинского городского суда Республики Дагестан от 29 августа 2011 года по уголовному делу № 1–36/2011 [Электронный ресурс]. — <https://rospravosudie.com/court-gorodskoj-sud-gdagestanskije-ogni-respublika-dagestan-s/act-101874834/> — (дата обращения: 20.02.2018)
8. Приговор Савеловский районный суд г. Москвы от 19 марта 2014 г. по уголовному делу № 1–25/2014 [Электронный ресурс]. — <https://rospravosudie.com/court-savelovskij-rajonnyj-sud-gorod-moskvas/act-447495703/> — (дата обращения: 10.03.2018).
9. Дзюба, И. Пределы возможностей сторон по установлению в договоре условий об ограничении и освобождении от ответственности // Право и экономика. — 2003. — № 8. — с. 45–50.
10. Кучерена, А. Г. Адвокатура в условиях судебно-правовой реформы в России / А. Г. Кучерена. — М.: Юркомпани, 2009. — 308 с.
11. Ларина, Л. Ю. Многообъектность преступлений, совершаемых адвокатами в сфере своей профессиональной деятельности // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. — 2016. — № 1. — с. 16–19.
12. Ларина, Л. Ю. Разновидности преступлений, совершаемых адвокатами (по материалам практики) // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. — 2015. — № 3. — с. 14–19.
13. Поспелов, О. В. Гражданско-правовая ответственность адвокатов и адвокатских образований за некачественную юридическую помощь // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. — 2008. — № 1. — с. 405–410.
14. Рыжаков, И., Прохоров, В. Просто товарищ или партнёр? // эж — ЮРИСТ. — 2002. — № 39. — с. 10–12.
15. Удовик, А. О. Об уголовной ответственности адвоката по УК РФ // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. — 2016. — № 4. — с. 22–24.

Пути и способы совершенствования деятельности органов местного самоуправления в Российской Федерации

Удолдина Кристина Сергеевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Дискуссия о государственной или общественной природе местного самоуправления имеет в России свою историю. Общественная теория самоуправления и ее разновидность — хозяйственная теория — возникли в России как реакция на отрицательные черты чиновничьего управления. Эти теории базировались на признании естественных и неотчуждаемых прав общины на заведование собственными делами, отличными от государственных. Отсюда делался вывод о сугубо общественном характере института самоуправления, недопустимости вмешательства государства в дела общины, о самостоятельном значении общинной власти, представляющей «четвертую ветвь». Хозяйственная теория, которая в значительной степени легла в основу первой земской и городской реформы в середине — конце 60-х годов XIX века, также исходила из того, что местный самоуправляющийся союз — отличный от государства субъект прав. Он не просто имеет собственную компетенцию, но и занимается весьма специфическим родом деятельности — местными хозяйственными делами. Общественная теория основывалась, таким образом, на идее противопоставления общества и государства, государственных интересов интересам общественным [1].

В то же время многие русские юристы-государствоведы, подчеркивая автономный характер местных общественных союзов — земств, городов, в деятельности которых участвуют сами заинтересованные лица — население, обосновывали их тесную связь с государственным управлением. Так, например, Б.Н. Чичерин в статье «О земских учреждениях» еще накануне земской реформы отмечал: «Местное самоуправление не может быть оторвано от общей администрации. Это части одного целого. Здесь необходима известная степень зависимости, но мера зависимости определяется существующими потребностями и состоянием общества».

Конституционное признание местного самоуправления публичной, но не государственной властью явилось новым толчком к спорам среди российских государствоведов вокруг вопроса о государственном или общественном характере местного самоуправления.

Сторонники общественной и государственной теорий местного самоуправления предлагают противоположные трактовки содержащегося в статье 12 Конституции РФ положения о «невхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти». Первые представляют местное самоуправление как форму самоорганизации граждан для совместного решения вопросов местного значения, которая не учреждается государством, а признается им. Признание означает,

что государство видит в местном самоуправлении некий социальный институт, не обладающий свойствами государственной структуры. Это общественная власть, вид публичной власти, местная (муниципальная) власть — «особая власть, не относящаяся ни к одной из трех ветвей государственной власти». Право на местное самоуправление не только коллективное право, но и естественное и неотчуждаемое право гражданина (индивидуальное право) на образование и осуществление местного самоуправления, на индивидуальное или коллективное решение вопросов местного значения.

Представители государственной теории указывают на то, что местное самоуправление учреждается государством как публично-властный институт и государством же организуется в виде самостоятельного публично-правового субъекта — муниципального образования, которое и выступает коллективным субъектом права на местное самоуправление. Источником этого права, как и полномочий органов местного самоуправления, является воля народа, выраженная в Конституции и законе, а не воля или приглашение населения соответствующей территории. И государство, и муниципальные образования представляют собой публично-властные институты, поэтому их противопоставление неправомерно. И хотя органы местного самоуправления отделены от органов государственной власти с точки зрения структурно-организационной, они находятся в системе государственно-властных отношений с точки зрения функциональной [2].

Как видно из приведенных позиций, различие в подходах к соотношению местного самоуправления и государства во многом основывается на различном понимании сущности вопросов местного значения как ядра компетенции муниципальных образований.

Представители общественной теории исходят, соответственно, из негосударственного характера вопросов местного значения — «вопросов социальной жизни, которые не решаются и не должны решаться государственной властью», а «сводятся к обеспечению жизнедеятельности населенных пунктов, к обслуживанию повседневных потребностей людей», непосредственному обеспечению жизнедеятельности населения (ст. 2 Закона о МСУ). В пользу этого подхода говорит тот факт, что российский конституционный законодатель, как и немецкий, разграничивает «вопросы местного значения» (ч. 1 ст. 130, ч. 1 ст. 132 Конституции РФ) и «государственные полномочия», которыми органы местного самоуправления могут наделяться законом (ч. 2 ст. 132 Конституции РФ).

Противоположная позиция заключается в признании государственного характера всех задач и полномочий

местного самоуправления, в том числе вопросов местного значения. Данный тезис основан на той идее, что и вопросы местного значения так или иначе направлены на реализацию прав и свобод граждан, гарантируемых в соответствии со статьей 19 Конституции РФ государством и подлежащих реализации в соответствии с государственными стандартами. Соответственно, защита прав и свобод человека и гражданина, согласно статье 45 и пункту «б» части 1 статьи 72 Конституции РФ, относится к предметам ведения государства — Российской Федерации и субъектов РФ. Перечень вопросов местного значения определяется государством — на основе Конституции РФ (ч. 1 ст. 132) в Федеральном законе о местном самоуправлении (ст. 14–16, 16.2) — и может меняться по воле законодателя при условии соблюдения конституционных принципов. Наконец, анализ содержания перечней вопросов местного значения показывает, что между ними и государственными задачами (предметами ведения) нет непроходимой грани: многие из них весьма органично примыкают к предметам ведения Российской Федерации и ее субъектов, а иногда и «перетекают» в них.

Сопоставление приведенных выше взглядов на природу местного самоуправления и интерпретацию его конституционных принципов свидетельствует об опасности любых крайних суждений. Как огосударствление, так и превращение местного самоуправления в сугубо общественный институт не отвечают его конституционному предназначению.

Однако, как верно отмечает Е. В. Гриценко, сложно оценить однозначно обособление местного самоуправления от государственной власти с правовой точки зрения. С одной стороны, в данном установлении видится важный шаг на пути принципиального признания местного самоуправления самостоятельным институтом. Его определение как формы народовластия и элемента гражданского общества является предпосылкой рассмотрения местного самоуправления в контексте правового положения личности, признания права на местное самоуправление в качестве основного права, которое как таковое должно гарантироваться и защищаться. С другой стороны, в Конституции РФ местное самоуправление рассматривается прежде всего, как объективно-правовой принцип организации власти на местном уровне. Но при этом самостоятельность местного самоуправления гарантируется лишь в пределах его полномочий [3].

Таким образом, Конституция указывает на содержательное насыщение и дальнейшее уточнение пределов самостоятельности местного самоуправления. В этом состоит главное отличие права на осуществление местного самоуправления от индивидуальных прав и свобод: без определения нормативного содержания в Конституции и законодательстве «полномочий» местное самоуправление не может быть реализовано. Более того, отнесение местного самоуправления к негосударственным институтам затрудняет его публично-властную характеристику, ставит под вопрос его связь с государственной властью и госу-

дарственным управлением. Наконец, усложняется восприятие местного самоуправления с институциональной точки зрения, поскольку возникает неопределенность в трактовке субъекта права местного самоуправления. В качестве таких субъектов признаются и граждане, и население, и муниципальное образование, и органы местного самоуправления.

Однако право на местное самоуправление как таковое не названо в числе прав и свобод человека и гражданина в главе 2 Конституции РФ, оно может быть выведено из комплексного конституционного права граждан на участие в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей (ч. 1 ст. 32 Конституции РФ).

Данный вывод подтверждается и тем, что избирательное право, право на участие в референдуме, в которых выражается участие в управлении делами государства, сформулированы в части 2 статьи 32 Конституции РФ. Названные нормы статьи 32 имеют продолжение в части 2 статьи 130 Конституции РФ, прямо закрепляющей право граждан на осуществление местного самоуправления в соответствующих формах. Таким образом, право на местное самоуправление включается в число конституционных прав человека и гражданина.

Этим обосновывается и возможность выступления отдельного гражданина от имени всего сообщества в защиту права на осуществление местного самоуправления. Как подчеркнул Конституционный Суд РФ в Постановлении по «курскому делу», «недопустимость ограничения прав местного самоуправления составляет одну из основ его конституционного статуса и в то же время связана с регулированием прав и свобод человека и гражданина. Вследствие этого ограничение прав местного самоуправления трактуется как ограничение нормативно-правового содержания и полноты права граждан на осуществление местного самоуправления». Соответственно, проверка допустимости ограничения этого права осуществляется с учетом требований части 3 статьи 55 Конституции РФ о принципах и критериях допустимого ограничения прав и свобод человека и гражданина. При этом право на конституционно-судебную защиту в рамках производства по жалобам на нарушение конституционных прав признается Конституционным Судом РФ и за муниципальным образованием как объединением граждан.

Несмотря на возможный демократизм из представленной трактовки права на осуществление местного самоуправления, имеется ряд проблем, связанных с ее воплощением. В итоге получается, что содержание права на осуществление местного самоуправления необоснованно увеличивается и размывается, в него включаются те индивидуальные права по участию в осуществлении публичной власти, которые имеют самостоятельное конституционное значение и подлежат судебной защите в рамках общего конституционно-правового статуса человека и гражданина. Вряд ли подобный подход можно считать обоснованным, поскольку он вносит неразбериху в определение

объекта судебной защиты, не позволяет показать природу и содержание права на местное самоуправление, нарушает конституционную логику его закрепления.

Признавая дуализм в природе местного самоуправления, которое сочетает в себе публично-властные и гражданско-общественные начала, представляется необходимым сделать основной акцент на его публично-властном и коллективном характере. Организационное и институциональное обособление местного самоуправления от государства состоит в учреждении особого публично-правового субъекта — муниципального образования и не исключает его функциональной взаимосвязи с государством. Как уже было отмечено выше, именно на муниципальном уровне публичной власти исполняются все законы, а вопросы местного значения представляют собой отдельные задачи, так или иначе имеющие выход на определенные государственные предметы ведения. В связи с этим государство в целом в конечном итоге несет ответственность перед внешними субъектами и гражданами за действия и по обязательствам всех уровней публичной власти, в том числе институционально и организационно обособленных. Неслучайно и Конституция РФ употребляет понятие «государство» в ряде случаев в широком смысле, имея в виду и местное самоуправление, как, например, при закреплении права граждан Российской Федерации на участие в управлении делами государства (ч. 1 ст. 32). В этом смысле и муниципальные образования относятся к государству. В то же время функциональная связь муниципальных образований с государством не должна приводить к вытеснению ключевых признаков их публично-правового статуса как субъектов права местного самоуправления.

Федеральное регулирование гарантии местного самоуправления в Российской Федерации не ограничивается конституционным признанием института местного самоуправления, оно имеет развернутое продолжение в Федеральном законе о местном самоуправлении. Этот Закон принят в рамках предмета совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов — «установление общих принципов организации местного самоуправления» (п. «н» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ). Соответственно, в усмотрении федерального законодателя находится вопрос о содержании этих общих принципов и полномочий Российской Федерации по их регламентации, а также установление пределов дальнейшего законодательного регулирования местного самоуправления на уровне субъектов РФ (ч. 2 ст. 76 Конституции РФ). Несмотря на закрепленный в статье 73 Конституции РФ остаточный принцип определения предметов ведения и полномочий субъектов РФ по предметам совместного ведения, действующий Федеральный закон о местном самоуправлении исчерпывающим образом установил те случаи, в которых допустимо законодательное регулирование вопросов местного самоуправления субъектами Федерации (ст. 6 Закона о МСУ). Так, законода-

тельная конкретизация общих принципов организации местного самоуправления сосредоточилась главным образом на федеральном уровне.

Вместе с тем с 2003 года предложенные в Федеральном законе о местном самоуправлении пределы законодательного участия субъектов РФ в правовом регулировании местного самоуправления неоднократно изменялись. Чрезмерная централизация федерального законодательного регулирования местного самоуправления в первоначальной редакции Закона постепенно сменялась возложением на субъекты РФ все новых законодательных полномочий в сфере регулирования организации местного самоуправления. В рамках очередной реформы Федерального закона о местном самоуправлении в 2014 году субъектам РФ было поручено принимать законы:

— об изменении статуса городских округов в связи с выделением в них внутригородских районов как самостоятельных муниципальных образований и об установлении критериев такого деления (ч. 1 ст. 2 Закона о МСУ);

— о перераспределении полномочий между муниципальными образованиями и субъектами РФ (ч. 1.2 ст. 17 Закона о МСУ), между сельскими поселениями и муниципальными районами (ч. 3 ст. 14 Закона о МСУ), между городскими округами и внутригородскими районами, об определении состава имущества внутригородских районов и источников доходов их бюджетов (ч. 2—5 ст. 16.2 Закона о МСУ);

— о порядке формирования представительных органов муниципальных районов, городских округов с внутригородским делением (ч. 4 и 5 ст. 35 Закона о МСУ); о порядке избрания глав муниципальных образований во всех муниципальных образованиях (ч. 2 ст. 36 Закона о МСУ); о полномочиях, сроке полномочий органов местного самоуправления, их подотчетности и подконтрольности, а также об иных вопросах их организации (ч. 3 ст. 34 Закона о МСУ).

С одной стороны, децентрализация правового регулирования организации местного самоуправления позволяет в большей степени учесть региональные исторические, географические и иные особенности территории. Однако, с другой стороны, возникает серьезная опасность ущемления прав муниципалитетов на внутреннее территориальное устройство и самостоятельное определение структуры органов местного самоуправления законом субъекта РФ. Возможность постоянных изменений законодательства и периодического перераспределения полномочий между самостоятельными в правовом отношении субъектами без их участия по воле законодателя свидетельствует об отсутствии стабильности правового регулирования, подрывает устойчивость системы и тем самым нарушает принципы правовой определенности и поддержания доверия к закону и действиям

Развитие демократических начал в местном самоуправлении, как и поддержание гражданской активности населения декларируются в качестве важных целей современной муниципальной реформы [4]. В то же время в за-

конодательстве и на практике происходит сужение сферы применения отдельных форм прямого волеизъявления населения на местном уровне. Это касается в первую очередь института муниципальных выборов.

Несмотря на достаточно широкий спектр иных форм прямого участия населения в осуществлении местного самоуправления, предлагаемых в Федеральном законе о местном самоуправлении, вряд ли можно говорить об их действенности и реальном отражении мнения населения. Так, например, порядок организации и проведения публичных слушаний, которые призваны обеспечить вовлечение населения в решение вопросов, непосредственно затрагивающих его интересы, устанавливается муници-

пальными нормативными правовыми актами (ср.: ч. 4 ст. 28 Закона о МСУ). При этом в Законе отсутствуют необходимые и достаточные гарантии, обеспечивающие демократический характер проводимой процедуры, адекватность и репрезентативность предлагаемых на публичных слушаниях решений.

Таким образом, закрепление в действующем законодательстве прямых форм муниципальной демократии не сопровождается установлением адекватных правовых инструментов, которые могли бы способствовать реальному и эффективному вовлечению граждан в осуществление местного самоуправления, пробуждению гражданской активности.

Литература:

1. Овчинников, И. И. Местное самоуправление в системе народовластия. — М.: ИГП РАН, 1999. — с. 23–28.
2. Васильев, В. И. Комментарий к статье 12 // Комментарий к Конституции Российской Федерации / Отв. ред. Л. А. Окуньков. — М.: БЕК, 1996. — 49 с.
3. Ларичев, А. А. Правовое регулирование и организация местного самоуправления: опыт Канады и его применимость в российских условиях: монография/А. А. Ларичев. — М.: Проспект, 2018. — 336 с.
4. Вступительное слово Президента РФ на встрече с участниками Всероссийского съезда муниципальных образований 8 ноября 2013 г. // Стенограмма встречи. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19585> (дата обращения: 15.10.2018).

Анализ нормативно-правовой базы антикоррупционного законодательства в области декларирования доходов руководителей государственных учреждений

Федорова Екатерина Александровна, студент магистратуры
Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого

Развитие такой области антикоррупционной политики в области декларирования доходов руководителей государственных учреждений происходило постепенно, и в полной мере было оформлено на законодательном уровне только в 2013 году, однако декларирование доходов государственных служащих законодательно было закреплено в 1992 году. Для анализа данного вопроса необходимо изучить развитие нормативно-правовой базы по данному вопросу начиная с самого ее появления.

В 1992 году Президентом России был принят Указ «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы» от 4 апреля 1992 г. Данный Указ предусматривал ряд серьезных мер антикоррупционного характера. Так, в п. 2 данного указа было закреплено, что «служащим госаппарата запрещено заниматься предпринимательской деятельностью, оказывать любое не предусмотренное законом содействие физическим и юридическим лицам с использованием своего служебного положения в осуществлении предпринимательской деятельности и получать за это вознаграждения, услуги и льготы; выполнять иную оплачиваемую работу на условиях совместительства

(кроме научной, преподавательской и творческой деятельности), а также заниматься предпринимательской деятельностью через посредников, а равно быть поверенным у третьих лиц по делам государственного органа, в котором он состоит на службе, самостоятельно или через представителя принимать участие в управлении акционерными обществами, товариществами с ограниченной ответственностью или иными хозяйствующими субъектами» [1].

Нарушение указанных требований влекло за собой освобождение от занимаемой должности, иную ответственность в соответствии с действующим на тот момент законодательством.

В 1993 г. Верховным Советом Российской Федерации был принят Закон РФ «О борьбе с коррупцией», но он так и не был подписан президентом.

В 1995 г. и 1997 г. Государственной Думой была принята попытка подписания второго и третьего проекта закона Российской Федерации «О борьбе с коррупцией». Данные проекты были приняты и одобрены Советом Федерации Федерального Собрания РФ, но как и в 1993 году были отклонены Президентом РФ.

В 2001 году на парламентских слушаниях «Современное состояние и пути совершенствования законодательства Российской Федерации в области борьбы с коррупцией» велось активное обсуждение следующих законопроектов: «Основы антикоррупционной политики», «О парламентском расследовании», «О противодействии коррупции» и «О кодексе поведения государственных служащих». Но, как и в предыдущие разы в Государственной Думе третьего созыва антикоррупционный законопроект «О противодействии коррупции» дошел лишь до первого чтения.

В 2003 году в целях регулирования антикоррупционной политики Указом Президента Российской Федерации от 24 ноября 2003 г. № 1384 был создан Совет при Президенте Российской Федерации по борьбе с коррупцией. В рамках созданного Совета работали две комиссии: Комиссия по противодействию коррупции и Комиссия по разрешению конфликта интересов. С 2008 года действует единый Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции. На него была возложена задача разработки Национального плана.

Национальный план был утвержден Президентом РФ 31 июля 2008 г. и содержал 4 раздела и приложение, содержащее перечень первоочередных законодательных актов РФ, требующих изменения и дополнения.

Данный план является системным документом программного характера, направленным на борьбу с коррупцией и её предупреждения. План выпускался 6 раз — в 2008, 2010, 2012, 2014, 2016, и 2018 гг. Действующим на данный момент является Национальный план противодействия коррупции на 2018–2020 годы, утвержденный Президентом РФ В. В. Путиным 29 июня 2018 года.

Значительная часть текущего документа является продолжением предыдущих Национальных планов. Ряд мер предусматривает совершенствование нормативно-правовой базы в сфере противодействия коррупции.

Еще один раздел национального плана посвящен просветительской и исследовательской работе в сфере противодействия коррупции. В нем говорится о возможности грантовой поддержке организаций, которые показали наиболее значимые результаты в антикоррупционном просвещении граждан, популяризации антикоррупционных ценностей и научном обеспечении противодействия коррупции.

Значительные изменения ситуации в области противодействия коррупции были связаны с подписанием Россией международных документов. Так, в 2006 году в России была ратифицирована Конвенция ООН против коррупции и подписан Федеральный закон «О ратификации Конвенции ООН против коррупции».

Следующим документом стала Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, которая была заключена в г. Страсбурге 27.01.1999 г., при этом, для Российской Федерации данный документ был ратифицирован с 1 февраля 2007 года.

Одним из основополагающих аспектов регулирования антикоррупционной политики является декларирование доходов.

В Российской Федерации, обязанность декларирования сведений о доходах имуществе и обязательствах имущественного характера российских должностных лиц последовательно закреплялась в ряде нормативных правовых актов. На момент принятия федерального закона № 273 — ФЗ «О противодействии коррупции» обязанность декларировать доходы и имущество была прописана в Федеральном конституционном законе от 17.12.1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», в Федеральном законе от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и в Федеральном законе от 02.03.2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации».

Следующим шагом по разработке нормативно-правовой базы по противодействию коррупции стало принятие Федерального закона № 273 от 25.12.2008 «О противодействии коррупции», который установил правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней, основные принципы противодействия коррупции, минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений. В статье 8 данного закона на государственных и муниципальных служащих, руководителей государственных (муниципальных) учреждений, служащих, должности которых включены в соответствующий перечень, а также на ряд иных должностных лиц была возложена обязанность представлять представителю нанимателя сведения о своих доходах, об имуществе, обязательствах имущественного характера. Аналогичные сведения должностные лица должны представлять о своей (своем) супруге и несовершеннолетних детях [3].

В 2009 году Президент Российской Федерации подписал два указа в отношении противодействия коррупции. Данные указы утвердили: перечень должностей государственной службы, при поступлении на которые и при замещении которых необходимо представлять сведения о доходах; порядок представления сведений отдельно для лиц, замещающих государственные должности, для федеральных государственных служащих и лиц, замещающих руководящие должности в государственных учреждениях, фондах и иных организациях; порядок публикации представленных сведений на официальных ресурсах в телекоммуникационной сети «Интернет» и в СМИ.

В 2012 году в статью 275 Трудового кодекса были внесены изменения, согласно которым, руководители государственных (муниципальных) учреждений (ежегодно) и лица, поступающие на должности руководителей государственного (муниципального) учреждения (при поступлении на работу), обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, имуществе и обязательствах своих супруга (супруги) и несовершеннолетних детей.

В 2013 году указом президента РФ от 8 июля 2013 г. № 613 «Вопросы противодействия коррупции» на официальных сайтах органов исполнительной власти, государственных учреждений в обязательном порядке должны

быть опубликованы краткие сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера лиц, предоставляющих данные сведения [2].

Подводя итог анализу нормативно — правовой базы антикоррупционного законодательства в области декларирования доходов руководителей государственных учреждений нужно отметить, что необходимое нормативное

регулирование, в настоящее время для работы в этом направлении создано на всех уровнях государственного управления. Но по-прежнему государственные органы испытывают определенные сложности при реализации данного направления деятельности, связанного со сложностями в трактовании данных документов, относительно руководителей учреждений.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 04.04.1992 N 361 (с изм. от 16.11.1992) «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы»
2. Указ Президента «Вопросы противодействия коррупции» [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 8 июля 2013 г., № 613: (ред. от 3 дек. 2013 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система.
3. Федеральный закон от 23 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета 30 декабря 2008. — № 4823.
4. Противодействие коррупции: новые вызовы: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2016.

Деятельность кадровой службы по исполнению законодательства при декларировании доходов руководителей образовательных организаций

Федорова Екатерина Александровна, студент магистратуры
Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого

В соответствии с нормой п. 1 ст. 8 Федерального закона «О противодействии коррупции» обязанность представлять сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера возложена:

— на граждан, претендующих на замещение должностей, включенных в перечни, установленные нормативными правовыми актами РФ, в государственных корпорациях, Пенсионном фонде РФ, Фонде социального страхования РФ, Федеральном фонде обязательного медицинского страхования, иных организациях, создаваемых Российской Федерацией на основании федеральных законов;

— на граждан, претендующих на замещение должностей государственной или муниципальной службы, включенных в перечни, установленные нормативными правовыми актами РФ;

— на граждан, претендующих на замещение отдельных должностей, включенных в перечни, установленные федеральными государственными органами, на основании трудового договора в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами;

— на лиц, замещающих вышеуказанные должности [1].

Деятельность кадровой службы в соответствии с законодательством предусматривает анализ и проверку доходов руководителей образовательных учреждений и специального основания для прекращения трудовых отношений с ними.

Результаты заполнения справок о доходах, представленные руководителем учреждения, размещаются в Интернете на официальном сайте органа, осуществляющего функции и полномочия учредителя учреждения. При этом Приказом Минтруда России от 30.01.2015 N51н определено, что сведения о доходах должны размещаться и на официальном сайте учреждения в специальном разделе «Сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера руководителя и членов его семьи». Данный раздел интернет ресурса ведется отделом кадров.

Результаты публикации информации подобного характера позволяют надзорным органам осуществлять соответствующий мониторинг.

В области образования Приказом Минобрнауки России от 13.09.2013 N1070 к такой категории работников отнесены:

— в образовательной организации высшего образования — первый проректор, главный бухгалтер, директор филиала;

— в организации дополнительного профессионального образования — главный бухгалтер.

Работники, для которых работодателем является министерство просвещения Российской Федерации, сведения о доходах представляют в Департамент государственной службы, кадров и мобилизационной подготовки министерства. Работники, для которых представителем работодателя является руководитель учреждения — непосредственно в учреждение.

При этом учреждение осуществляет прием и анализ данных сведений, после чего передает их в упомянутый выше департамент.

В рамках проверки коррупционных действий, кадровой службой осуществляются следующие мероприятия:

- направляются запросы в учебные заведения с целью установления подлинности документов об образовании;
- проведение беседы с гражданином или государственным служащим;
- изучение представленных гражданином или государственным служащим дополнительных материалов;
- получение от гражданина или государственного служащего пояснения по представленным им материалам;
- направление в установленном порядке запросов в органы прокуратуры Российской Федерации, иные федеральные государственные органы (кроме федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности), государственные органы субъектов Российской Федерации, территориальные органы федеральных государственных органов, органы местного самоуправления, на предприятия, в учреждения, организации и общественные объединения об имеющихся у них сведениях: о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера гражданина или государственного служащего, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей; о достоверности и полноте сведений, представленных гражданином в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации; о соблюдении государственным служащим требований к служебному поведению [3].

В целях получения информации о возможных коррупционных и иных правонарушениях, а также о соблюдении требований к служебному поведению работников в Управлениях установлены телефоны доверия [2].

Литература:

1. Федеральный закон от 23 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета 30 декабря 2008. — № 4823.
2. Мусаелян, М. Ф. Совершенствование уголовной политики в сфере противодействия коррупции в Российской Федерации // Журнал российского права. — 2014. — № 5 / СПС «Консультант плюс».
3. Баранов, В. М., Бикеев И. И., Кабанов П. А., Магизов Р. Р., Хайрутдинова Л. Р. Антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов Российской Федерации. — 2017.

Помимо прочего, для профилактических целей в государственных учреждениях страны созданы информационные стенды, на которых размещены нормативные правовые акты Российской Федерации и внутренние документы о противодействии коррупции и иная информация по данной тематике. Информация о противодействии коррупции и иная информация по данной тематике также размещается на Интернет-сайтах государственных учреждений [2].

Данную работу проводит непосредственно отдел кадров, своевременно обновляет информацию, а также следит за исполнением.

После проведения проверки, на имя работодателя готовится доклад с полным описанием проверенных материалов по ее результатам. В докладе специалист отдела кадров проводит анализ информации, полученной от руководителя учреждения и информации, полученной от органов, в которые были направлены запросы в связи с проведением проверки.

После рассмотрения доклада, работодатель назначает заседание комиссии, на которой заслушивается доклад и принимается решение о применении дисциплинарного взыскания к работнику, предоставившего заведомо недостоверные сведения о доходах. Самой жесткой мерой применяемой к руководителю образовательной организации является прекращение трудовых отношений. Данная мера регулируется статьей 81 Трудового кодекса Российской Федерации и предусматривает основания прекращения трудовых отношений за непредставление или представление заведомо недостоверных или неполных сведений о своих доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера (доходах своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей), а также в случае непринятия работником мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, стороной которого он является

Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации как дополнительная гарантия защиты прав несовершеннолетних

Федорова Анна Юрьевна, студент магистратуры
Югорский государственный университет (г. Ханты-Мансийск)

Настоящая статья посвящена вопросам совершенствования механизма защиты прав несовершеннолетних в России в органах конституционного правосудия субъектов Российской Федерации. Анализируя вопросы конституционного правосудия, автор приходит к выводу о целесообразности образования и функционирования во всех субъектах Российской Федерации, в том числе и в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, соответствующих судов, которые стали бы дополнительной существенным гарантом обеспечения прав детей на региональном уровне.

Ключевые слова: конституционное правосудие, несовершеннолетние, суд, права детей.

Достаточно значительным и эффективным средством защиты прав несовершеннолетних в настоящее время выступает процедурный механизм судебного нормоконтроля, который в Российской Федерации осуществляют органы конституционного правосудия как на федеральном уровне (в Конституционном Суде Российской Федерации), так и на уровне субъектов Российской Федерации (в конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации).

Е. В. Тарибо абсолютно точно обратил внимание, что в России судебный конституционный нормоконтроль представляется значительным инструментом, который может корректировать политико-правовую систему и устранять дефекты нормативного регулирования для того, чтобы эффективно защищать основы конституционного строя, а также права и основные свободы граждан [8, с. 5]. Другой ученый (Н. С. Бондарь) дополнительно заметил по этому поводу, что подобный нормоконтроль выступает в качестве одной из важнейших форм государственного воздействия на общественные отношения, имеющих непосредственное отношение к основным вопросам по организации социальной, политической, культурной, экономической и нравственной жизни общества [2, с. 23].

Практически невозможно переоценить значение конституционного правосудия, и в частности, Конституционного Суда Российской Федерации для защиты прав граждан, в том числе несовершеннолетних. Но вместе с тем следует всегда помнить, что в силу психофизиологических причин несовершеннолетние не способны осуществлять полноценную защиту своих прав и свобод, что придает законодателю необходимость предоставлять им дополнительные процессуальные гарантии, которые в том числе в полной мере проявлены и при осуществлении защиты их прав в органах конституционного контроля.

Сегодня можно с полной уверенностью сказать, что несовершеннолетние дети представляют собой наиболее социально уязвимую категорию граждан Российской Федерации. В связи с этим существенным фактором их защиты является наличие системы органов, призванных охранять и защищать их права и законные интересы. К одним из

видов таких органов следует относить конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации.

В настоящее время существует 13 конституционных и 3 уставных суда субъектов Российской Федерации. При этом на сегодняшний день достаточно очевидна тенденция отсутствия интереса к их созданию в остальных регионах России. Даже в тех субъектах Российской Федерации, конституции и уставы которых предусматривают возможность создавать конституционные (уставные) суды, реально не совершаются какие-либо действия, направленные на их образование. И это несмотря на то, что они могли бы стать по настоящему важным и существенным для обеспечения прав граждан организационным элементом публичной власти в каждом субъекте государства.

В. Б. Евдокимов достаточно справедливо заметил, что подлинный федерализм предусматривает самостоятельность и определенную независимость от федеральной судебной системы конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, а также необходимость их образования в каждом регионе. Кроме того, возможность создания конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации закреплена в конституциях и уставах 56 субъектов Российской Федерации, а в 24 из них имеются соответствующие нормативные акты о таких судах [4, с. 64]. При этом, как верно пишет С. А. Авакьян, природа конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации подобна природе Конституционного Суда Российской Федерации. В них действует форма судопроизводства, определенная ст. 118 Конституции Российской Федерации, а сами они осуществляют правосудие на принципах самостоятельности и независимости [1, с. 689].

Отдельные авторы совершенно точно замечают, что основной ценностью таких судов является то, что они полноценно дополняют и усиливают работу Конституционного Суда Российской Федерации и при необходимом нормативном урегулировании способны снизить его загруженность. Помимо этого, они упорядочивают законодательство субъектов Российской Федерации, являясь автономной структурой, способствующей разумной децен-

трализации государственной власти, охраняют отдельные интересы субъектов, выступают в качестве аналитических, методических и научных центров для получения практического опыта по освоению регионального конституционализма [3, с. 66–76], а также принимают непосредственное участие в создании конституционной культуры и правосознания [7, с. 46–53]. При этом проблематика отсутствия такого суда в определенном субъекте Российской Федерации является упущением его государственной политики [5, с. 48].

Недостаточность общего количества конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации не свидетельствует об отсутствии насущности вопросов, которые связаны с их взаимодействием с Конституционным Судом Российской Федерации. Можно отметить, что за достаточно незначительный период времени они осуществили существенную работу по восстановлению конституционных прав граждан, и в том числе несовершеннолетних.

Полагаем, что формирование в субъектах конституционных (уставных) судов является существенным показателем качества системы публичной власти, которая складывается в соответствующих субъектах Российской Федерации. Создание таких судов дает возможность эффективно регулировать региональное законодательство с помощью признания определенных положений нормативных актов не соответствующими конституциям (уставам) субъектов Российской Федерации. В настоящее время формирование системы таких судов должны быть сопряжено с проявлением определенной политической воли, которая на сегодняшний день в большинстве субъектов Российской Федерации, в том числе и в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре отсутствует.

Р.И. Исламова, занимаясь вопросами соблюдения прав несовершеннолетних в конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации отметила, что за время своего существования такие суды вынесли минимальное количество решений, защищающих права несовершеннолетних, что создает впечатление об отсутствии проблем в сфере защиты прав несовершеннолетних в субъектах Российской Федерации. По приведенной ей статистике (по состоянию на середину 2017 года), за время своего функционирования в конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации было рассмотрено 32 вопроса, связанных с защитой прав несовершеннолетних. Из них: в Республике Татарстан вынесено 1 постановление и 3 определения; в Республике Башкортостан — 3 постановления, 2 определения; в Свердловской области — 4 постановления и 5 определений; в Республике Северная Осетия — Алания — 1 постановление; в Республике Саха (Якутия) — 1 постановление; в Республике Марий Эл — 3 постановления; в Республике Коми — 5 постановлений, 1 определение; в Республике Ингушетия — 1 постановление и 1 определение. В иных судах подобные вопросы не рассматривались [6, с. 32–35].

Подобная статистика может привести к выводу, что на сегодняшний день достаточно большое количество регио-

нальных проблем в области защиты прав несовершеннолетних остаются без разрешения. Несмотря на это, анализ соответствующей судебной практики демонстрирует существенное значение работы органов конституционного правосудия в области защиты прав несовершеннолетних.

Например, в 2015 году Конституционный Суд Республики Башкортостан рассмотрел вопросы, касающиеся вопросов конституционности отдельных пунктов положения о приватизации муниципального жилищного фонда городского округа г. Уфы, которое было утверждено соответствующим органом муниципальной власти.

Указанное положение утверждало порядок передачи в собственность граждан занимаемых ими жилых помещений в домах муниципального жилищного фонда. Оспариваемые нормы устанавливали, что несовершеннолетние граждане, которые проживают вместе с нанимателем и являются членами его семьи (или бывшими членами семьи), равно с совершеннолетними пользователями выступают как участники общей совместной собственности на жилое помещение. Также данным положением предусматривался перечень документов, которые необходимы для приобретения в собственность жилого помещения в порядке приватизации, при обращении в соответствующую организацию.

Конституционный Суд Республики Башкортостан отметил, что в ст. 46 Конституции Республики Башкортостан указано, что право на жилище, применимое к правам несовершеннолетних, предусматривает запрет для родителей проводить сделки с жилищными помещениями, которые направлены на необоснованное произвольное ухудшение жилищных условий несовершеннолетних либо утрате ими жилища. Если бы родители совершали данные действия, то это бы вступало в противоречие с положениями ст. 42 Конституции Республики Башкортостан и свидетельствовало о том, что родители не выполняют свои конституционные обязанности по заботе, воспитанию и содержанию несовершеннолетних.

На основании изложенного Конституционный Суд Республики Башкортостан признал законным право муниципального органа на установление определенного порядка передачи в собственность граждан занимаемых ими жилых помещений в домах муниципального жилищного фонда. Вместе с тем суд признал не конституционным соответствующий пункт рассматриваемого положения в связи с отсутствием в нем требований о предоставлении гражданином, которое приобретает в собственность жилье путем приватизации, документов на несовершеннолетних, проживающих отдельно от указанных лиц и не утративших права пользования жилым помещением. Конституционный Суд Республики Башкортостан посчитал, что это ограничивает права вышеуказанной категории несовершеннолетних граждан и не соответствует принципу равенства [9].

В качестве еще одного решения, демонстрирующего возможность защиты прав несовершеннолетних, стало Постановление Конституционного суда Республики Марий Эл, который признал не соответствующим Кон-

ституции Марий Эл определен пункт Административного регламента предоставления муниципальной услуги «Прием заявлений, постановка на учет для зачисления в муниципальные образовательные учреждения города Йошкар-Олы», который предусматривал возможность зачисления несовершеннолетних в дошкольные муниципальные образовательные учреждения г. Йошкар-Олы только после представления документа, который мог бы подтвердить постоянную или временную регистрацию на территории муниципального образования [10].

Анализ указанных выше решений конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации свидетельствует о достаточно мощном потенциале, который должен быть обязательно направлен на обеспечение и защиту прав несовершеннолетних.

Можно сделать вывод, что в настоящее время назрела необходимость по совершенствованию механизма защиты прав несовершеннолетних на уровне субъектов Российской Федерации, который может быть улучшен посредством формирования соответствующих органов кон-

ституционного правосудия во всех субъектах Российской Федерации, в том числе и в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, в котором принят, но не реализован Закон Ханты-Мансийского автономного округа от 22 сентября 1997 г. № 43-оз «Об уставном суде Ханты-Мансийского автономного округа», а также путем систематизации и актуализации внимания к недопущению случаев нарушений их прав на уровне органов региональной и муниципальной власти соответствующего субъекта Российской Федерации.

В связи с этим значение конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в защите прав несовершеннолетних можно рассматривать через призму дополнительного уровня по реализации конституционных гарантий защиты их прав, а также в качестве конструктивного элемента по контролю за исполнением Конституции Российской Федерации и законодательства Российской Федерации региональными органами власти и местного самоуправления соответствующего субъекта Российской Федерации.

Литература:

1. Авакьян, С. А. Конституционное право России: Учебный курс в 2 Т. М.: Юристъ, 2005.
2. Бондарь, Н. С. Социоисторический динамизм Конституции — без переписывания конституционного текста // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 2. с. 22–34.
3. Гаврюсов, Ю. В. Проблемы становления конституционной юстиции в субъектах Российской Федерации. Сыктывкар, 2005. с. 66–76.
4. Евдокимов, В. Б. Конституционные (уставные) суды в системе разделения властей в Российской Федерации / В. Б. Евдокимов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 5. с. 63–68.
5. Жилин, Г. А. Значение решений Конституционного Суда РФ как источника гражданского и арбитражного процессуального права / Г. А. Жилин // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 1. с. 22–29.
6. Исламова, Р. И. Конституционные (уставные) суды субъектов Федерации как дополнительный гарант защиты прав несовершеннолетних // Законность. 2017. № 8. с. 32–35.
7. Петренко, Д. С. Конституционная (уставная) юстиция в субъектах Российской Федерации // Современные правовые проблемы и перспективы. М., 2007. с. 46–53.
8. Тарибо, Е. В. Судебный конституционный нормоконтроль: осмысление российского опыта: монография. М.: НОРМА, 2018. 256 с.
9. Постановление Конституционного суда Республики Башкортостан от 16 декабря 2015 г. № 32-П // СПС КонсультантПлюс.
10. Постановление Конституционного суда Республики Марий Эл от 27 февраля 2014 г. // СПС КонсультантПлюс.

Соотношение понятий «контроль» и «надзор» в российской правовой системе

Чикунов Александр Юрьевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Работа посвящена актуальной проблеме сравнения понятий «контроль» и «надзор» с целью установления их соотношения в российской правовой системе. Данная необходимость сложилась ввиду того, что Российская Федерация имеет достаточно разветвленную систему контроля и надзора. При этом говорить о том, что эта си-

стема в государственном управлении работает на должном уровне нельзя. Усовершенствования требует как законодательство, определяющее правовой статус и полномочия контрольных и надзорных органов, так и их структура. Не четкое определение задач и функций органов контроля и надзора, недостаточная определенность способов их вза-

имодействия препятствует надлежащему осуществлению мер по отслеживанию реформаторских процессов в обществе.

Вопросы контроля и надзора всегда интересовали ученых, что нашло свое отражение в научных работах, данный интерес можно понять. Пробелы в законодательстве, регулирующем контрольные и надзорные полномочия соответствующих органов, его противоречивость, порождают недостатки в деятельности контрольных и надзорных органов, а иногда и прямые злоупотребления со стороны должностных лиц этих структур. В то же время четкое определение места и роли контроля и надзора в общественных отношениях, надлежащая регламентация контрольной и надзорной деятельности уже сами по себе могут стать залогом соблюдения норм права, существенно ослабить напряженность в отношениях между субъектом и объектом контроля или надзора.

В связи с этим в работе предпримем попытку сформулировать определения терминов «контроль» и «надзор», исследовать основные их сходства и различия, в результате чего решить вопрос об актуальности разграничения данных понятий в условиях развития современной юридической науки.

Ключевые слова: контроль, надзор, сходства, различия, разграничение, сущность, функциональная ориентированность.

Актуальность рассматриваемой проблемы выражается в необходимости законодательной регламентации терминологии с целью применения реальной функциональной ориентации контрольной и надзорной деятельности. Изложение своей позиции по обозначенной проблематике целесообразно начать с исследования теоретической части. Анализ теории, законодательной базы, правоприменительной практики выявил огромное количество мнений, раскрывающих термины «контроль» и «надзор» и их основные признаки, при этом нет однозначного и ясного понятия по вопросу соотношения терминов. В настоящее время существует три основные абсолютно противоположные точки зрения, при этом акцент смещается в сторону позиции о тождественности терминов «контроль» и «надзор» [1, с. 17, 20–21]. Представителями данной позиции являются такие ученые как, Погодина Н.А., Тарасов А.М., Гуляева А.П., Андреева Ю.А., Студеникина М.С., Кудлинский М.Н.

Аргументируют авторы свою точку зрения, прежде всего тем, что основные признаки рассматриваемых понятий совпадают и каких либо различий нет, при этом ссылаются на законодателя указывая, что последний использует данные термины «как синонимы не удавая надзор какой-либо специфики в правовом регулировании» [2, с. 7] (например, в Трудовом кодексе Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ [3] (глава 57), в Федеральном законе от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [4]). По мнению

Гуляева А.П. «понятия «контроль» и «надзор» хотя в некоторых законодательных и нормативных актах рассматриваются как различные, но какого-либо отличия в этих актах не просматривается» [5, с. 6–8].

В противовес данной теории автором были проанализированы нормативные правовые акты регламентирующие контроль и надзор за определенной деятельностью, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что из ста проанализированных актов в 57% случаев (56 актов) законодатель рассматривает надзор как отдельную форму деятельности специального органа власти, установленного нормативным правовым актом за определенной сферой. Самым противоречивым в данном случае нормативным правовым актом является Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ [6] (далее — КоАП РФ), поскольку данный документ использует анализируемые термины и как синонимы и как отдельную деятельность органов, не разъясняя при этом основания применения данных терминов (например, глава 29 административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы; статья 7.2 контроль и надзор в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов и среды их обитания, а также зданий и других сооружений, принадлежащих указанным пользователям и органам).

Соответственно в обосновании теории о тождественности терминов «контроль» и «надзор» со ссылкой на законодателя наблюдается несоответствие действительности.

Необходимо отметить, позицию Кудлинского М.Н. который считает, что проблема разделения понятий «контроль» и «надзор» представляется полностью надуманной и потерявшей актуальность, по мнению Кудлинского М.Н. разделение данных терминов характерно более советскому периоду в силу особенностей устройства государственного управления советского периода, линейной и функциональной подчиненности органам власти [7, с. 38], где акцент был смещен именно на надзор, высказывались точки зрения о том, что «надзор» более широкое понятие, нежели «контроль» (например, Студеникина М.С. в работе Государственные инспекции в СССР [8, с. 18–19]).

Но на современном этапе, по мнению Кудлинского М.Н., этой проблемы не существует соответственно, «понятия «контроль» и «надзор» не следует воспринимать в качестве разных, не совпадающих видов государственно-властной деятельности. Надзор следует рассматривать в качестве традиционного наименования определенных разновидностей контроля» [9, с. 39].

При этом Кудлинский М.Н. полагает, что авторы, в своих работах выявляя признаки надзора и контроля с целью обоснования автономности данных терминов несправедливо выделяют признаки «прокурорского надзора» из деятельности прокуратуры и распространяют их на всю надзорную деятельность осуществляемого иными органами. Поскольку полномочия прокуратуры в сфере общего надзора весьма специфичны и не могут считаться

сколько-нибудь показательными или модельными. Термин же «надзор» в отношении прокуратуры является скорее традиционным, чем сущностным, и тем более научно обоснованным [10, с. 39]. Данное утверждение жестко критикуется представителями следующей группы ученых (Беляевым В. П. и Бессарабовым В. Г.). Бессарабов В. Г., отмечает, что «прокурорский надзор входит в систему государственного контроля, и считает, что эти понятия различны по содержанию» [1, с. 11].

Более того, ученые напротив, считают необходимым на законодательном уровне закрепить автономное разделение терминов «контроль» и «надзор» [12] и данной точки зрения придерживается автор работы. Основным признаком разделения терминов Баранов М. Л. и Беляев В. П. считают основанную на законе деятельность специального субъекта осуществления надзора, то есть органа государственной власти [13, с. 199–207]. Баранов М. Л. отмечает, что если «контрольная функция имманентно присуща всем органам государственной власти, то функция надзора входит в состав специальной компетенции государственных органов» [14, с. 6], соответственно, он разделяет эти понятия на две категории.

И наконец, третья группа ученых соотносят контроль и надзор как целого и части, аргументируя это тем, что у данных понятий совпадают признаки, например, наглядным примером является мнение Д. Н. Бахрах, что контроль «включает наблюдение за законностью и целесообразностью деятельности, оценку ее с правовых, научных, социально-политических, организационно-технических позиций», тогда как надзор — это контроль за соблюдением правовых норм, «ограниченный, суженный контроль» [15, с. 437–438]. Кармолицкий А. А. выделяет в контрольной деятельности две составляющие: проверку исполнения и надзор [16, с. 297].

Действительно, рассмотреть конкретные различия между понятиями «контроль» и «надзор» бывает затруднительно, поскольку и контрольная, и надзорная деятельность связаны общим целевым назначением — соблюдением законности. Однако и абсолютное отождествление контроля и надзора нельзя признать верным, так как в правоприменительной практике они имеют самостоятельное значение и собственное содержание. Кроме того, как указано выше, органы, осуществляющие контрольную и надзорную деятельность, зачастую уполномочены разными полномочиями в отношении проверяемых субъектов.

Трудность рассматриваемой проблематики заключается еще в том, что, как отмечалось ранее в законодательстве данные термины не только не разграничиваются, но и в большинстве случаев употребляются как равнозначные, без каких-либо разъяснений по поводу их сущности, суды также при толковании норм, принятии решений оперируют терминами в качестве тождественных (например, Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П [17]). Полагаю, можно квалифицировать как факт пробела в законодательстве РФ, требующего скорейшего устранения, поскольку в настоящее время в масштабах

государства прослеживается недостаточно эффективный контроль и надзор, а отсутствие конкретики в законодательстве негативно сказывается на понимании функциональной направленности рассматриваемых терминов и влечет необоснованное расширение полномочий контрольных и надзорных органов.

Проведенный анализ позволяет сформулировать свое авторское видение терминов.

По мнению автора термин «контроль» представляет собой форму управленческой деятельности, при которой уполномоченные органы, должностные лица и общественные органы, в рамках контрольного производства систематически осуществляют проверку деятельности подконтрольных органов на предмет соответствия их решений и действий требованиям законности, целям осуществляемой деятельности, а так же фактического соблюдения требований законодательства, в рамках которой принимают меры по предупреждению и пресечению допущенных нарушений в целях обеспечения интересов государства, защиты прав и свобод граждан.

Надзор — это форма юридической деятельности специально уполномоченного федерального органа исполнительной власти, уполномоченного органа исполнительной власти субъектов Российской Федерации (региональный надзор), уполномоченного органа местного самоуправления (муниципальный надзор) заключающаяся в создании системы проверки функциональная ориентированность, которой направлена на обеспечение соблюдения органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и гражданами Конституции РФ, обязательных требований и исполнения законодательства в процессе осуществления различных видов деятельности, в предупреждении и пресечении их нарушений, а также в принятии мер в отношении лиц, допустивших нарушение закона с последующим инициированием процедуры привлечения к юридической ответственности в целях обеспечения режима законности и правопорядка в обществе.

В качестве примера можно указать следующие органы надзора: Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор); Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор); Федеральный горный и промышленный надзор России (Госгортехнадзор России) и т. п.

Таким образом, необходимо при рассмотрении вопроса об актуальности смыслового разъединения терминов «контроль» и «надзор» проанализировать признаки данных понятий в контексте сходства и существенных различий, свидетельствующих об автономности данных терминов.

На наш взгляд смещение в литературе понятий «контроль» и «надзор» происходит из-за сходства основных признаков, которые выражаются в следующем: наличие специального объекта деятельности (нормативные правовые акты) их соблюдение органами и лицами; предо-

ставление права применения мер принуждения; основная цель деятельности — обеспечение соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина; деятельность осуществляется на основе принципа гласности; методы деятельности.

Поэтому так важно еще раз подчеркнуть следующие существенные различия анализируемых терминов:

1) контроль, как правило, осуществляется в отношении подчиненных органов и лиц, надзор напротив не связан отношениями подчиненности;

2) при осуществлении контроля уполномоченные органы вправе вмешиваться в деятельность объекта проверки. Например, в соответствии с ч. 1 ст. 20, Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» [18] контролирующий орган в случаях нарушения норм вышеуказанного федерального закона вправе приостановить действие лицензии на оборот спиртосодержащей продукции до устранения нарушения. При осуществлении надзора подобное вмешательство не допустимо, данный вывод сделан на основании анализа законодательства и научной литературы (например, обязанность не вмешиваться в деятельность проверяемого объекта прямо регламентирована подпункте «н» пункта 11 Постановления Правительства РФ от 11.07.2012 № 705 «Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре за деятельностью некоммерческих организаций» [19]), полагается, что таким образом установлены пределы компетенции субъектов осуществления надзора при осуществлении проверок и недопущение подменять контролирующие органы, хозяйственных руководителей и должностных лиц органов государственного управления. Более того, законодатель предусмотрел ответственность должностных лиц за нарушение данных норм при проведении проверки (в соответствии со статьей 19 Федерального закона № 294-ФЗ орган государственного контроля и надзора в случае ненадлежащего исполнения соответствующих функций, служебных обязанностей, совершения противоправных действий (бездействия) при проведении проверки несут ответственность в соответствии со статьей 19.6.1. КоАП РФ, необходимо отметить и возможность наступление уголовной ответственности по признакам преступления «Превышение должностных полномочий» (ст. 286 УК РФ [20]).

Исходя из анализа полномочий органов надзора последние не вправе принимать какие-либо меры, направленные на прямое устранение выявленных нарушений их обязанностью является обнаружение нарушений законодательства, их причин и способствующих им условий и принуждение нарушителя к их устранению.

На наш взгляд, условие о невмешательстве органов надзора в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных объектов исходит из принципа гражданского

права о недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, регламентированного в п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса РФ [21].

3) не менее важным отличием анализируемых форм юридической деятельности является вопросы привлечения к ответственности, так например, органы контроля вправе самостоятельно привлекать к ответственности нарушителей (ч. 2 ст. 14.6 КоАП РФ), при этом орган надзора лишь ставит вопрос о привлечении к ответственности правонарушителей перед соответствующими органами (примером является прокурорское представление об устранении нарушений закона).

4) предмет проверки — контроль в отличие от надзора предполагает оценку деятельности контролируемого объекта с точки зрения не только законности, но и целесообразности (например, в соответствии с абз. 21 п. 2 ч. 7 Указа Президента РФ от 13.10.2004 № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» [22] ФСИН осуществляет контроль за целесообразностью проводимых финансовых и хозяйственных операций в сфере исполнения уголовных наказаний). Органы надзора проверяют строго соблюдение нормативных специально установленных правил.

5) важным отличием является тот факт, что контроль может быть и негосударственным, тогда как надзор осуществляется исключительно государственными органами, соответственно при таком «негосударственном контроле» будет и степень ответственности проверяемых объектов иная и соответственно иные меры применяемые к нарушителям.

Таким образом, сравнение понятий контроля и надзора приводит к вполне конкретному выводу о том, что контрольная и надзорная деятельности выступают одной из ключевых функций современного государства и являются самостоятельными автономными государственно-значимыми формами юридической деятельности.

При таких обстоятельствах, полагаем, что необходимо на законодательном уровне регламентировать терминологию, функциональную ориентированность относительно деятельности контрольных и надзорных структур. Для этого следует произвести оценку действующего законодательства на предмет выявления пробелов в рассматриваемой проблематике, а затем унифицировать теоретические подходы сложившуюся в законодательстве и правоприменительных органов практику для определения контроля и надзора. Результат данных мероприятий предполагается в радикальном разделении данных автономных понятий на законодательном уровне, а именно признать надзорные полномочия исключительно за специальными государственными органами, специализирующиеся на узконаправленном виде надзора, наделенными властно-распорядительными полномочиями по принятию мер принудительного характера с наличием строгих юридических санкций за их неисполнение, (например, за органами прокуратуры, юстиции, государственными органами, осуществляющими санитарно-эпидемиологический надзор,

геодезический надзор, пожарный надзор, строительный надзор, надзор за соблюдением трудового законодательства и т. д.), а все остальные структуры отнести к контрольным.

Данный вывод, сложился из анализа практической деятельности данных органов, поскольку фактически они от имени государства осуществляет надзор за законностью в силу законодательно определенного правового статуса.

Литература:

1. Погодина, Н. А. Карелин К. В. Соотношение контроля и надзора в российской правовой системе // Российская юстиция. 2012. № 3. с. 13; Тарасов А. М. Проблемы законодательного обеспечения государственного контроля. с. 17, 20–21.
2. Погодина, Н. А., Карелин К. В. Соотношение контроля и надзора в российской правовой системе // Российская юстиция. 2012. № 3. с. 7.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. № 256. 31.12.2001.
4. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Российская газета. № 266. 30.12.2008.
5. Андреева, Ю. А. К вопросу о соотношении понятий «контроль» и «надзор» // Административное право и процесс. 2009. № 2. с. 6–8.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. № 256. 31.12.2001.
7. Кудилинский, М. Н. Контроль как вид государственно-управленческой деятельности: к соотношению понятий «контроль», «надзор» // Социология и право. 2015. № 1 (27). с. 38.
8. Студеникина, М. С. Государственные инспекции в СССР. с. 18–19.
9. Кудилинский, М. Н. Там же. с. 39.
10. Кудилинский, М. Н. Там же. с. 39.
11. Бессарабов, В. Г. Прокурорский надзор за исполнением законов об общественных объединениях: пособие / В. Г. Бессарабов, И. С. Викторов, М. В. Маматов; Акад. Ген. прокуратуры РФ. — М. 2010. с. 16.
12. Беляев, В. П. Контроль и надзор: проблемы разграничения // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. с. 207.
13. Баранов, М. Л. Соотношение понятий «государственный контроль» и «государственный надзор»: теория и практика вопроса // Новый юридический журнал. 2011. № 3. с. 6; Беляев В. П. Контроль и надзор: проблемы разграничения // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. с. 199–207.
14. Баранов, М. Л. Указ. соч. с. 6.
15. Бахрах, Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Указ. соч. с. 437–438.
16. Алехин, А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право РФ: Учебник. М.: Зерцало. М, 2001. с. 297.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. № 2. 2015.
18. Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // Российская газета. № 231. 29.11.1995.
19. Постановление Правительства РФ от 11.07.2012 № 705 «Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре за деятельностью некоммерческих организаций» // Российская газета. № 161. 17.07.2012.
20. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2954.
21. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. № 238–239. 08.12.1994.
22. Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» // Российская газета. № 230. 19.10.2004.

Контрольные полномочия высшего должностного лица в субъекте Российской Федерации

Чикунов Александр Юрьевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Работа посвящена исследованию одного из проблемных вопросов контроля в субъектах РФ со стороны высшего должностного лица — это правового регулирования данного контроля. Актуальностью проблемы, как в практическом, так и теоретическом плане является статус высшего должностного лица субъекта РФ, который достаточно сложен и требует комплексного анализа нормативных правовых актов всех уровней. Поскольку институт высшего должностного лица субъекта РФ занимает центральное место в организации государственной власти, в системе региональных органов в субъектах РФ, он оказывает также активное влияние на выполнение задач общефедерального значения. В связи с этим определение роли высшего должностного лица региона в осуществлении контроля, а также правовая регламентация контрольных полномочий данного лица в целом, является важным условием характеристики его конституционно-правового статуса и места в системе исполнительной власти РФ, роли в решении государственных задач на уровне субъекта. При этом на основе анализа правового опыта различных субъектов РФ по регулированию контрольных полномочий наблюдается разность подходов субъектов РФ в этом вопросе. В работе рассматриваются формы правового регулирования, сложившиеся в субъектах РФ. По мнению автора, функция контроля имманентно присуща деятельности региональным органам исполнительной власти, в ряде субъектов РФ — парламенту, соответственно она должна найти отражение в их конституционной (уставной) характеристике. В большинстве субъектов РФ правовое регулирование контрольной функции органов государственной власти осуществляется на уровне их соответствующих регламентов.

Ключевые слова: *высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации, Губернатор Тюменской области, органы исполнительной власти, контрольные полномочия.*

Необходимо отметить, что, несмотря на существенные изменения в правовом статусе высшего должностного лица субъекта РФ, еще остается немало нерешенных и дискуссионных вопросов. В частности, в научном сообществе одним из спорных вопросов остается — позиция законодателя по введению двойной должности «высшее должностное лицо в субъекте Российской Федерации» и «высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации», соответственно согласно Федеральному закону от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [1] (далее — Федеральный закон № 184-ФЗ) высшее должностное лицо в субъекте Российской Федерации одновременно может и должно быть. Отсюда вытекает второй вопрос конкретного определения характера исполнительной власти в субъектах Российской Федерации, т. е. является он единоначальным либо коллегиальным.

Думается, что законодателем более логично данную должность назвать исключительно «руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ», в то время как субъекты, самостоятельно принимали бы решение по установлению отдельной должности высшего должностного лица и называли эту должность по своему усмотрению (ч. 6 ст. 18).

При этом, если проанализировать структуру Федерального закона № 184-ФЗ, то наблюдается следующая

юридико-техническая особенность нормативного правового акта — в соответствии с абзацем 2 статьи 2 закона законодатель предоставляет регионам ПРАВО вводить должность «высшего должностного лица субъекта РФ», отсылочной нормой к конституциям (уставам) субъектов РФ, при этом подробно регламентирует статус данного лица, уделяя особое внимание порядку наделения его полномочиями и его ответственность, ОБЯЗЫВАЯ тем самым вводить субъекты должность высшего должностного лица и без какого-либо самостоятельного решения со стороны субъектов РФ. То есть, несмотря на очевидную диспозитивность нормы, в реальности сложно представить себе, что какой-либо субъект РФ не учредит такую должность. При этом никакого значения не имеет, кем формально является высшее должностное лицо в отдельно взятом субъекте РФ: отделенным высшим должностным лицом либо совмещающим в одном лице должности высшего должностного лица и главы высшего исполнительного органа. Хотя, если исходить из буквального толкования абзаца 2 статьи 2 Федерального закона № 184-ФЗ, можно было бы предположить, что это совершенно самостоятельное должностное лицо, которое к высшему коллегиальному органу исполнительной власти не имеет никакого отношения. При этом, далее в нормах Федерального закона № 184-ФЗ законодателем устанавливаются особые правила именно для высшего должностного лица, которое является руководителем высшего

исполнительного органа (используя данные термины как тождественные).

Анализ научной литературы по проблемам рассматриваемой тематики, позволяет сделать вывод, что и мнения исследователей разделились на две позиции. Первая позиция обосновывает эти два понятия как тождественные, поскольку по Федеральному закону № 184-ФЗ «высшее должностное лицо субъекта иначе как во взаимосвязи с должностью руководителя высшего исполнительного органа региона нигде не фигурирует» [2, с. 62–65].

Но есть и другое, прямо противоположное мнение: «термины «высшее должностное лицо» и «руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации» не рассматриваются как тождественные ни по содержанию, ни, соответственно, по объему» [3, с. 4–9]. Иначе говоря, одни и те же нормы одного и того закона могут быть истолкованы совершенно по-разному. Тем не менее, в большинстве случаев в литературе высшее должностное лицо определяется как самостоятельный орган [4, с. 43–49], отделенный от коллегиального исполнительного органа. При этом обязательно указывается его особое место, особый двойственный (дво-який) статус [5, с. 30–35]. Такая характеристика основывается на Федеральном законе № 184-ФЗ, который, устанавливая общие принципы организации государственной власти субъектов РФ, определил, по существу, лишь два вида органа власти субъекта: законодательный и исполнительный (исполнительные).

На наш взгляд, должность «высшее должностное лицо субъекта РФ (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ), не означает организационного соединения этих органов, отнесение их к единой государственно-правовой системе [6, с. 82–90].

Используя указанное словосочетание, законодатель предоставил субъекту РФ право самостоятельно определять положение высшего должностного лица в системе органов субъекта РФ. В частности, высшее должностное лицо может: а) являться обособленным органом государственной власти, не входящим ни в одну из ветвей власти субъекта РФ (аналогично должности Президента РФ) (такая модель действует, например, в Калининградской области); б) замещать одновременно должности высшего должностного лица субъекта РФ и руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ (такая модель действует, например, в Тюменской области и др.).

Не менее дискуссионным вопросом является вопрос о контрольных полномочиях высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. Одним из важных аспектов общей проблемы контроля является его должное правовое регулирование, анализ правового опыта различных субъектов РФ по регулированию контрольных полномочий высшего должностного лица позволяет сделать вывод о различии подходов субъектов РФ в этом вопросе.

На наш взгляд, двоякость термина «высшего должностного лица субъекта Российской Федерации» сказалась и на правовой регламентации в региональном зако-

нодательстве контрольных полномочиях данного лица. В соответствии с законодательством высшее должностное лицо субъекта обладает собственной компетенцией и реализует ее независимо от других органов государственной власти. Тем не менее, по нашему мнению, его функции и полномочия не выходят за рамки компетенции исполнительной власти, поскольку он наделен ими во взаимосвязи с должностью руководителя высшего органа исполнительной власти региона. Это говорит о том, что высшее должностное лицо не опосредованно, а непосредственно входит в систему органов исполнительной власти, юридически и фактически являясь главой всей исполнительной ветви власти субъекта Российской Федерации.

Система контроля в органах регионального управления включает следующие элементы: объекты, субъекты и виды контрольной деятельности; методы и алгоритм реализации контрольной деятельности.

Все контрольные полномочия субъекта РФ могут быть подразделены на два уровня:

- собственные функции субъектов РФ;
- делегированные функции, т. е. федеральные функции, осуществление которых передано субъектам РФ в соответствии с федеральным законом.

Собственными полномочиями субъектов РФ являются полномочия по предметам исключительного ведения субъектов РФ и полномочия субъекта РФ по предметам совместного ведения, осуществляемым данными субъектами самостоятельно за счет средств регионального бюджета. Предметы исключительного ведения субъектов Российской Федерации сформулированы в статье 73 Конституции РФ по остаточному принципу: все, что не отнесено к предметам исключительного ведения РФ (статья 71) и совместного ведения РФ и ее субъектов (статья 72), является сферой исключительной компетенции субъектов. Поскольку статьи 71 и 72 Конституции Российской Федерации содержат крайне обширные перечни предметов ведения, сфера исключительного ведения субъектов Российской Федерации фактически отсутствует. В результате перечень собственных региональных полномочий ограничен полномочиями субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемыми данными субъектами самостоятельно за счет средств регионального бюджета. Перечень таких полномочий закреплен в пункте 2 статьи 26.3 Федерального закона № 184-ФЗ и содержит 95 полномочий, из которых 10 являются контрольными.

Исследование норм основных законов (конституций, уставов) субъектов Российской Федерации выявило неоднородность, разобщенность и разнонаправленность закрепляемых ими вопросов в качестве собственных предметов ведения, а также отсутствие единообразной практики по их численному составу.

Установлено, что некоторые субъекты РФ (например, Тюменская, Воронежская, Калининградская, Омская, Саратовская области; Ханты-Мансийский автономный округ — Югра и др.) в конституциях (уставах) отразили лишь основные предметы ведения и полномочия, свя-

занные, в частности, с принятием и изменением конституции (устава), административно-территориальным устройством, системой органов власти, бюджетом и налогами, государственной службой и некоторыми другими вопросами. Отдельные субъекты Российской Федерации, например Липецкая и Тамбовская области, ограничились переданными ч. 2 ст. 26.3 Федерального закона № 184-ФЗ для реализации областным органам государственной власти полномочиями, находящимися в совместном ведении.

Для более объективного раскрытия вопроса о контрольных полномочиях высшего должностного лица субъекта РФ рассмотрим данные полномочия на примере Тюменской области.

В соответствии со ст. 77 Конституции РФ статьями 2 и 17 Федерального закона № 184-ФЗ, статьями 37 и 38 Устава Тюменской области от 30.06.1995 № 6 [7] (далее — Устав) Губернатор Тюменской области (далее — Губернатор) является высшим должностным лицом Тюменской области и возглавляет постоянно действующий высший исполнительный орган государственной власти области — Правительство Тюменской области.

Анализ законодательства и научной литературы по вопросам контрольных полномочий, осуществляемых высшим должностным лицом в субъектах РФ позволяет сделать вывод, что, во-первых, Губернатор, как высший орган области, в соответствии с законодательством РФ наделен контрольными полномочиями в сфере реализации исполнительной власти. Их осуществление связывается с решением важнейших вопросов формирования исполнительных органов государственной власти области. Это определение структуры таких органов (п. 29 ч 1 ст. 38 Устава), а также назначение и освобождает членов Правительства области, должностных лиц Правительства области, руководителей и иных должностных лиц органов исполнительной власти области, определяет должностных лиц, уполномоченных на назначение и увольнение руководителей государственных унитарных предприятий и государственных учреждений Тюменской области, и условия назначения указанных руководителей (п. 19 ч 1 ст. 38 Устава), освобождение от занимаемой должности лиц, являющихся заместителями Губернатора и возглавляющих государственные органы, образованные министерствами, ведомствами, комитетами Правительства Российской Федерации, если это предусмотрено федеральным законодательством (п. 20 ч 1 ст. 38 Устава).

Губернатор осуществляет контроль за соответствием законам и своим указам правовых актов Правительства и других органов исполнительной власти. При этом необходимо акцентировать на то, что в процессе регионального законодательства уделяется значительное внимание роли высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. Проведенный анализ среди регионов России в рамках аналитического доклада Минэкономразвития России «Региональный контроль в РФ» позволил определить, что фактически более 75% законов, принимаемых на уровне субъекта РФ, преподнесены с законо-

дательной инициативой высшего должностного лица субъекта РФ.

В ряде субъектов РФ в случае, когда руководитель региона одновременно является и главой исполнительной власти субъекта, то фактически законодательной инициативой наделяется только высшее должностное лицо субъекта РФ. Так, например, согласно п. 6 ч. 1 ст. 38 Устава Тюменской области Губернатор (одновременно выполняющий две функции по руководству регионом и председательствовавший исполнительным органом власти Тюменской области) обладает правом законодательной инициативы в областной Думе и в представительных (законодательных) органах государственной власти автономных округов и внесением проектов законодательных актов, которые рассматриваются в первоочередном порядке.

При этом, согласно статье 36 Устава Курской области [8] право законодательной инициативы принадлежит депутатам Курской областной Думы, Губернатору Курской области, представительным органам местного самоуправления (аналогичным образом закреплена законодательная инициатива статьей 62 Устава Орловской области [9]).

Существует также и другая практика, когда в одном регионе одновременно обладают законодательной инициативой и глава региона, и исполнительная власть субъекта РФ (например, согласно Уставу Красноярского края [10], разделяя полномочия губернатора и председателя краевого правительства, фактически разграничивает их право законодательной инициативы).

Проведенный анализ законодательства субъектов Российской Федерации по вопросу практического и теоретического закрепления «законодательной инициативы» в регионе, подтверждает тот факт, что до сегодняшнего дня так и не определен статус высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в процессе законотворчества. На законодательном уровне при определении права законодательной инициативы, наблюдается двойной формат, где наряду с высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации таким правом в отдельных регионах наделяется и глава исполнительной власти региона либо так называемый «кабинет министров» отдельно, что в очередной раз свидетельствует об актуальности пробела в нормах Федерального закона № 184-ФЗ по вопросу конкретного определения характера исполнительной власти в субъектах Российской Федерации, т. е. является он единоначальным либо коллегиальным.

Во-вторых, в Тюменской области контрольные функции и полномочия общего характера высший исполнительный орган государственной власти Тюменской области осуществляет через так называемый в литературе «кабинет министров» — органы исполнительной власти общей компетенции. Как высшее звено системы исполнительной власти в области, оно в пределах своей компетенции организует исполнение Конституции, федеральных законов, указов Президента и осуществляет систематический контроль за их исполнением органами исполнительной власти Тюменской области, принимает меры по

устранению нарушений законодательства. В числе общих полномочий Правительства — обеспечение единства системы исполнительной власти, направление и контроль деятельности ее органов. В качестве одного из частных проявлений его контрольных полномочий можно назвать государственный контроль в сфере внешнеэкономической деятельности, международного научно-технического и культурного сотрудничества.

В соответствии с постановлением Губернатора Тюменской области от 07.02.2013 № 17 (в ред. от 11.09.2018) «О распределении обязанностей между должностными лицами, деятельностью которых непосредственно руководит Губернатор Тюменской области» [11] контрольные полномочия Губернатора распределены между его заместителями по направлениям деятельности. Согласно данному нормативному правовому акту заместитель координирует и контролирует деятельность органа исполнительной власти осуществляющего непосредственные функции регионального контроля по направлениям деятельности, в соответствии с постановлением Правительства Тюменской области от 26.10.2011 № 391-п «Об определении исполнительных органов государственной власти Тюменской области, уполномоченных на осуществление государственного контроля (надзора)» [12] предусмотрено 19 контрольных органов исполнительной власти (соответственно 19 направлений контроля). Как показывает анализ нормативной правовой базы различных субъектов РФ число контрольных органов колеблется от 6 до 40 (например, в Пензенской области — 32 [13, с. 52], Ханты-Мансийском округе (Югре) — 14 [14], Курганской области — 12 [15]). Многообразие моделей организации системы контрольных органов субъектов РФ как нельзя ярче проявляется в их наименованиях: министерства, департаменты, управления, комитеты, инспекции, комиссии, государственные службы и пр. Необходимо отметить, что и здесь у субъектов РФ наблюдается неодинаковый подход в решении данного вопроса. Например, в соответствии с постановлением Губернатора Хабаровского края от 19.12.2015 № 147 в Хабаровском крае главное контрольное управление Губернатора и Правительства Хабаровского края реализует контрольные полномочия Губернатора края, Правительства края. При этом, как продемонстрировано выше, в субъектах предусмотрены различные контролирующие органы исполнительной власти.

Губернатор осуществляет контроль за деятельностью вышеуказанных органов путем заслушивания докладов о проведенной работе, различных заседаний «парламентского часа с Губернатором». Данная мера направлена на повышение эффективности и подотчетности основных сфер деятельности региона, а также является методом осу-

ществления системы «сдержек и противовеса» между органами власти субъекта Российской Федерации.

Интересно отметить тенденцию создания при высших должностных лицах субъектов РФ специальных общественных советов, реализующих общественно-контрольную и консультативно-совещательную функции в различных сферах жизнедеятельности (например, Общественный совет по реализации Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры до 2020 года и на период до 2030 года при Губернаторе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры [16]). Учитывая отсутствие на федеральном уровне правовых норм, закрепляющих единый объем полномочий общественных советов при высших должностных лицах субъекта РФ, представляется вполне предсказуемым наделение общественных советов в отдельных субъектах РФ различным объемом полномочий, в том числе в сфере общественного контроля.

Следует констатировать, что институт контроля осуществляемого высшим должностным лицом субъекта РФ не является статичным элементом механизма осуществления государственной власти в субъектах РФ, он постоянно развивается, обретая новые формы. С позиции оценки правового регулирования контроля следует признать: во-первых, различный уровень правового регулирования в субъектах РФ; во-вторых, дублирование норм о процедурах осуществления контроля; в-третьих, «узость» тематики законов о контроле в отдельных субъектах РФ.

Таким образом, анализ проблемных вопросов правовых основ контрольных полномочий высшего должностного лица в субъектах РФ свидетельствует о необходимости перехода на качественно новый уровень, в связи с чем для оптимизации контрольных полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации необходимо:

— установить на федеральном уровне более детальный порядок взаимодействия органов власти субъекта РФ;

— разграничить должность «высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации» и «руководитель исполнительного органа субъекта Российской Федерации». Распределение полномочий на две вышеуказанные должности станет серьезным прорывом к эффективному экономическому и политическому развитию регионов. Данные действия практически решат вопрос о порядке замещения данных должностей;

— при разграничении полномочий между высшим должностным лицом субъекта РФ и руководителем высшего исполнительного органа субъекта РФ фактически решится вопрос о наделении двух вышеуказанных должностных лиц законодательной инициативой по отдельности с наделением установленных федеральным и региональным законодательством норм.

Литература:

1. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Российская газета. № 206. 19.10.1999.

2. Демидов, М. В. Исполнительная власть субъекта Российской Федерации: конституционно-правовой аспект ее статуса // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1. с. 62–65.
3. Ангрыкова, Г. М. Становление института высшего должностного лица субъекта российской федерации // Ангрыкова Г. М., Дзидзоев Р. М. Краснодар. 2016. с. 4–9.
4. Тухватуллин, Т. А. Предметы ведения субъектов Российской Федерации: проблемы идентификации и правового регулирования (конституционно-правовое исследование) // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 1. с. 43–49.
5. Степанова, А. А. Заметки о высшем должностном лице субъекта Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 7. с. 30–35.
6. Лебедев, В. А. Система органов законодательной и исполнительной власти в субъектах Российской Федерации: становление и развитие // Lex russica. 2016. № 3. с. 82–90.
7. Устав Тюменской области от 30.06.1995 № 6 // Тюменская правда. № 146. 04.08.1995.
8. Закон Курской области от 02.10.2001 № 67-ЗКО «Устав Курской области» // Курская правда. № 161. 05.10.2001.
9. Устав (Основной Закон) Орловской области от 26.02.1996 № 7-ОЗ // Орловская правда. № 43. 02.03.1996.
10. Устав Красноярского края от 05.06.2008 № 5–1777 // Краевой вестник. № 1 (спецвыпуск), 11.06.2008.
11. Официальный портал органов государственной власти Тюменской области <http://www.admtyume.ru>, 20.09.2018.
12. Постановление Правительства Тюменской области от 26.10.2011 № 391-п «Об определении исполнительных органов государственной власти Тюменской области, уполномоченных на осуществление государственного контроля (надзора)» // Тюменская область сегодня. № 219. 25.11.2011.
13. Постановление Правительства Пензенской обл. от 09.09.2016 № 469-пП «Об утверждении Перечня видов регионального государственного контроля (надзора) и исполнительных органов государственной власти Пензенской области, уполномоченных на их осуществление» // Пензенские губернские ведомости. 14.09.2016. № 57. с. 52.
14. Постановление Правительства ХМАО — Югры от 17.10.2017 № 405-п «О порядке ведения перечня видов регионального государственного контроля (надзора) и исполнительных органов государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, уполномоченных на их осуществление, и признании утратившими силу некоторых постановлений Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры» // Новости Югры», № 143, 19.12.2017.
15. Постановление Правительства Курганской области от 14.11.2017 № 404 «Об утверждении Порядка ведения перечня видов регионального государственного контроля (надзора) и органов исполнительной власти Курганской области, уполномоченных на их осуществление» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 20.11.2017.
16. Распоряжение Правительства ХМАО — Югры от 22.03.2013 № 101-рп «О Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры до 2030 года» // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа-Югры. 31.03.2013. № 3 (часть II), ст. 304.

Право собственности коммерческих юридических лиц в РФ

Шаханов Мурат Казимович, студент магистратуры

Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия (г. Черкесск)

В данной статье рассматривается право собственности коммерческих юридических лиц в Российской Федерации.

Ключевые слова: право собственности, коммерческая организация, юридическое лицо, субъект собственности..

Статья 213 гражданского кодекса среди субъектов права частной собственности называет коммерческих юридических лиц. Поэтому по своей природе право собственности юридических лиц является одним из видов частной собственности. Таким образом, этот вид имеет определенные характеристики.

Во-первых, субъектами собственности являются только негосударственные юридические лица, образованные группами других лиц: деловые товарищества (полные и ограниченные); бизнес-общества (общества с ограниченной ответственностью, общества с дополнительной ответственностью, акционерные общества); про-

изводственные и потребительские кооперативы; крестьянские (фермерские) хозяйства; общественные и религиозные организации (ассоциации); благотворительные и другие фонды; ассоциации юридических лиц (ассоциации и союзы) [3, с. 122].

Во-вторых, вышеупомянутые юридические лица являются единственным владельцем своего имущества, включая имущество, переданное им участниками в качестве вкладов (исключение — имущество, переданное юридическим лицам только для использования, а не владение) (статья 44 гражданского код).

Не возникает общей или коллективной собственности участников (учредителей) на имущество юридического лица. Принимая во внимание это существенное обстоятельство, необходимо признать сомнительные взгляды на имущество юридических лиц как общее долевое имущество, а также классификации форм собственности с выделением коллективного имущества юридических лиц.

Такие позиции, которые ставят под сомнение право юридических лиц на владение имуществом, лишают существование самого юридического лица как субъекта независимой имущественной ответственности [3, с. 169].

В-третьих, законодательство может устанавливать ограничения на объекты, которые не могут принадлежать этим юридическим лицам (статья 214 Гражданского кодекса).

В-четвертых, управление объектами собственности осуществляется юридическими лицами самостоятельно, через свои органы в соответствии с их компетенцией.

Кроме того, это управление осуществляется в рамках Устава юридического лица и действующего законодательства.

Учредители (участники) юридических лиц сохраняют за собой право требования в отношении имущества юридического лица или вообще не имеют никаких прав на это имущество.

Имущество юридических лиц регулируется общими нормами права, регулирующими содержание права собственности, основаниями для его возникновения и прекращения.

Порядок прямого управления и распоряжения имуществом юридического лица определяется его учредительными документами. Объектом собственности юридического лица может быть любое имущество, не выведенное из обращения.

Имущество, ограниченное оборотом, может принадлежать юридическому лицу только в случае его разрешения. Влияние на объекты, которые могут принадлежать юридическим лицам, обладает особой дееспособностью.

В качестве общего правила количество и стоимость имущества юридического лица не ограничены.

Имущество коммерческой компании или товарищества состоит из уставного (складочного) капитала и имущества, образованного его учредителями (участниками), которые возникли по другим основаниям (сделкам и т. д.). Управление и распоряжение имуществом товарищества

осуществляется генеральными партнерами, а управление и распоряжение имуществом компании являются специально созданными органами общества [5, с. 310].

Компании подлежат минимальному размеру уставного капитала, а также обязательным целевым фондам (например, резервному фонду).

Если по состоянию на конец финансового года стоимость чистых активов компании становится меньше минимальной суммы уставного капитала, компания подлежит ликвидации.

При выходе из товарищества или компании (кроме акционерного общества) участнику выдается или выплачивается доля принадлежащего ему имущества общества или товарищества и, соответственно, стоимость имущества юридического лица должна быть уменьшена.

Выход акционера из акционерного общества возможен только путем отчуждения доли другому акционеру или третьему лицу.

В результате стоимость имущества компании не уменьшается.

Имущество, оставшееся после удовлетворения требований кредиторов в процессе ликвидации делового товарищества или компании, распределяется между его участниками пропорционально их акциям.

Закон предусматривает ряд лиц, которые имеют преимущественное право на получение доли имущества, оставшегося после ликвидации соответствующего юридического лица (например, вкладчиков в товариществе с ограниченной ответственностью).

Как производственные, так и потребительские кооперативы являются собственниками их собственности.

Любая собственность, не выведенная из обращения, может принадлежать кооперативу на праве собственности, а имущество, ограниченное в обращении, — с соблюдением установленных ограничений [2, с. 163].

Потребительский кооператив как некоммерческая организация имеет особую правоспособность, что несколько ограничивает перечень имущества, который он может иметь на праве собственности. Управление и распоряжение имуществом кооператива осуществляется специально созданными органами управления кооператива. Имущество кооператива — это взаимный фонд, образованный его членами, а также имущество, приобретенное кооперативом по другим основаниям. Закон или Хартия кооператива могут предусматривать создание различных целевых фондов, в том числе неделимых (например, создание резервного фонда в производственном кооперативе). При выходе из кооператива члену выплачивается стоимость его доли или предоставляется имущество, соответствующее стоимости акции.

Имущество, оставшееся после ликвидации кооператива, распределяется между его членами.

Уполномоченный (акционерный) капитал коммерческих организаций. Пункт 1 ст. 66 Гражданского кодекса определяет экономические общества и партнерства как коммерческие организации с уставным (складочным) ка-

питалом, разделенным на акции (вклады) учредителей (участников). Главная особенность «внутренних» имущественных отношений коммерческих организаций заключается в том, что их имущество всегда условно выделяет определенную минимальную часть (устав или акционерный капитал), который призван гарантировать удовлетворение возможных требований кредиторов.

Это делается для защиты интересов кредиторов коммерческих организаций, деятельность которых связана с бизнес-риском. Законодательство в этом отношении устанавливает минимальный размер уставного (складочного) капитала коммерческих организаций при их создании, а также требует поддержания такого капитала в размере не ниже стоимости чистых активов в течение всего периода организации.

Если по окончании второго и каждого последующего финансового года стоимость чистых активов компании меньше уставного капитала, компания обязана объявить об уменьшении своего уставного капитала и зарегистрировать свое сокращение в установленном порядке до величины, не превысившей стоимость его чистых активов [4, с 188].

Более того, если стоимость этих активов становится меньше установленного законом минимального уставного капитала, компания подлежит ликвидации.

Акции в уставном капитале и взносы в собственность. Точно так же, как уставный капитал не идентичен понятию собственности, а доля в уставном (складочном) капитале не идентична вкладу.

Поскольку уставный (складочный) капитал является условной стоимостью, то доля в нем не является долей в

собственности компании или товарищества, а не доли в праве совместного владения акциями общего имущества участников, но только условное значение, показатель, который арифметически выражает объем требований участника к компании или товариществу.

В отличие от доли «вклада» непосредственно принадлежит имущество, которое производится в уставном (складочном) капитале. Вклад участника оплачивается обязательной денежной оценкой.

В результате этой оценки определяются размер и стоимость доли участника в уставном (складочном) капитале, но не в собственности компании и, особенно, не в праве собственности на общее имущество.

Таким образом, при полном партнерстве прибыль и убытки партнерства распределяются между участниками пропорционально их доле в уставном капитале, если иное не предусмотрено Уставом организации. В акционерном законодательстве номинальная стоимость акции — это выражение доли участника; уставный капитал формируется из набора номинальных значений.

В случае ликвидации компании (товарищества) размер доли служит критерием, согласно которому определяется часть имущества, причитающаяся участнику после расчетов юридического лица с кредиторами.

Имущество некоммерческих организаций — это «имущество, переданное им их учредителями (участниками), а также имущество, приобретенное по иным основаниям. Указанные организации имеют право использовать принадлежащее им имущество по праву собственности только в целях их деятельности, определенных в учредительных документах.

Литература:

1. Акатов, А. А. Гражданское право России: учебное пособие. — Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2014. — 125с.
2. Баринов, Н. А. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ). — Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2014. — 1018 с.
3. Гонгало, Б. М. Гражданский кодекс Российской Федерации. Сделки. Решения собраний. Представительство и доверенность. Сроки. Исковая давность: постатейный комментарий к главам 9–12. — М.: Статут, 2014. — 272 с.
4. Дювернуа, Н. Л. Чтения по гражданскому праву. Том 2. — М.: Зерцало-М, 2014. — 320с.
5. Иванчак, А. И. Гражданское право Российской Федерации: общая часть. — М.: Статут, 2014. — 268с.

Правовая основа деятельности органов местного самоуправления в сфере образования

Шумилова Ольга Петровна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье автор приводит характеристику законодательных и иных нормативных правовых актов, регламентирующих полномочия органов местного самоуправления в образовательной сфере.

В XXI веке человечество столкнулось с серьезными проблемами глобального характера — исчерпаемость природных ресурсов, энергетический кризис, проблемы экологического плана, обеспечения необходимыми ресурсами (продовольствием, промышленным сырьем, энергией и т. д.), проблемы здравоохранения, бедности людей, необходимость переоценки направлений развития промышленности, коренного улучшения социальных условий жизни, расширения физических границ среды обитания человека, обеспечения мира для всех народов, регулирования стремительного роста населения в развивающихся странах и т. д.

Вместе с тем, одним из основных вариантов решения вышеперечисленных глобальных проблем современности может стать, в том числе, именно качественное образование, поскольку на сегодняшний день ведущим фактором развития становится уже не накопление материальных благ, а накопление знаний и умений, опыта, уровня физического развития, здоровья. На данные цели в мире ежегодно расходуется значительная часть бюджетных средств. Следствием сказанного также является активная разработка концепций и доктрин, программ устойчивого развития, в которых обязательно одним из пунктов является развитие системы образования.

Активными субъектами образовательной политики должны выступать все граждане России, семья и родительская общественность, федеральные и региональные институты государственной власти, профессионально-педагогическое сообщество, научные, культурные, коммерческие и общественные институты, а также органы местного самоуправления.

Реализация полномочий в сфере образования органами местного самоуправления, муниципальными образовательными организациями является приоритетным направлением в деятельности муниципальных органов и организаций в России.

Компетенция органов местного самоуправления в сфере образования регулируется сразу несколькими законодательными актами федерального уровня, а также нормативными правовыми актами уровня субъекта Российской Федерации и местными правовыми актами.

При осуществлении полномочий в сфере образования органы местного самоуправления руководствуются базовыми федеральными нормативными правовыми актами, такими как ст. 43 Конституции Российской Федерации [1], Закон Российской Федерации «Об образовании в Российской

Федерации» [2], Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3], Федеральные законы «Об утверждении федеральной программы развития образования» [4], «О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечительства родителей» [5] и другие. Данные законы детализируются в указах Президента РФ, постановлениях Правительства РФ, приказах Минобрнауки России, а также в региональном законодательстве. Например, в Тюменской области, компетенция органов местного самоуправления в области образования регулируется Законом Тюменской области от 5 июля 2013 года № 63 «О регулировании отдельных отношений в сфере образования в Тюменской области» [6].

Ст. 43 Конституции РФ закрепляет право на образование в качестве одного из основных и неотъемлемых конституционных прав граждан РФ. Право граждан на образование реализуется посредством создания системы образования и соответствующих социально-экономических условий для получения образования.

В ст. 9 Федерального закона 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определены полномочия исключительно органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов по решению вопросов местного значения в сфере образования. Анализ данной нормы позволяет сделать вывод об их организационном содержании. В общих чертах они сведены к созданию условий для содержания и присмотра за несовершеннолетними, проходящими обучение в муниципальных образовательных организациях, созданию, реорганизации и ликвидации подобных организаций, обеспечению их надлежащего состояния и благоустройства прилегающей к ним территории. Указанным органам также вменена обязанность организации дополнительного образования и учета детей, подлежащих обучению по образовательным программам дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, закрепление муниципальных образовательных организаций за конкретными территориями муниципального района, городского округа (п. п. 2–6 ч. 1 ст. 9 Федерального закона № 273-ФЗ).

На наш взгляд, эти положения являются дальнейшей конкретизацией общей нормы, обозначенной в п. 1 ч. 1 этой статьи, в соответствии с которой на указанные органы возложена организация предоставления общедоступного и

бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования по основным общеобразовательным программам в муниципальных образовательных организациях. Следует отметить, что аналогичный подход к определению полномочий органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов в сфере образования содержался и в Законе РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» (ст. 31).

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в свою очередь, также наделяет полномочиями по организации образовательного процесса только органы местного самоуправления муниципальных районов и городских округов. Соответствующие формулировки закреплены в п. 11 ч. 1 ст. 15 и п. 13 ч. 1 ст. 16, которые, будучи идентичными между собой, по своему содержанию в целом схожи с нормами ст. 9 Федерального закона № 273-ФЗ.

Полномочия органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов в области образования названы кратко: 6 пунктов полномочий охватывают исключительно всю деятельность по организации обеспечения реализации конституционного права на образование: это, прежде всего, организация предоставления общедоступного и бесплатного начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования по основным общеобразовательным программам.

Сюда же отнесены полномочия по организации предоставления дополнительного образования детям и общедоступного бесплатного дошкольного образования на территории муниципального района, учету детей, подлежащих обязательному обучению в образовательных учреждениях, реализующих образовательные программы основного общего образования и вопросы опеки и попечительства. К полномочиям органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов в области образования законодатель отнес создание, реорганизацию и ликвидацию муниципальных образовательных учреждений, и обеспечение содержания зданий и сооружений, обустройство прилегающих к ним территорий.

При этом в указанных пунктах статьей 15 и 16 Федерального закона № 131-ФЗ органам местного самоуправления вменена в обязанность организация отдыха детей в каникулярное время, о которой Закон об образовании не упоминает.

Данные полномочия реализуются посредством издания муниципальных правовых актов органов местного самоуправления муниципальных районов и городского округа в сфере образования, в частности:

— положений (например, Положение об организации предоставления общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования по основным общеобразовательным программам в муниципальных образовательных организациях в соответствии с ч. 4, 5 ст. 5, п. 1 ч. 1 ст. 9, ч. 1, 4, 5, 6 ст. 67, ч. 10 ст. 43, ч. 2 ст. 44, ч. 1, 4 ст. 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», п. 10 часть 1 ст. 15, п. 11 ч. 1 ст. 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»);

— порядков (например, Порядок учета детей, подлежащих обучению по образовательным программам дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, проживающих на территориях соответствующих муниципальных образований, а также форм получения общего образования на основании п. 6 ч. 1 ст. 9, часть 5 ст. 63 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»);

— распоряжений (например, Распоряжение о закреплении муниципальных образовательных организаций за конкретными территориями муниципального района, городского округа на основании п. 6 ч. 1 ст. 9, п. 3 ч. 1 ст. 10, Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»).

В заключение следует отметить, что органы местного самоуправления выполняют основной объем работы по организации предоставления общедоступного и бесплатного начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования по основным общеобразовательным программам и общедоступного бесплатного дошкольного образования на территории муниципального образования, а также по организации отдыха детей в каникулярное время, создавая тем самым условия для реализации гражданами такого фундаментального социального права, как право на образование. Такая деятельность органов местного самоуправления регулируется на всех трех уровнях власти: федеральной, региональной и муниципальной. При этом, однако, нормативное регулирование осуществляется преимущественно на федеральном уровне, что представляется неправильным. Нормативные акты субъектов РФ и муниципальных образований в сфере образования большей частью лишь дублируют нормы ведущих законов в данной сфере. Во многом повторяются и формы регулирования в виде целевых программ. При этом ряд соответствующих норм нуждается в совершенствовании, равно как и подходы в целом к законодательному регулированию полномочий органов местного самоуправления в сфере образования.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31, ст. 4398.

2. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 31.12.2012, N 53 (ч. 1), ст. 7598.
3. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2018) // Собрание законодательства РФ, 06.10.2003, N 40, ст. 3822.
4. Федеральный закон от 10.04.2000 № 51-ФЗ (в ред. от 26.06.2007) «Об утверждении Федеральной программы развития образования» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 16. Ст. 1639.
5. Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (в ред. от 07.03.2018) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 52. Ст. 5880.
6. Закон Тюменской области от 05.07.2013 № 63 (в ред. от 08.12.2015) «О регулировании отдельных отношений в сфере образования в Тюменской области» // Вестник Тюменской областной Думы. № 5. 2013.
7. Братановская, М. С. Реализация полномочий органов местного самоуправления в области образования // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Юриспруденция. 2015. № 2. с. 70–73.
8. Геворкова, С. М. Понятие и сущность полномочий органов местного самоуправления в области образования в Российской Федерации // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. с. 861–864.
9. Медведева, Н. В., Порошкина М. В. Исследование деятельности органов местного самоуправления в сфере образования // Материалы Ивановских чтений. 2017. № 2–1 (12). с. 196–201.
10. Ракутин, Р. А. Организационно-правовые основы деятельности органов местного самоуправления в сфере образования // Международный академический вестник. 2017. № 2 (20). с. 122–129.

Основные понятия и специфика алиментных правоотношений в Российской Федерации

Яницких Елена Николаевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В любой науке, равно как учебной дисциплине значительную роль играет выработка понятийного аппарата, позволяющего адекватно и четко воспринимать явления и процессы, регламентируемые законодательством. Помимо прочих функций, разработка и усвоение понятийного аппарата имеет существенное значение для правильного толкования закона и построения единообразной практики применения закона. Отметим же, что вопросы, связанные с понятийным аппаратом, весьма детально разработаны теоретиками государства и права, вместе с тем, в отрасли семейного права используются не только те термины, которые выработаны другими отраслевыми правовыми дисциплинами, но и специальные, присущие исключительно семейному праву. В силу того, что Семейный кодекс РФ 1996 г., не предусматривает определений многих основополагающих понятий и терминов, в целях верного понимания сущности и природы алиментных обязательств и алиментных правоотношений в целом, исследование данной темы представляется целесообразным начать с рассмотрения определений наиболее существенных понятий.

Алименты в семейном праве есть средства на содержание [5, с. 21]. С. Гликин предлагает небезынтересное определение понятия «алименты», согласно которому данное слово имеет нерусское происхождение, по-русски

же оно звучит как «харчи», в английском языке в данное слово вложен более широкий смысл, включающий как харчи, так и обувь, одежду и прочее содержание. Антокольская М. В. пытаясь более строго подойти к определению алиментных обязательств, предлагает понимать алиментные обязательства как правоотношения, возникающие на основании предусмотренных законодательством юридических фактов, а именно решения суда либо соглашения сторон, в силу которых определенные члены семьи должны предоставлять материальное содержание другим членам этой же семьи, которые в свою очередь вправе требовать такого содержания. [1, с. 248]

С течением времени в истории правового регулирования алиментных правоотношений представления о природе алиментов неоднократно менялись. Так, первый советский прокурор Д. И. Курский говорил, что взыскание алиментов для внебрачных детей есть вынужденная форма их материального обеспечения, необходимая до тех пор, пока государство полностью не возьмет на себя содержание детей [3, с. 252]. В 20-х годах XX века бытовало мнение о том, что алименты являются «суррогатом социального обеспечения», а развитие и совершенствование системы социальной поддержки населения приведет к постепенному исчезновению алиментных обязательств. Такое мнение было продиктовано широкой пропагандой общественного

воспитания взамен семейным. Множество исследований посвящалось названной проблеме [2], и в дальнейшем теория была отвергнута, однако, не окончательно. Вместе с тем, историческое развитие института семьи во всех странах мира за показало, что при любом общественном строе, практически невозможно добиться полноценной замены детям родительской семьи на иную форму воспитания, так как государство не в состоянии материально обеспечить каждого нуждающегося. В тоже время нельзя отрицать связь между уровнем развития государственной системы социального обеспечения и алиментными обязательствами, так как они имеют единую цель — содержание нуждающихся нетрудоспособных граждан.

Субъекты алиментных правоотношений. На сегодняшний день Российская Федерация не в состоянии обеспечить всех нуждающихся и нетрудоспособных граждан за счет системы социальной поддержки и обеспечения на том же уровне, что и в ряде европейских государств, в связи с чем, отечественное законодательство предусматривает более широкий круг лиц, обязанных предоставлять друг другу алиментное содержание, нежели в большинстве зарубежных стран. В соответствии с семейным законодательством РФ субъекты алиментных обязательств нередко не являются (или не являлись) членами семьи в социологическом контексте и связаны лишь алиментными правоотношениями. По закону, субъектами алиментных правоотношений являются: супруги, родители, дети и иные члены семьи (к последним относятся братья, сестры, бабушки, дедушки, отчимы, мачехи и фактические воспитатели).

Основания возникновения алиментных правоотношений.

В соответствии с действующим семейным законодательством РФ к общим основаниям возникновения алиментных правоотношений относятся: а) наличие родственной или семейной связи между их субъектами; б) наличие предусмотренных законом условий, таких как нетрудоспособность, нуждаемость получателя алиментов и наличие необходимых средств у плательщика алиментов; в) формальное основание — соглашение сторон об уплате алиментов, судебное решение.

Основания прекращения алиментных обязательств, предусмотрены ст. 120 СК РФ, согласно которой алиментные обязательства, установленные соглашением,

прекращаются в связи с: а) смертью одной из сторон; б) истечением срока действия этого соглашения или по основаниям, предусмотренным этим соглашением.

Алиментные обязательства, установленные решением суда, прекращаются: а) по достижении ребенком совершеннолетия или в случае эмансипации; б) в случае усыновления (удочерения) ребенка или вступления супруга — получателя алиментов в новый брак; в) при признании судом прекращения условий породивших данную обязанность (нуждаемость, нетрудоспособность); г) в связи со смертью лица, обязанного уплачивать алименты или получающего алименты.

Специфика. Нормативно-правовая база и правовая доктрина позволяют выделить такую характерную исключительно для алиментных обязательств черту как семейные отношения, которые отличаются довольно сложной спецификой. [4]

Так, к семейным отношениям, порождающим алиментные обязательства (при наличии определенных условий), относится кровная связь, брачные отношения, а также семейные отношения, установленные в силу принятия лицами обязанности по фактическому воспитанию и содержанию несовершеннолетних. Основная цель алиментных отношений — это содержание нуждающихся и нетрудоспособных членов семьи, при этом они носят строго персональный характер и подлежат прекращению в связи со смертью плательщика алиментов, и не подлежат отчуждению или преемству. Алиментные обязательства всегда безвозмездны и не могут быть связаны с возмещением каких-либо убытков. При возникновении алиментных правоотношений не имеет значения причина, по которой возникли условия для выплаты алиментов (нуждаемость, нетрудоспособность), однако неисполнение таких обязательств может повлечь как гражданско-правовую, так и уголовную ответственность. Как правило, алиментные обязательства носят длящийся характер, на них не распространяется срок давности, а при обращении в суд с заявлением о взыскании алиментных выплат истец получает ряд льгот, таких как освобождение от государственной пошлины и предоставление права выбора территории обращения, кроме того по названной категории дел установлены сокращенные сроки рассмотрения, а решения подлежат немедленному исполнению.

Литература:

1. Антокольская, М. В. Семейное право. М., 1997.
2. Гойхборг, А. Г. Брачное, семейное, опекуновское право советских республик. М., 1920; Курский Д. И. Брак, семья опека. Ростов-на-Дону. 1925; Бранденбургский Я. Н. Курс семейного брачного права. М., 1928.; Сабсович И. М. Города будущего и организация социалистического быта. М., 1929 и др.
3. Курский, Д. И. Избранные статьи и речи. М. 1968. с. 252
4. Пергамент, А. И. Алиментные обязательства по советскому праву. М. 1951; Заболоцкий, И. И. Кузнецова И. М. Вопросы взыскания алиментов в судебной практике. // Комментарий судебной практики за 1979 г. М. 1980; Гришин И. П. Право на алименты. М. 1988; Брачно-семейные споры. / Сб. документов. М. 1999; Нечаева А. М. Семейное право. / Курс лекций. М., 2013 и проч.
5. Энциклопедический юридический словарь. М., 1997. с. 21.

ИСТОРИЯ

К вопросу о роли вице-короля Маунтбеттена в политике Великобритании в отношении Индии в середине XX века

Кадомова Валерия Васильевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматривается проблема деятельности вице-короля Луиса Маунтбеттена в процессе обретения независимости Индии и Пакистана. Также затрагивается вопрос роли англичан на возникновение и разжигание межконфессиональных противоречий в стране.

Ключевые слова: «план Маунтбеттена», этноконфессиональные взаимоотношения, Британская Индия.

The article deals with the problem of the activities of the viceroy Louis Mountbatten in the process of gaining the independence of India and Pakistan. The question of the role of the British in the emergence and incitement of sectarian conflicts in the country is also raised.

Key words: «the plan of Mountbatten», ethno-confessional relations, British India.

«Если мы потеряем Индию, британцы, из поколения в поколение считающие себя властителями мира, за одну ночь утратят статус величайшей нации и перейдут в третью категорию», — заявил вице-король Индии лорд Джордж Керзон [4].

Трудно не согласиться со словами политика. На протяжении долгого времени Великобритания справедливо считалась империей, над которой никогда не заходит солнце. В середине XX века случилось доселе немислимое — Великобритания потеряла «жемчужину» короны, которая была разделена на независимые государства — Индию и Пакистан. «С ударом часов в полночь, когда весь мир спит, Индия пробуждается для жизни и свободы. Душа нации, которую долго подавляли, наконец-то сможет себя проявить», — такой возвышенной речью Джавахарлал Неру сопроводил провозглашение независимости Индии в ночь с 14 на 15 августа 1947 года [2, с. 287]. Слова Джорджа Керзона оказались в какой-то степени пророческими, в эту ночь Британия официально перестала быть мировым гегемоном.

Стоит уделить отдельное внимание тому, как королевская семья приняла данный политический факт. Елизавете II, находящейся во главе государства более чем полвека, пришлось воочию увидеть распад своей империи, что выпадало на долю далеко не всем монархам в истории. И при этом ей удалось «сохранить лицо», так она лично, наряду с другими членами королевской семьи, неоднократно посещала бывшую колонию. В свой первый визит в страну она побывала в самых крупных городах новообразованного независимого государства, такие как Бомбей, Ма-

драс. В ту же, первую и, пожалуй, наиболее приятную для нее поездку в Индию Елизавета лично встретила с Индирой Ганди. Более миллиона индийцев пришли послушать речь ее Величества, которую она завершила словами признательности на языке хинди, чем вызвала бурное восхищение собравшихся.

Но что же привело к таким достаточно печальным для имперских амбиций Британии последствиям? Мы не будем углубляться во все аспекты данной проблемы — это просто невозможно осветить в рамках одной статьи. Остановимся лишь на некоторых моментах, в частности, поговорим о вкладе в процесс обретения независимости лорда Маунтбеттена. Для этого обратимся к событиям, разворачивавшимся в первой половине XX века.

Одной из ключевых фигур, внесших свою лепту в процесс обретения независимости стран Индии и Пакистана, был именно лорд Луис Маунтбеттен, приходящийся дядей ныне живущему герцогу Эдинбургскому принцу Филиппу. В период 1920—1921 гг. он в качестве члена правительственной делегации побывал в британских колониях, в частности — в Британской Индии и воочию увидел плачевное состояние империи. Колонии выдвигали требования о независимости и были вполне готовы бороться за нее всеми доступными способами. В особенности это касалось выше упомянутой нами Индии, где после Первой мировой войны уже начались процессы, переросшие в национально-освободительное движение.

Нельзя исключать того, что во многом именно эта поездка повлияла на понимание политиком необходимости

реформирования системы взаимоотношений метрополии, в лице Британского доминиона, со своими колониями. Естественно, задача наделения независимостью упомянутых территорий не ставилась, а напротив — изменения в экономических, политических аспектах отношений должны были прежде всего послужить делу сохранения статуса Великобритании как имперской державы. Лорд Маунтбеттен прекрасно осознавал, что именно на его плечи может лечь ответственность за проводимую политику, и будущее последствия также будут связаны с его именем, но для него был также очевиден тот факт, что, если данным вопросом будут заниматься другие лица, ситуация в Индии рано или поздно вырвется из-под контроля — необходимо было сохранить Британскую империю хотя бы в виде Содружества наций, чего и добивался позже в своей политике вице-король.

Официально пост вице-короля Британской Индии Маунтбеттен занял в 1947 году. Он все чаще выражал уверенность в том факте, что затягивать с реформами нельзя, иначе миновать восстания и кровопролитной гражданской войны не удастся.

В столице Индии — городе Дели, куда 22 марта 1947 года он прибыл, политика встретили достаточно тепло. Ему уже приходилось ранее контактировать со многими партийными лидерами страны, и он без преувеличения считался «своим» в среде местного политического истеблишмента. Однако, конечно, были лица, скептически высказывавшиеся о нем, подчеркивая, что новому вице-королю вряд ли удастся решить накопившееся за много лет проблемы и даже выражали мнение касательно того, что британцы в принципе не собираются расставаться со своей самой ценной колонией.

В ходе процедуры приведения к присяге вице-короля им были еще раз подтверждены намерения проводить так необходимые реформы. «У меня нет абсолютно никаких иллюзий относительно необыкновенной сложности стоящих передо мною задач, — откровенно признался лорд Маунтбеттен в своем первом выступлении. — Мне понадобится добрая воля самого индийского народа, и я прошу его сегодня продемонстрировать ее». При этом он особо подчеркнул, что намерен прислушиваться к позициям ключевых политических партий на тот момент еще единой Индии и не примет решения, которые окажутся, на их взгляд, неприемлемыми [1, с. 35].

Последнее было особо актуальным прежде всего для представителей мусульман. В ходе встреч вице-короля с представителями политических партий Индии англичане еще раз убедились в том, что индийское общество расколото. Представители мусульманской общины, прежде всего в лице лидера партии Мусульманская лига Мухаммеда Али Джинны, на тот момент уже приняли решение всеми силами добиваться не только независимости от Британии, но и более того — бороться за создание собственного независимого государства [3, с. 281].

Маунтбеттен, сравнивая позиции лидеров партий Индийский Национальный Конгресс (далее ИНК) и Мусуль-

манская Лига (Дж. Неру и М. Джинны) по ключевым аспектам политических проблем, отмечал, что Неру хоть и не желает даже рассматривать вопрос раздела Индии на два государства все же, при определенных условиях, склонен идти на уступки относительно членства страны в Содружестве наций [1, с. 35]. М. Джинна же был готов обсуждать только один единственный вопрос — предоставление независимости государству Пакистан. Любой предлагаемый вариант решений «индийской проблемы», не предполагающий раздела страны, наотрез отвергался. Аргументы вице-короля в пользу того, что единая Индия всецело отвечает интересам всех конфессий, также не рассматривались. То, что М. Джинна видел в лице вице-короля сторонника ИНК подливало «масла в огонь» и усугубляло ситуацию, но это также, возможно, является аргументом в пользу того, что приписывать Маунтбеттену излюбленную английскую политику «разделяй и властвуй» вряд ли правильно, т. к. он был в большей степени сторонником единой Индии. Однако, мы не отрицаем возможного наличия в его администрации людей, способствующих дальнейшему разжиганию межконфессиональной розни в стране.

Интересна позиция относительно данного вопроса Дж. Неру, он неоднократно выражал уверенность в том, что именно на Великобритании лежит вина в расколе когда-то единой страны. «Англия, — писал он лорду Лоузиену еще до обретения независимости, — несомненно, не хочет новых войн. Это богатая и пресыщенная держава. Зачем ей рисковать тем, что она имеет? Она хочет сохранить статус-кво, который ей выгоден». Здесь же он подчеркивает, что конфликт между религиозными общностями завязался непосредственно после прихода исламской религии в Индию, т. е. еще во времена Великих Моголов. «Английское господство в Индии, несомненно, помогло политическому объединению страны. Сам факт общего гнета не мог породить общее стремление избавиться от него», — отмечал Неру [1, с. 36].

Дж. Неру был далеко не единственным приверженцем идеи того, что религиозные противоречия зрели в Индии давно. Были ли только англичане виновниками этих процессов? На наш взгляд они скорее умело повернули обстоятельства в свою пользу, использовав пресловутый принцип «разделяй и властвуй», а когда ситуация стала уходить из-под контроля, и страна приблизилась к полноценной гражданской войне предложили выход из сложившихся обстоятельств, коим стал знаменитый «план Маунтбеттена».

План состоял из целого ряда мер, но фактически «красной нитью» сквозь весь документ проходила идея разделения Британской Индии на два доминиона — Пакистан и Индийский Союз. Он был представлен на голосование, в итоге Мусульманская Лига абсолютным большинством голосов проголосовала «за», Индийский Национальный Конгресс также поддержал выдвинутые меры. Примечателен тот факт, что даже сам М. Ганди, изначально выступавший категорически против разделения

Индии, отдал свой голос в поддержку «плана Маунтбеттена», т. к. считал, что в текущей политической ситуации иной выход вряд ли возможен.

План, предложенный вице-королем, стал своеобразным итогом крайне сложнейшей комбинации непрерывного переговорного процесса и соглашений между политическими и религиозными объединениями Британской Индии. Сам Маунтбеттен, насколько можно судить из доступных источников, осуществил все возможное, чтобы процесс не закончился разделением государства. Стоит отметить безусловное дипломатическое достижение вице-короля — несмотря на то, что Британская Индия была разделена и оба государства получили независимость, англичанам все-таки удалось убедить индусов сразу не разрывать связи с бывшей метрополией и сохранить статус члена Содружества наций.

Идея об одновременном вступлении Индии и Пакистана в упомянутое объединение была последней надеждой сберечь хотя бы иллюзию единства теперь уже суверенных государств в рамках целостного сообщества, не говоря уже о бескровном процессе передачи всей полноты власти в руки политических лидеров. Отметим, что среди самых разных кругов, в том числе и непосредственно в самой Британии (особенно среди партии консерваторов) долгое время в «потере» колонии винили лорда Маунтбеттена, что, на наш взгляд, является достаточно спорным вопросом.

Дальнейшие события подтвердили действенность выбранной стратегии. На конференции стран Содружества в 1948 году был засвидетельствован статус суверенных

доминионов, а в 1949 году сформулирована особая стратегия, в соответствии с которой эти страны, оставаясь в статусе республик, признавали в то же время Британскую корону в качестве главы вышеупомянутого объединения и его связующего центра.

Процедура прощания вице-короля с Индией была организована с исключительной пышностью и сопровождалось многолюдным митингом в знак признательности вице-королю за его работу в предоставлении самостоятельности народам Индии и Пакистана.

Это, на наш взгляд, является своеобразным итогом и показателем того, что, несмотря на все сложности, лорду Маунтбеттену удалось оставить в далекой восточной стране мнение о себе как о человеке, сделавшем все возможное для того чтобы не допустить кровопролития. Однако не стоит забывать, что проблемы в регионе существуют до сих пор, особо это касается приграничных территорий, таких как Кашмир, между двумя ныне суверенными государствами и поэтому точку в данном вопросе ставить пока рано. Можно долго спорить о роли отдельной личности в истории, и мы не будем в этом плане занимать категоричную позицию, но тот факт, что отдельно взятые люди, коим в данном случае лорд Маунтбеттен, придают описанию исторического процесса личностную — живую окраску, что в значительной степени делает ее более живой и яркой. Ведь история — это не только сухое отображение фактов — это еще и рассказ о судьбах многих людей и как на эти многомиллионные массы может росчерком пера повлиять отдельно взятый человек.

Литература:

1. Заболотный, В. М. Лорд Маунтбеттен — последний вице-король Британской Индии (опыт реконструкции переходного периода от Британской империи к Содружеству наций) // Вестник РУДН. 2010. № 2. с. 27–44.
2. Неру Дж. Автобиография / Пер. с англ. Н. Исакович, Д. Кунина, В. Павлов — М.: Издательство иностранной литературы, 1955. — 653 с.
3. Уолперт, С. Джинна — творец Пакистана / Пер. с англ. В. Скороденко, В. Малахова — М.: Рудомино, 1997. — 480 с.
4. Утраченная жемчужина URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/4646/> (дата обращения: 19.10.2018).
5. Юрлов, Ф. Н., Юрлова Е. С. История Индии. XX век. — М.: Институт востоковедения РАН, 2010. — 920 с.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Программа «Земельный капитал в Санкт-Петербурге» как альтернативное решение проблемы обеспечения земельными участками многодетных семей: содержание, цели и основные этапы

Шмидт Виктор Александрович, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Для решения проблемы обеспечения земельными участками многодетных семей, проживающих в Санкт-Петербурге, в 2016 году в Санкт-Петербурге была разработана и предложена новая программа предоставления земельных наделов, названная «Земельный капитал в Санкт-Петербурге». Впоследствии она была утверждена постановлением Правительства Санкт-Петербурга № 781 от 14 сентября 2016 года «О внесении изменений в постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13.12.2011 № 1669». Определен и порядок предоставления сертификата, разработанный в соответствии с Законом Санкт-Петербурга от 09.11.2011 № 710–136 «О предоставлении земельных участков для индивидуального жилищного или дачного строительства и дополнительной меры социальной поддержки гражданам, имеющим трех и более детей».

В частности, в законе дается определения земельного капитала и сертификата «Земельный капитал в Санкт-Петербурге». Под первым понимается «...средства бюджета Санкт-Петербурга на реализацию дополнительной меры социальной поддержки» [1]. Под вторым (другое название — земельный сертификат) — «...именной документ, подтверждающий право граждан на дополнительную меру социальной поддержки» [1].

Суть нововведения заключается в том, что с помощью данного сертификата многодетная семья частично или полностью возмещает расходы после покупки земельного участка для дачного строительства на территории любого субъекта Российской Федерации. Размер земельного капитала в Санкт-Петербурге на 2018 год составил 341 193 рубля 60 коп., он подлежит ежегодной индексации. По уже выданным земельным сертификатам сумма не меняется, то есть многодетная семья получает сумму, указанную в выданном сертификате, и ее размер не может быть изменен. После получения земельного сертификата семья снимается с учета нуждающихся в земельном участке для дачного строительства. Важная поправка в ПП СПб № 1669

была внесена постановлением Правительства Санкт-Петербурга № 547 от 12.07.2018 года: действие земельного сертификата стало бессрочным (в отличие от первоначальной редакции, где срок реализации сертификата ограничивался 3 годами с даты его предоставления).

Отметим, что получение земельного сертификата не лишает семьи с 3 и более детьми права на получение каких-либо иных социальных, транспортных, трудовых, медицинских льгот. Такие семьи могут в полном объеме рассчитывать на другую помощь от государства. Помощь в виде земельного капитала для многих петербургских многодетных семей является существенным подспорьем, поскольку он дает возможность приобрести бесплатно, либо за небольшие средства участок, где можно построить собственный дом, организовать подсобное хозяйство и даже улучшить жилищные условия семьи.

Для получения земельного сертификата многодетным семьям необходимо соответствовать определенным *требованиям*. Во многом эти требования дублируют те, которые предъявляются к многодетным родителям, претендующим на получение земельного участка за счет регионального бюджета.

1. В семье должно быть не менее 3 несовершеннолетних ребенка. При этом семья в обязательном порядке подтверждает свой статус и получает свидетельство установленного образца;

2. У всех членов семьи должна быть постоянная регистрация на территории Санкт-Петербурга;

3. Состоять на учете нуждающихся в земельном участке для индивидуального жилищного или дачного строительства в районной администрации (зависит от района проживания родителей и детей). Граждане могут быть поставлены на очередь только после написания заявления. Здесь важно помнить, что земельный сертификат не выдается в день обращения. Решение о предоставлении сертификата или об отказе в нем администрация района принимает в течение 10 рабочих дней [2].

4. Земельный сертификат не может быть предоставлен семье, если она уже владеет земельным участком, предоставленным ей за счет средств бюджета Санкт-Петербурга.

Важно акцентировать внимание на то, что законодательство ограничивает возможности использования земельного сертификата.

Во-первых, многодетным родителям нельзя купить земельный участок в другой стране, он должен находиться исключительно на территории Российской Федерации.

Во-вторых, т. к. средства на приобретение участков выделяются из бюджета города, то их количество ограничено, а, следовательно, будет сохраняться очередь желающих получить земельный сертификат. В настоящее время не-

возможно обеспечить все многодетные семьи земельными наделами.

В-третьих, земельный сертификат выдается только на одного родителя, таким образом, никто другой, включая оставшихся членов семьи, не сможет воспользоваться данным документом.

В-четвертых, деньги (компенсация) не передаются «из рук в руки», а также не предоставляются иным способом до момента проведения сделки по приобретению земельного участка. Когда участок перейдет в собственность покупателя, на основании заявления от держателя сертификата на специальный счет будут направлены средства.

Алгоритм использования земельного сертификата может быть представлен в следующем виде (см. рис. 1).

Рис. 1. Возможный алгоритм использования земельного сертификата многодетной семьей

Теперь предлагаем рассмотреть каждый этап алгоритма последовательно, останавливаясь на важных моментах.

На первом этапе многодетная семья должна встать на учет граждан России в качестве нуждающихся в земельных участках для дачного строительства. Для этого один из родителей обращается администрацию района Санкт-Петербурга по месту регистрации или в любое удобное подразделение СПб ГКУ «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее — МФЦ).

В случае принятия администрацией соответствующего района Санкт-Петербурга положительного решения о постановке многодетной семьи на учет в качестве нуждающейся в земельном участке, родителям выдается документ установленного образца о включении в очередь.

На втором этапе — этапе подбора земельного участка родителям следует изучить рынок земельных участков в тех регионах России, где планируется приоб-

ретение участка. Таким образом, изучая рынок недвижимости, многодетная семья имеет возможность определить для себя финансовые расходы на приобретение, изучить месторасположение будущего надела, объективно оценить его инженерную, дорожную инфраструктуру, удаленность от важных социальных, медицинских объектов, объектов торговли, транспортную доступность. На данном этапе у многодетной семьи формируются конкретные требования к приобретаемому земельному участку.

Третий этап — получение сертификата «Земельный капитал». Для этого один из родителей многодетной семьи (на основании решения о постановке на очередь граждан РФ, нуждающихся в земельных участках) повторно обращается в администрацию района Санкт-Петербурга по месту жительства или МФЦ со следующим пакетом документов:

1. Заявление о предоставлении сертификата «Земельный капитал»;

2. Документ, удостоверяющий личность гражданина Российской Федерации и членов его семьи;

3. Свидетельства о рождении детей в возрасте до 18 лет, выданные не на территории Санкт-Петербурга;

4. Свидетельство о браке гражданина с матерью (отцом) пасынком, падчерицы гражданина (в отношении пасынков, падчериц), выданное не на территории Санкт-Петербурга;

5. Акт органа опеки и попечительства о назначении опекуна или попечителя (в отношении детей, находящихся под опекой или попечительством);

6. Решение суда об усыновлении (при наличии);

7. Свидетельство об усыновлении (в случае усыновления ребенка в возрасте до шести месяцев), выданное не на территории Санкт-Петербурга;

8. Документы, содержащие сведения о месте жительства гражданина и членов его семьи в Санкт-Петербурге (справка о регистрации по месту жительства (форма 9) либо решение суда об установлении места жительства в Санкт-Петербурге) (в случае отсутствия в документе, удостоверяющем личность гражданина, сведений о месте жительства в Санкт-Петербурге);

9. Свидетельство о смерти владельца сертификата (в случае подачи супругом (-ой) владельца сертификата заявления о выдаче нового сертификата), выданное не на территории Санкт-Петербурга;

10. Документы, удостоверяющие личность и полномочия представителя гражданина (в случае подачи заявления и документов представителем гражданина) [3].

При получении сертификата «Земельный капитал», многодетные семьи подлежат снятию с учета в качестве нуждающихся в земельном участке для дачного строительства. Также необходимо учитывать:

— сертификат «Земельный капитал» выдается один раз;

— по сертификату «Земельный капитал» денежные средства для компенсации предоставляются в размере, установленном на дату обращения многодетной семьи;

— гражданам, получившим сертификат, размер земельного капитала в Санкт-Петербурге не индексируется.

Выдается сертификат «Земельный капитал» заявителю в течение 20 рабочих дней со дня принятия решения и действует бессрочно (См. Приложение).

В случае утраты, порчи сертификата, изменения фамилии, имени, отчества или смерти его владельца, документ может быть выдан заявителю повторно в течение 30 рабочих дней.

На *четвертом этапе* многодетная семья выбирает земельный участок и приобретает его в собственность. Здесь необходимо детально остановиться на таких категориях как площадь земельного участка и вид его разрешенного использования.

Согласно положениям статьи 1 Закона Санкт-Петербурга от 09.11.2011 № 710–136 «О предоставлении земельных участков для индивидуального жилищного или дачного строительства или дополнительной меры соци-

альной поддержки гражданам, имеющим трех и более детей», земельный капитал обеспечивает возможность приобретения гражданами в собственность земельного участка для дачного строительства на территории России.

Вместе с тем, руководствуясь пунктом 1 Указа Президента Российской Федерации от 05.05.1992 № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей», а также принимая во внимание востребованность новой дополнительной меры социальной поддержки со стороны многодетных семей Санкт-Петербурга, Комитетом по социальной политике даны дополнительные разъяснения администрациям районов города. В соответствии с ними, при принятии решения о направлении средств земельного капитала на приобретение земельного участка для дачного строительства допускается направление средств земельного капитала на приобретение также садовых и огородных земельных участков. Это, в первую очередь, соотносится с положениями статьи 1 ФЗ от 15.04.1998 № 66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан», соответствует позициям 13.1 — «ведение огородничества», 13.2 — «ведение садоводства», 13.3 — «ведение дачного хозяйства» классификатора видов разрешенного использования земельных участков [4].

Таким образом, возмещение расходов может производиться в отношении приобретенных земельных участков с видами разрешенного использования:

- «ведение огородничества»,
- «ведение садоводства»,
- «ведение дачного хозяйства».

Кроме того, земельный капитал не накладывает ограничений в следующих случаях:

- приобретается доля (доли) земельного участка;
- приобретаемый земельный участок находится в собственности у родственников (однако муж не имеет права приобрести земельный участок жены и наоборот);
- земельный участок приобретается вместе с постройками (дом, сарай, баня, теплица и пр.);
- земельный участок приобретается в любом субъекте Российской Федерации (зафиксирована покупка земельных наделов в Новгородской, Тверской, Псковской, Ленинградской, Волгоградской областях, Краснодарском крае);
- земельный участок может быть приобретен любой площади.

Последнее обстоятельство предоставляет многодетным семьям широкие возможности не только для выбора земельного участка, но и для организации будущей деятельности, подсобного хозяйства и досуга на нем.

После сделки по приобретению объекта недвижимости (составления и подписания договора купли-продажи, оплаты участка) покупателю необходимо зарегистрировать свое право собственности на конкретный земельный участок (эта услуга может быть предоставлена через МФЦ или Управлением Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии). Итогом оказания данной услуги является:

— получение свидетельства о государственной регистрации права на земельный участок;

— выписка из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее — выписка и ЕГРП).

Таким образом, один из родителей многодетной семьи становится собственником земельного участка и получает право на (полную либо частичную) компенсацию затрат по сертификату «Земельный капитал».

Пятым этапом является процесс реализации земельного капитала. Для этого собственнику земельного участка необходимо подать пакет документов в администрацию района Санкт-Петербурга по месту жительства или в МФЦ.

Для направления средств земельного капитала предоставляются:

1. Документ, удостоверяющий личность гражданина (паспорт).
2. Сертификат «Земельный капитал в Санкт-Петербурге».
3. Документы, содержащие сведения о месте жительства гражданина в Санкт-Петербурге.
4. Договор купли-продажи земельного участка с указанием цены.
5. Документы, подтверждающие произведенные расходы.

В случае направления средств земельного капитала на уплату первоначального взноса, погашения основного долга, уплаты процентов по кредитному договору к основному пакету документов предоставляется:

6. Кредитный договор (договор займа), заемщиком по которому является владелец сертификата или его супруг.

7. Документ, удостоверяющий передачу кредитором владельцу сертификата денежной суммы.

8. Документ, подтверждающий оплату денежной суммы по кредитному договору владельцем сертификата или его супругом.

В заявлении также потребуется указать способ перечисления денежной выплаты (почтовое отделение или реквизиты банковского счета).

Срок предоставления государственной услуги составляет не более 30 рабочих дней со дня подачи заявления.

Шестой этап — получение денежной выплаты указанным заявителем способом. В течение трех месяцев заявителю будут перечислены необходимые средства. Сроки принятия решения отражены в схеме 3.1. приложения.

Фактически за два года реализации (2017–2018 гг.) программа «Земельный капитал в Санкт-Петербурге» показала не только свою эффективность и востребованность у семей с 3 и более детьми, но и доказала, что может являться единственно верным альтернативным решением проблемы обеспечения земельными участками данной категории петербуржцев. Достаточно привести несколько цифр: если на 01.01.2017 был выдан 491 земельный сертификат, то на аналогичную дату 2018—5899 единиц. Позитивная динамика прослеживается и по выплатам: по состоянию 01.01.2017 за компенсацией по сертификату после приобретения земельных участков обратилось 10 человек, а на 01.01.2018—3025 заявителей.

Таким образом, основные цели программы «Земельный капитал в Санкт-Петербурге» — реализация права многодетных семей на землю, рациональное использование средств городского бюджета и снятие социальной напряженности — могут и должны быть достигнуты.

Литература:

1. Закон Санкт-Петербурга № 710–136 от 6 декабря 2011 года «О предоставлении земельных участков для индивидуального жилищного или дачного строительства и дополнительной меры социальной поддержки гражданам, имеющим трех и более детей» [Электронный ресурс] // ИС «Кодекс» (дата обращения: 20.10.2018).
2. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13.12.2011 № 1669 «О предоставлении земельных участков для индивидуального жилищного или дачного строительства и дополнительной меры социальной поддержки гражданам, имеющим трех и более детей» [Электронный ресурс] // ИС «Кодекс» (дата обращения: 01.10.2018).
3. Распоряжение Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга от 21.03.2017 № 119-р «Об утверждении административного регламента администрации района Санкт-Петербурга по предоставлению государственной услуги по предоставлению дополнительной меры социальной поддержки в виде предоставления сертификата «Земельный капитал в Санкт-Петербурге»». // ИС «Консультант Плюс», (дата обращения: 09.10.2018)
4. Приказ Минэкономразвития России от 01.09.2014 № 540 «Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков». // ИС «Консультант Плюс», (дата обращения: 09.10.2018).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Абдрасилов Т. К.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Искаков Р. М.
Кайгородов И. Б.
Калдыбай К. К.
Кенесов А. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кошербаева А. Н.
Кузьмина В. М.
Курпаяниди К. И.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матвиенко Е. В.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Паридинова Б. Ж.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Федорова М. С.

Фозилов С. Ф.

Яхина А. С.

Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Ахмеденов К. М. (Казахстан)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Искаков Р. М. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Кошербаева А. Н. (Казахстан)
Курпаяниди К. И. (Узбекистан)
Куташов В. А. (Россия)
Кыят Э. Л. (Турция)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Федорова М. С. (Россия)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)
Шуклина З. Н. (Россия)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.**Ответственный редактор:** Осянина Е. И.**Художник:** Шишков Е. А.**Верстка:** Бурьянов П. Я., Голубцов М. В., Майер О. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:**почтовый:** 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;**фактический:** 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 07.11.2018. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25